

[Русская Быль № 1]

Г. Василичъ.

Императоръ Александръ I

и

Старецъ Феодоръ Кузьмичъ.

По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ.

Со многими рисунками и портретами.

Издание Московского Книгоиздательского Т-ва
„ОБРАЗОВАНИЕ“.

ЯСТВЕНДА О СТАРЦѢ КУЗЬМИЧѢ ИАЛЕКСАНДРѢ I

„РУССКАА БЫЛЬ“

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Выпуская въ свѣтъ въ прошломъ году книгу, гдѣ развѣничивалась одна изъ богатѣйшихъ фантазій русскаго прошлаго, мы писали, что достовѣрныя факты безсильны тамъ, гдѣ выступаютъ легенда и фантастика... и мы не ошибались: прочитавъ изслѣдованіе профессора Лунинскаго о княжнѣ Тарakanовой, многие не могли отрѣшииться отъ прежнихъ представлений обѣ этой особѣ, несмотря на всю убѣдительность, ясность и доказанность фактovъ.

Теперь мы хотимъ говорить о другой легендѣ изъ русской истории, болѣе близкой по времени и болѣе удивительной по своей фантастикѣ. Теперь мы хотимъ говорить о легендѣ о Старцѣ Кузьмичѣ и Александрѣ Первомъ. Говорить съ предубѣждѣніемъ читателемъ — задача не изъ благодарныхъ, поэтому мы не стараемся въ чѣмъ-нибудь разубѣждать, а желаемъ только выяснить, возможенъ ли фактъ, разсказываемый въ легендаѣ, и если невозможенъ, то почему возникла сама легенда. Такимъ образомъ, наша задача сводилась къ тому, чтобы показать сходство и различие между двумя историческими личностями, которыхъ людская фантазія желаетъ отождествитъ. Въ этомъ случаѣ наше вниманіе прежде всего обратилось къ императору Александру и Старцу Кузьмичу—какъ психическімъ типамъ, такъ какъ психологіческие факторы возникновенія легенды превосходить здѣсь всѣ другіе. Мы не будемъ повторять здѣсь того, что читатель найдетъ въ самой книгѣ, а предупредимъ его, что авторъ изслѣдованій, г. Василічъ, нарочно старался дать возможно больше *фактическаго и документальнаго* материала и воздерживался отъ какихъ-либо голословныхъ заключеній, такъ какъ онъ постоянно помнилъ, что имѣть дѣло съ *легендой и предубѣждѣніемъ*, въ борьбѣ съ которыми важнѣе всего *фактъ*.

Г. Балицкій.

ГЛАВА
ПЕРВАЯ.

Послѣдніе годы царствованія Александра.

Едва ли кто другой изъ русскихъ царей, кроме Петра I, превзошелъ Александра I въ страсти къ передвижению и путешествиямъ и даже не только по своему государству, но и за границей. Почти непрерывное странствование вело за собою то, что оба они рѣдко видѣли своихъ близкихъ и бывали въ столицѣ лишь наездами.

22 мая 1818 года Александръ при объѣздѣ юга Россіи посѣтилъ въ первый разъ г. Таганрогъ, которому во второе его посѣщеніе суждено было сыграть такую роковую роль въ судьбѣ императора. Дневни, ночевки, встречи, балы, обѣды—все это должно было неблагопріятно действовать на здоровье путешественника, тѣмъ болѣе, чѣмъ въ то время въ Россіи не было ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ. Мѣстами и теперь еще сохранились остатки дорогъ, которыми прокладывались усугубленными администраторами для царственныхъ путешественниковъ, напримѣръ Екатерининская дорога между с. Паринцомъ и с. Дубровинами Полтавскаго уѣзда. Но это можно было слѣдить на короткемъ разстояніи, а всю Россію такими дорогами не покроешь,

Не всегда и не всегда бывали базы в объеме, иногда приходилось питаться одним картофелем; иногда неудобства пути доносили до такого предела, когда самая жизнь путника подвергалась опасности, например, при переправе из Финляндии через озеро Уусо в Финляндию; или, например, какъ на томъ же обратномъ пути императору пришлось идти пѣшкомъ, пристав свою лошадь къ чистить ее, когда она при переездахъ забродь начиналась въ грязи. Но какъ ни удивительно было это чутейшемъ, мозы не юздали, а сонъчикамъ государя было не до сентиментальностей, имъ было ясно пора лишь успѣвать творить расправы, душаю которыхъ былъ Аракчеевъ.

Несмотря на всѣ его старанія смягчить впечатлѣніе, ему все же приходилось нерѣдко огорчать своего повелителя, и вотъ, какъ разъ во время путешествія по Финляндіи, случилось событие, которое могло бы, казалось, менѣе предубѣдженного человѣка заставить призадуматься: изъ воинскаго поселенія, изъ Чутуевъ, испыхнула бунтъ. Жестокость его усмирѣнія должна была быть какъ-нибудь скрашена, и вотъ адѣль времпиницъ открылъ новую страницу въ дѣяніи Александра, на которой ему было выгодно играть — это было мистическое и религиозное настроеніе государя.

Вотъ какъ писалъ графъ въ своеѣ донесенія: «но различныя собственными моими о семъ днемъ и ночью разсужденія, съ привращеніемъ на помощь всемогущаго Бога, и видѣть съ одной стороны, что нужна рѣшимость и скорое дѣйствіе, а съ другой, слыша ихъ злобу единственno изъ меня, какъ христіанинъ, останавливаясь изъ собственнаго дѣйствія, подлагай, что оное, можетъ быть, по несовершенству человѣческаго творенія, признается можетъ строгимъ или именемъ за покушеніе изъ моей жизни. Вотъ, государь, самое затруднительное положеніе человѣка, помышляющаго свое несовершенство. Но важность дѣла, служба отечеству и двадцатигодичная привязанность къ лицу императора Александра I рѣшила меня, составя комитетъ, разсудить въ ономъ по дѣзамъ, до возмущенія касающимся, дѣйствовать же строго и скоро отъ лица моего, въ видѣ главнаго начальника... Постъ всѣхъ сихъ предварительныхъ мѣръ, исполнение приведенныхъ, и когда военный судъ былъ оконченъ, и представлена ко мнѣ на конfirмашю, по коему приговорено къ лишенію жизни 275 преступниковъ, и дальнѣе предписаніе двадцатиому командиру генералъ-лейтенанту

АЛЕКСАНДР ВОСЬМОЙ

На первом и во втором этажах было и «объявление» о том, что в бывшем зале заседаний парламента можно увидеть залы Ассамблеи до заката, а также залы парламента, где проходили заседания парламента, при которых на заседании парламента Ассамблеи Франции было решено, что во время обработки путем изоляции гравия, чтобы изолировать, чтобы они находились в чистоте, чтобы они не перерабатывались из гравия. Но так как в зале заседаний парламента, который не заложен, а сконструирован, расположены не по-дипломатическому, или будто бы это были залы заседаний парламента, будто бы залы заседаний парламента.

Быстро же из земли его старания смыть невозможно, тому что из дивной земли извада смыть невозможно, и если, как раз на время небытия, из земли извада, изгнанник-убийца, который жил бы, находясь, между бесчестиями, честолюбия, искажения праведности, то уничтожить его нельзя, то Чертун, воспользовавшись тем, что разумение земли было каким-нибудь образом, а может быть, проникнутое землями новую формулы ее земли, то автором ему было написано устрицей, как чистотой, в результате которого гибели.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Лисаневичу, что утверждают его магистр о наказании изъянутых рулеми каждого через тысячу человек по двадцати разъ, съ тѣмъ, чтобы наказание сіе было учтено въ первый день только сорока человѣкамъ, изъ главнѣйшихъ преступниковъ... Определенное наказание было произведено въ Чугуевѣ 18-го августа и къ оному были приведены изъ Волчанска всѣ арестанты и изъ Змиева главнѣйшіе бунтовщики. При ономъ находились и всѣ арестанты, содержащіеся въ Чугуевѣ, и депутаты, бывшіе у меня въ Харьковѣ. Ожесточеніе преступниковъ было до такой степени, что изъ сорока человѣкъ трое, раскаявшись въ своемъ преступлении, просили помилованія; они на мѣстѣ процессы, а прочие 37 наказаны; но сіе наказаніе не подействовало на остальныхъ арестантовъ, при ономъ бывшихъ, хотя оно было строго и примѣрно, ибо пѣхотные солдаты, по неуводѣтельности списку изъ чужихъ да ихъ возмущеніе, сильно изъ наказывали. Впротемъ, при семъ наказаніи присутствовали медикісскіе чиновники, какъ прекращали свое по силѣ и сложенію каждого преступника.

«По окончаніи сего наказанія, спрошены были всѣ наказанные арестанты, какъ ли они въ своемъ преступлении и прекратить ли свое буйство? Но какъ они единогласно сіе отвергли, то начальникъ штаба поселеній войскъ, съ согласіемъ моего, приказалъ имъ взять первыхъ возмутителей и наказать на мѣстѣ изъ цинковъ-рулеми, а толпа преступниковъ, подъ арестомъ находящаяся, только тогда примирила въ повиновеніи и начала просить помилованія, когда наказано было имъ 15 человѣкъ. Въ то же самое время наказаніе прекращено, и всѣ арестанты, не бывши подъ судомъ, приведены вновь къ присягѣ... Принесъ въ душѣ моей благодарность Всемышливому, и немедленно перебѣжалъ на жительство изъ Чугуевъ, въ середину самого города, принялъ къ себѣ депутатовъ и объяснилъ имъ, что приму изъ себя отвѣтственность остановить наказаніе, судомъ опредѣленное, и пошли къ вамъ, государю, просить за нихъ всемилостивѣйшее прощеніе, если исполнить слѣдующее: дадутъ имъ списокъ главнѣйшихъ зачинщиковъ беспорядка, отыщутъ бумаги, при начальствѣ первого изъ возмущенныхъ имъ писаніи, и найдутъ, или, по крайней мѣрѣ, откроютъ мѣсто убийства трехъ преступниковъ, бывавшихъ въ первые дни беспокойства.

«Съ помощью Божіею, сіе имѣло желанный успѣхъ... Дѣйствующіе эскадроны Чугуевскаго уланскаго полка вы-

ступили в Чутуевъ въ воинскомъ порядке; и лично объяснилъ имъ благоволение вашего величества, и они прошли мимо императорскими маршемъ, шагомъ поизводно и рывью поизуэскадронно. Послѣ сего приказалъ я представить къ себѣ находившихся подъ ихъ присмотромъ, на общественной полковой работѣ, 438 нижнихъ чиновъ посланныхъ и резервныхъ эскадроновъ, бывшихъ въ числѣ послушниковъ и, отобравъ изъ нихъ зачинщиковъ, отправилъ оныхъ подъ арестъ, а остальнымъ объяснилъ, чтобы кажущееся въ сномъ преступленіе или изъ колыбели просили прощенія. Къ удовольствию моему, сие исполнилось въ одно мгновеніе, и я, оставивъ ихъ въ семъ положеніи на колыбель, приказалъ действующимъ эскадронамъ сѣльовать въ свои квартиры мимо ихъ, а погоды, сдѣланъ имъ должное настѣненіе, простиль и распустилъ по домамъ... Къ presupрѣженію же вскаго болюзника всѣлъ находусь самъ и наизирку лично, нальсь всегда на благость Создателя.

Контрастъ между привѣтливостью филиппинцевъ, старающихся всѣми силами и средствами угодить императору, и этимъ жестокимъ донесеніемъ было поистинѣ разитель, а между тѣмъ Александру приходилось дѣлать всѣе што ѳ пакташ јен и отѣбывать временщику хотя сдержанно, но добрезно. Онь даже рѣшился ему напоминть: «сѣльовано ли мами всѣ общашное полку?»

Съ этого поры наступила такъ бы какой-то поворотъ въ судьбѣ императора: въ Варшавѣ ему пришлось столкнуться тоже не съ радостными вѣстями о недовольства противъ Константина Павловича въ арміи и въ администраціи. Всکорѣ скончался графъ С. К. Вяземитиновъ, что тоже очень огорчило государя. Въ слѣдующемъ году (1820) пришлось заняться вопросомъ о престолонасѣданіи по поводу разоруженія брака Константина Павловича съ великою княгинею Анною Федоровною, удалившуюся за границу. Послѣ этого появился манифестъ такого содержанія: «При семъ объясняю мысли различные случаи, которые могутъ встрѣтиться при брачныхъ союзахъ членовъ императорской фамилии, которыхъ посѣдѣши, если не предусмотрѣны и не опредѣлены общимъ закономъ, соражены быть могутъ съ затруднительными недовольствами. Мы признаемъ за благо, для неновозѣбимаго сохраненія достоинства и скромности императорской фамилии и самой имперіи нашей, присвоено купитъ къ проложку постановленіе объ императорской

фамилии слѣдующее дополнительное правило. Есть ли какое либо изъ императорской фамилии вступить въ брачный союзъ съ лицомъ не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣльному дому, въ такомъ случаѣ лицо императорской фамилии не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащему членамъ императорской фамилии, и рожденныи отъ такового союза дѣти не имѣютъ права на наследование престола. Изълики сюю волю нашу настоимъ и будущимъ членамъ императорской нашей фамилии и всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, по точному праву, опредѣленному въ 23 пунктѣ утвержденія объ императорской фамилии, предъ лицомъ Царя царствующихъ обнуляемъ всѣхъ и каждого, до кого сіе касаться можетъ, сохранять сіе дополнительное наше постановленіе въ вѣчныя времена свято и непаруимо».

На самомъ же дѣлѣ это произошло изъ-за женитьбы Константина Павловича на графинѣ Юлии Грузинской, названной въ тайномъ манифестѣ княгинею Лопицѣ. Еще раньше до открытия царской поѣздки по Россіи Александръ былъ изволенъ и потрясенъ пожаромъ въ царскосельскомъ дворѣ, истребившимъ значительную его часть; Александръ видѣлъ въ этомъ даже дурное предзнаменованіе.

На раду съ алымъ геніемъ у себя дома въ образѣ Аракчеева, Александръ и вѣтъ своего государства имѣлъ такого же въ лицѣ Меттерніха: на конгрессѣ въ Троппau послѣдній явно задался цѣлью подчинить себѣ Александра. Меттерніхъ имѣлъ съ нимъ трехчасовую бесѣду и обратилъ вниманіе своего собесѣдника на замѣченную въ немъ сравнительно съ 1813 годомъ перемѣну. На это Александръ сказалъ ему: «мы не понимаете, почему и теперь не тѣть, что прежде; въ немъ это обѣзюю. Между 1813 годомъ и 1820 протекло семь лѣтъ и эти семь лѣтъ кажутся мнѣ вѣкомъ. Въ 1820 году я ни за что не сдѣляю того, что совершилъ въ 1813. Не вы измѣнились, а я. Вамъ не въ чѣмъ раскаиваться; не могу сказать того же про себѣ».

Въ это же время было получено известіе о бунтѣ въ Семёновскомъ полку; объ этомъ происшествіи императоръ совѣтился съ Меттерніхомъ. По этому случаю постѣдній пишетъ такъ: «царь полагаетъ, что должна быть какая-нибудь причина для того, чтобы три тысячи русскихъ солдатъ ринулись на французы, такъ мало согласившіеся съ народнымъ характе-

роль. Онь доходитъ до того, что воображаетъ, что никто иной, какъ раздѣльы, устроилъ все это, чтобы застращать его и принудить вернуться въ Петербургъ; а не раздѣльы его мысли. Превосходило бы всякую мѣру вѣрокѣпія, если бы въ Россіи раздѣльы уже могли располагать цѣлыми полками, но это доказывается, насколько императоръ измѣнился.

Послѣ четырехлѣтнаго отсутствія Александра, казалось, настало уже время возвратиться ему въ свою столицу, гдѣ его ждали. Онъ ограничился письмомъ къ княгинѣ Софье Сергеевнѣ Мешорской 23-го октября 1820 года такого содержанія: «Мы заняты здѣсь важнѣшими заботами, но и труда измѣнѣвшей также. Дѣло идетъ объ изысканіи средства противъ каѳоліческаго лагера, распространяющагося съ быстротою при помощи всѣхъ видимыхъ силъ, которыми владѣетъ каѳоліческій духъ, управляющій имъ. Это средство, которое мы ищемъ, находится, увы, въ нашихъ слабыхъ человѣческихъ силахъ. Одинъ только Спаситель можетъ доставить это средство Своимъ божественнымъ словомъ. Возвонемъ же къ Нему отъ всей полноты, отъ всей глубины нашихъ сердецъ, да сподобятъ Онь послать Духа Своего Святаго на насъ и направить насъ по угодному Ему путѣ, который одинъ только можетъ привести насъ къ спасенію». Наконецъ 24-го мая 1821 года Александръ, уже чѣмъ-годъ отсутствовавший изъ Россіи, возвратился въ Царское Село. Но и тутъ его ждали неизвѣданные вѣсти. Съ одной стороны греческое восстание легко могло противъ воли здѣшне возвлечь Александра въ войну съ Турцией, а съ другой внутри страны далеко не все могло радовать.

Александру пришлось услышать донесеніе о тайныхъ политическихъ обществахъ. Это извѣстіе сильно поразило его самолюбіе. Считая совершение недопустимымъ, чтобы противъ него были тайные заговоры, онъ былъ уязвленъ изъ самое сердце.

«Другъ мой Васильчиковъ! — сказалъ онъ начальнику вѣстнику, Васильчикову. — Такъ какъ вы находитесь у меня на службѣ съ началомъ моего царствованія, то вы знаете, что и въ когда-то раздѣльы и покиравъ эти мечтанія и заблужденія. И потому послѣ длившейся паузы добавилъ: «не мѣй никакихъ знатаній».

Кромѣ этого доклада Бенкендорфъ была представлена государю еще отдельно особая записка съ подробнѣмъ из-

ложеніемъ дѣла; послѣ смерти Александра она была найдена въ бумагахъ въ кабинетѣ Царскосельского дворца безъ всякой помѣтки.

Вѣдѣтъ съ тѣмъ въличиной характеръ Александра на-чали замѣчаться черты, ясны даже поверхностному наблюдателю, именно усиленіе подозрительности, бывшей въ немъ и раньше, мнительность и задумчивость. Напримѣръ, извѣстенъ такой случай: однажды генералъ-адъютантъ Киселевъ, Орловъ и Кутузовъ, стоя во дворѣ у окона, разсказывали другъ другу анекдоты и хохотали. Вдругъ проходить императоръ, они перестаютъ смеяться, но появляется его было такъ неожиданно, что на лицахъ еще видны были слѣды усмѣшки. Черезъ нѣсколько минутъ государь посыпалъ за Киселевымъ, который застаетъ его у зеркала. Императоръ смотрится въ зеркало то съ одной стороны, то съ другой и наконецъ, подмыкая Киселева, спрашиваетъ его, что въ его особѣ могло быть смыслинаго? Удивленный, или лучше сказать пораженный, этимъ вопросомъ, Киселевъ отвѣчаетъ, что онъ его не понимаетъ. «Скажи мнѣ правду», — продолжаетъ государь, — можетъ быть сзади моего музыка есть что-нибудь, подавшее поводъ къ насмѣшкамъ, потому что и видѣлъ, какъ ты съ двумя товарищами своимъ надо мною насмѣхались». Можно легко себѣ представить изумление Киселева, который сказалъ рѣшительно государю, что онъ до тѣхъ поръ не выйдетъ изъ кабинета, пока императоръ не убѣдится въ несправедливости своего обвиненія. «Попишите, — сказалъ онъ, — за Кутузовымъ и Орловымъ, пусть они нашему величеству разскажутъ, о чёмъ мы смеялись». — Послѣ долгихъ стараний онъ, наконецъ, успѣлъ убѣдить Александра въ своей невинности.

Великая княгиня Александра Феодоровна въ своихъ запискахъ точно останавливается на этой особенности характера императора Александра.

«Я не понимаю подозрительного характера императора — недостатокъ, вообще присущий людямъ глухимъ» — пишетъ Александра Феодоровна. «Но будучи положительно глухими, императоръ могъ однако съ трудомъ разыскать человѣка, сидѣшаго напротивъ него за столомъ, и охотѣше разговаривать со своимъ сосѣдомъ. Ему казались такие вещи, о которыхъ никто и не зналъ, будто надъ нимъ смеются, будто его слушаютъ только для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ, и будто мы дѣлали другъ другу знаки, которыхъ онъ

не должны замечать. Наконец, все это доходило до того, что становилось прискорбно видеть подобные слабости в человеке с столь прекрасными сердцем и умом...

Настроение Александра было в это время злобно-средоточено, мысли его вралились глазами образом около вопросов религии. Уже в 1818 году он сказал в Москвой гравине Софии Ивановне Соллогуб следующее: «возносясь духом к Богу, я отрёкся от всых земных наслаждений. Приняв к себе на помощь религию, я прибралъ то скопьстие, туть миръ душевнаго, которыи не пройдено ни на какій блаженству ходившаго мира...»

В записках современников мы находим отпечатки черты, созидающие съ вышеописанными: «трудно изобразить состояние, въ котором находился Петербургъ въ послѣдніе годы царствования императора Александра— нишь одинъ изъ нихъ». «Онъ былъ подурнутъ какимъ-то мрачнѣющими туманами; мрачные взоры Александра, болѣе печальные, чѣмъ суровые, отражались на его жителей... Говорятъ многіе: «чего ему надобно? Онъ стоитъ на высотѣ могущества». «Многиа другиа обстоятельства и жизнъ Александровой можно назвать продолжительными затмѣніями».

Как и подобает из первых вского затмения, я
арену выступило все, что порождается мраком, все эти
сны и потоши. Съ одной стороны Аракчеевъ съ своими
носальщиками, съ другой баронесса Кюдемѣръ съ мистици-
змомъ, аскетизмомъ и освобожденіемъ Грешки, и, наконецъ
Фотий со своимъ фанатизмомъ.

Фотий был по всему признаваем несомненно душевно-больным человеком; послезавтрака в семинарской школе он в 1817 году на 25-м году жизни был уже иеромонахом. В автобиографии, написанной от имени третьего лица, он пишет о себе: «в льтнем времени искоса около августа месяца, послезавтрака, съя во-влаством житой на стуль, гдѣ было мѣсто молчания, подъ образами, хотѣл встать и молчалъ Господу по обычанию. Но яругъ, что съ нимъ сдалась, и въ какомъ состояніи быль, но только въ забытии, увидалъ себя въ непознаніемъ такого состоянія не во снѣ и не наяву: увидалъ явно чьи-то бѣсы, человѣкообразныхъ, привидѣній безобразныхъ въ сбромъ видѣ, не великихъ по виду, и они, бытъ,

было все хотять его быть, но опасаются именно властного хитрого на немъ, и говорить они между собою: «если есть
прыгъ наши! Схватимъ его и будемъ битья—но не одино-
чно смыть приступъ къ нему и бить его. Наконецъ, си-
четыре согласились бѣса съ четырехъ сторонъ на него на-
мощь, одинъ спереди, другой сзади, третій съ праваго бока,
четвертый съ лѣваго. И тако изругъ мечтально паскочили
на него, какъ волки быстро, и одинъ его такъ опутительно
ударилъ въ грудь, что онъ, вскочивъ на ноги, отъ боли и
страху испугался и, забывъ молитву читать, вскорѣ на одры
свой возвратъ и окрикъ весь оглушись, лады не видѣть ни-
кого и ничего и тако молитву докза атайшъ сотворинъ вы-
зълъ весь трепетали отъ ужаса враждѣ.

Тогда Фотий помчалась видеть быва на его настоящемы-
вах; бывь явился, и «Фотий тогда пришелъ изъ ужаса ве-
лия». Тамъ не меньше опь вступила съ нимъ въ борьбу, и
которой едва не погибъ, но было спасено, по собственному
признанию, Божественной силой свыше. Несколько мѣся-
цевъ сатана подсыпалъ къ нему духа злого, который внушалъ
Фотию «иметь всмъ силу Бомбю, а посему никакое бы чудо
создврьши, или хотя перешелъ по водѣ ико по суху про-
ткнъ самого дворца черезъ рѣку Ненузъ. Но и тутъ Фотий
оказался побѣдителемъ противъ такого искушения и уклон-
ился отъ совершения чудесного опыта.

Фотю нужны были слушатели всей этой чепухи и въ 1820 году посредством своихъ прозовидѣй она сблизилась съ гравінной Анной Амѣльевной Орловой-Чесменской. Фотю называли ее «дішеръ-ѣланіе», «рабой Господней смиренной и сосудомъ благодати Христовой». Эта «дішеръ-ѣланія» вскорѣ предоставила Фотю свою громадную средстія и поддержала его своими сильными связями при дворѣ, куда она и проникла при съ помоши. Наконецъ, ей выхѣдѣтели звѣнію.

Фотій також розказуєть о своєму першому спілканні зь Александрою: «жившъ иль колесници, щелъ по альстонамъ обиши, називали какъ себя, такъ во всѣ стороны зверешъ, проходы, помышли, что тымъ здѣсь живутъ и пѣствуютъ силы вражіихъ, что скеля омы, видя крестное знаменіе, отбѣгутъ отъ дворца на сей часъ прихода. Господь предъ лицемъ царя дастъ ему благовать и преклонить сердце его послушати, что на серпѣнъ его есть царю возмѣтство». Дальше Фотій пишеть:

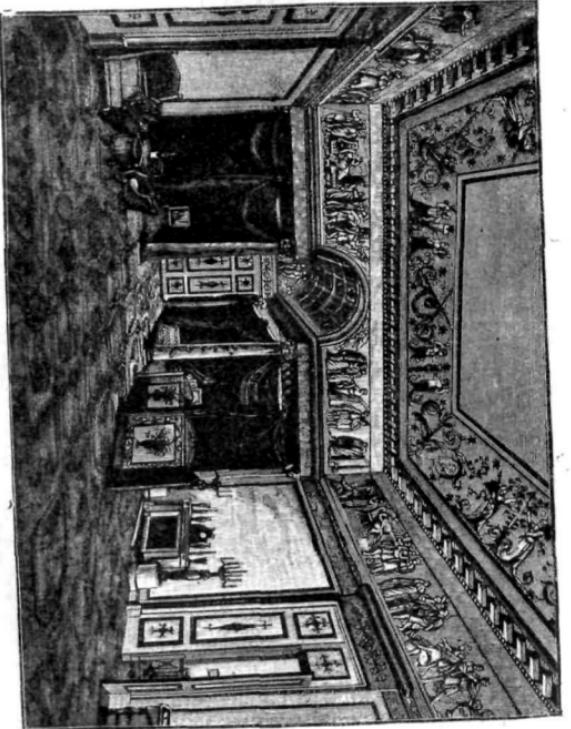

Архимандритъ Фотій.

«Отверзаются двери, я оными вхожу въ комнату, гдѣ былъ царь, вижу, что тотчасъ царь грядеть принять благословеніе, я же, не обращая на него вниманія, смотрю, гдѣ святый образъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть, лабы сотворить молитву, перекреститься, поклониться, прежде царя земного, образу Царя Небеснаго. Не видя противу себя, очами обыскавъ въ двухъ углахъ и трехъ стѣнахъ и близъ себя почти назадъ усмотрѣвъ на лѣвой сторонѣ урага образъ въ углу, обратился я, трижды знаменаясь, поклонясь, предсталъ предъ царемъ. Царь, виша меня, хотѣшаго прежде честь Богу сотворить, отступилъ въ сторону на то малое время и послѣ пако со страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ ко мнѣ, пріемлетъ благословеніе, пѣлуетъ усердно лесницу мою, я же тотчасъ непримѣтно открылъ лицъ Спаса, далъ ему приложиться и ему вручаю оный образъ. Царь принялъ и привѣтствовалъ сими словами: «Я давно желалъ тебя, отецъ Фотий, видѣть и принять твоё благословеніе». На что я сказалъ царю: «Яко же ты хочешь принять благословеніе Божіе отъ меня, служителя святаго алтаря, то, благословляя тебя, глаголю: «миръ тебѣ, царю, спасися, радуйся, Господь съ тобою буди! Царь по сихъ словахъ, взявъ меня за руку и указавъ мѣсто, посадилъ меня на стуль, самъ сѣль противу меня, лицемъ въ лице прямо зря мнѣ, возвѣль же весьма близъ меня, яко же бы можно все, тихо глаголя, слышать; я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменіемъ креста знаменаль себя, лесницею мою мѣсто, возвѣль и царя перекрестилъ. Началь царь вопрошать меня о мѣстѣ моей службы въ корпусѣ, когда я былъ законоучителемъ, и въ монастырѣ. Я же, простирая слово въ сладость, говорилъ о святой церкви, вѣрѣ и спасеніи души, зря въ лице царю прямо, часто я себя знаменаль глаголя слово; царь же, смотря на меня, себя крестилъ, возводя очи свои на небо, умъ и сердце возносилъ къ Богу. И колико слово все въ сладость принесъ царь, азъ же сердцемъ чувствовалъ, толико я крестилъ азъ, а царь, простирая руку, благословеніе отъ меня принялъ азъ желая, просилъ, дабы я его перекрестиль. Я же о силѣ креста и знаменія старался внушить. Вижу, что царь весь сердцемъ прымѣнился къ услышанію слова отъ устъ моихъ, я въ помыслахъ моихъ движениечувствовать скажать царю слово въ пользу церкви и вѣры».

Потомъ зашла рѣчь о нечестій, соблазнахъ, о потокѣ

нечестія. Въ заключеніе Фотій сказалъ: «противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно открытии запретить и поступать. Все нужное къ дѣлу вѣры святое

той внушилъ царю въ сердце его. Когда я, глаголя слово о семье, крестился, царь также самъ крестился, и приказы-
вая себя паки и паки перекрестить и оградить силою свя-

таго креста, многократно онь цѣловалъ руку, благословляющую его, благодаря за бесѣду. Воставъ же, когда я готовился идти отъ царя, примѣтилъ, что царю уже время бесѣду со мною кончить. Царь паль на колѣни передъ Богомъ и, обратясь лицомъ ко мнѣ, сказалъ:

«Возложи руцѣ твои, отче, на главу мою и сотвори молитву Господню о мнѣ, прости и разрѣши мнѣ». Азъ же, видя плодъ бесѣды моей съ царемъ, таковое благоговѣніе царя къ Богу втайне, смиреніе его предъ Вышними и Святымъ Царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ, возложилъ руцѣ мои на главу цареву крестообразно, возводя умъ и сердце горѣ къ Богу, просилъ, да снидеть благодать Христову на него, да простить вся согрѣшенія царю и исполнитъ умъ и сердце его сотворити волю Господню во славѣ, дѣлѣ святой церкви и вѣры, и сокрушить силы вражій вскорѣ... И посемъ, знаменавъ главу цареву и лице, руки мои отняль, царь же поклонился мнѣ въ ноги, стоя на колѣнихъ; восталъ отъ земли, принялъ благословеніе, цѣловалъ лесницу мою, весьма благодаря, просилъ въ молитвѣ поминать не забывать, благословеніе посыпать, и проводилъ меня самъ изъ дверей».

Съ этого времени Фотій сразу поднимается на цѣлую ступень: отъ царя онь получилъ алмазный крестъ, отъ императрицы Маріи Феодоровны золотые часы, и въ то же время назначенъ настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря. Подъ его вліяніемъ появился раскрѣпть на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, которымъ было повелѣно закрыть всѣ тайныя общности, въ томъ числѣ и масонскія ложи и не позволять открытий ихъ вновь; и всѣхъ членовъ сихъ обществъ обязать, что они впередъ никакихъ масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ составлять не будуть, и, потребовавъ отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ объявленія, не принадлежать ли они къ такимъ обществамъ, взять съ нихъ подписки, что они впередъ принадлежать уже къ нимъ не будутъ; если же кто такового обязательства дать не пожелаетъ, тотъ не долженъ остаться на службѣ».

По этому случаю «Фотій толико подвизаясь,—пишетъ онъ о себѣ,—радовался вельми, не о наградѣ крестомъ себя, но о томъ, что сіи всѣ врѣдныя заведенія, подъ разными предлогами въ имперіи, опасные для церкви и государства, по ихъ запрещеніи вскорѣ ослаблютъ въ своихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ и путь ихъ съ шумомъ погибѣть, яко нечестивыхъ».

Итакъ изувѣръ, фанатикъ, несомнѣнно душевно-больной человѣкъ, какъ Фотій, имѣлъ вліяніе на изданіе государственныхъ актовъ не послѣднаго значенія; но уже одно существованіе Аракчева съ его вліяніемъ должно бы, казалось, объяснить появленіе и Фотіевъ и подобныхъ имъ.

Въ промежуткѣ между возвращеніемъ изъ послѣдняго путешествія и отправленіемъ въ новое въ 1823 году произошло событие не менѣе таинственного характера, чѣмъ все, случавшееся въ послѣдніе годы царствования Александра—это указъ о престолонаслѣдіи и отреченіе отъ престола цесаревича Константина Павловича. Появление его было обставлено такъ строгой тайной, что одинъ изъ посвященныхъ, московскій архіепископъ Филаретъ, долженъ былъ по особо выраженному желанію государя прибѣгнуть къ особымъ приемамъ для скрытія тайны.

29 августа 1823 года въ полдень онъ отправился въ Успенскій соборъ; тамъ находились только протопресвитеръ, сакелларій и прокуроръ синодальной конторы съ печатью. Архіепископъ вошелъ въ алтарь, открылъ ковчегъ государственныхъ актовъ, показалъ присутствующимъ печать, но не подписи принесенного конверта, положилъ его въ ковчегъ, заперъ, запечаталъ и объявилъ всѣмъ тримъ свидѣтелямъ, къ строгому исполненію, высочайшую волю, что о совершившемся никому не было открываемо.

Изъ Москвы начались опять странствія по Россіи: дѣрога лежала на Тулу въ Орель; затѣмъ черезъ Брянскъ въ Бобруйскъ; оттуда въ Брестъ-Литовскъ. Всюду были смотры и на одномъ изъ нихъ Александръ получилъ очень сильный ударъ копытъ лошади по ногѣ, такъ что пришлось разрѣзать сапогъ, чтобы снять его для осмотра ноги. Это случилось такъ: 19 сентября на смотрѣ во время проѣзда Александра по фронту польской кавалеріи, одинъ полковникъ, по требованію государя, подѣхалъ къ нему для получения приказанія; когда же онъ повернулся свою лошадь, она лягнула и подковою задней ноги ударила императора въ правое бѣрцо. Нога потомъ болѣла довольно долго.

Но этимъ дѣло не ограничилось и въ началѣ 1824 года Александръ опять заболѣлъ. 12-го января 1824 года, прогуливаясь въ саду, государь почувствовалъ сильные приступы лихорадки, съ жестокою головною болью; вскорѣ затѣмъ послѣдовала тошнота со рвотою. Въ тѣтъ же день импе-

раторъ перѣѣхалъ изъ Царскаго въ Петербургъ и вечеромъ прибылъ въ Зимній Дворецъ въ вокзѣ. Вилле немедленно былъ призванъ къ больному, который провелъ ночь очень

Кабинетъ Императора Александра I.

шемъ на лѣвой ногѣ. Тарасонъ пишетъ въ своихъ запи-
скахъ: «жестокость принадковъ горячки продолжалась до
седьмого дня болѣзни; 19-го января въ ночи у императора
стѣжалась испарина по всему тѣлу, и онъ часа три сразу
заснулъ совершенно покойными сномъ, такъ что, когда я
погнуру разошелъ къ нему, онъ сказалъ: «Вотъ сегодня
и въ сны и чувствую, что головѣ моей легче и она лучше;
посмотри мой пудъ, есть ли въ немъ перемѣнъ?»

«Изслѣдовавши внимательно пудъ и все положеніе
болѣзни въ подробноти, я, къ величайшему удовольствию,
нашагъ императора иѣсколко въ лучшему положеніи и изъ
этой слышкъ отѣчаль на вопросъ его. «А посмотрѣи теперь
мою ногу,—сказалъ государь,—я въ ней чувствую тяготу,
но болѣ менѣше». При осмотрѣ ноги я замѣтилъ, что рожистое
воспаленіе стало ограничиваться отъ краевъ и сосре-
доточиваться на срединѣ берца, а изъ пустулъ иѣхоторыи
начали темнѣть и отдѣлять жидкую матерію—измененіе не-
благопріятное. О положеніи ноги я доложилъ государю
вѣро, но о неблагопріятному положеніи умолчалъ.

«Когда я объяснилъ все это баронету Виллѣ, онъ край-
не встревожился и сказалъ: «Боже сохрани, если это пе-
рейдетъ въ антоновъ!»

Опасеніе его было справедливо, ибо рожа сосредото-
чилась на срединѣ берца, въ томъ самомъ мѣстѣ, где нога
изъ послѣдній разъ была ушиблена коньтами вошли на
маневрахъ изъ Брестъ-Литовскому.

«Въ продолженіе послѣдующихъ дней отъ 20-го января
общее положеніе императора становилось лучше; но изъ ногѣ
не было перемѣнъ къ лучшему, кроме того, что рожистое
воспаленіе мало-по-малу уменьшалось въ окружности; на сре-
динѣ же берца желтый сѣпъ оставался безъ всякой перемѣн-
ы, и изъ пустулъ сочилася жидкая сукровицъ. Къ этому
мѣсту, кроме ароматичныхъ травъ, ничего не прикладывалось.

«20 января, по утру въ восьмомъ часу, имѣсть со мною
у императора былъ въ баронетъ Виллѣ, который желалъ уло-
востить особенно о положеніи ноги. Общее положеніе
болѣзни было удовлетворительно, даже показалось аните-
тичъ; особенно государь съ удовольствіемъ кушалъ уху изъ
срѣшъ. При сниманіи съ ноги штиблета изъ ароматичныхъ
травъ я замѣтилъ, что онъ отъ захочшей матеріи присоѣ-
дѣялъ къ ногѣ. Нужно было употребить осторожное усиленіе и сно-
року, чтобы отдѣлять его безъ боли для болѣзни.

Баругъ, къ общему нашему удивленію, и усмотрѣлъ, что
присоѣденіе мѣсто покрововъ отдѣляется имѣсть со штиблетомъ,
вслѣдствіи въ два дюйма длины и въ посторона дюйма
ширины. Отдаленіе это произошло безъ значительной боли.
По отдѣленіи этого обширнаго гангренознаго струса, со-
стоящаго изъ сметричныхъ сбѣшкъ покрововъ и кѣбѣчатинъ,
представилась намъ общирная язва, койдъ дно было покрыто
доброкачественнымъ гноемъ. По осторожному и крайне
аккуратному снятіи гноя оказалось, что язва простиралась
до самой надкостной плены, которая, благодаря Богу, была
невредима, покрывала большую берцовая кость. Уло-
воститься въ семъ, баронетъ Виллѣ, былътъ до сего изъ
вихорадочнаго положенія отъ страха за ногу императора,
перекрестился самыи христіанскимъ образомъ и сказалъ:
«Ну, слава Богу!» — Императоръ, замѣтилъ это, спросилъ
его о причинѣ такого восхищенія. — «Я очень разъ, госу-
дарь, что ваше здоровье поправляется»—отѣчаль Виллѣ,
скрывъ отъ его величества настоящую причину своего вос-
торга. — Виллѣ трепеталъ за надкостную плену, потому
что съ отдѣленіемъ ее неминуемо должно бы постѣдовать
смертьнѣи или kostобѣда большой берцовой кости,—а исходъ
такого пораженія кости могъ быть самымъ неблагопріятнымъ
или, по крайней мѣрѣ, продолжительнымъ».

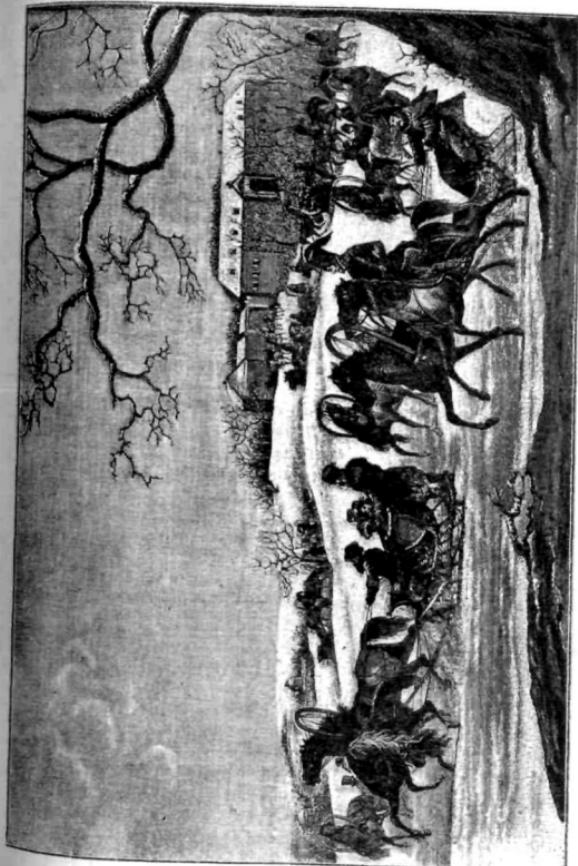
Съ этого дня общее состояніе здоровыи государя стало
удовлетворительнѣе.

Несомнѣнно, однако, что такая тяжелая болѣзнь должна
была подорвать еще болѣе и безъ того расшатанное здо-
ровье Александра.

Всюю онъ перѣѣхалъ въ Царское Село, и Тарасонъ
спѣшающимъ образомъ описываетъ порядокъ царскаго дна:
«государь въ седьмомъ часу утра кушалъ чай, всегда зеленый,
съ густыми слизинами и съ поджаренными гречками изъ
блѣдаго хѣба; потомъ, сѣвътъ свой начальнѣй туалетъ,
требовалъ меня для осмотра и перевѣзы ноги; послѣ того,
одѣвшись анитечно, выходитъ въ садъ чрезъ собствен-
ный выходъ изъ свою алею, изъ которой постоянно направлялся
къ плотинѣ большого озера, тѣѣ обыкновенно сидѣли
его главнѣй садовники Линкинъ и все птичье общество (дѣ-
бѣди, тузи и утки), обитавшее на птичьемъ дворѣ, близъ
этой плотины. Къ приходу его величества птички обык-
новенно приготавливали въ коряжкахъ разный кормъ для птицъ.
Почукинъ издалъ приближеніе государя, всѣ птицы привѣт-

ствовали его на разныхъ своихъ голосахъ. Подойдя къ корзинамъ, его величество надѣвалъ особенно приготовленную для него перчатку и начинай имъ самъ раздавать кормъ. Послѣ сего давалъ садовнику Лямину разныи свои повелѣнія, относящіяся до сада и парка, и отправлялся на дальнѣйшую прогулку. Въ 10 часовъ возвращался съ прогулки и иногда кушалъ фрукты, особенно землянику, которую онъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ фруктамъ. Къ этому времени г. Ляминъ обыкновенно приносилъ большія корзины съ различными фруктами изъ обширныхъ царскосельскихъ оранжерей. Фрукты эти, по собственному его величества назначенію, разсыпались разныи придворныи особы и семействамъ генералъ-адъютантовъ, кои занимали домики китайской деревни.

«Послѣ того государь, переодѣвшись, принималъ разныхъ министровъ, по назначенію прѣзывавшихъ съ докладами изъ Петербурга, и начальника главнаго своего штаба. Окончивъ свои занятія, въ третьемъ часу отправлялся въ Павловское къ вдовствующей императрицѣ, августѣйшей своей матери, цѣловать ея руку и, возвращаясь оттуда, въ 4 часа обѣдалъ. Послѣ обѣда государь прогуливался или въ экипажѣ, или верхомъ. Въ девятомъ часу вечера кушалъ чай, послѣ коего занимался работою въ своемъ маленькому кабинетѣ; въ одиннадцать часовъ кушалъ,—иногда простоквашу, иногда черносливъ, приготовляемый для него безъ наружной кожицы. Часто случалось, что его величество, откушавши самъ, приказывалъ камердинеру своему простоквашу или черносливу отсылать на ужинъ мнѣ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться въ постель государю, я обязанъ былъ войти, по требованію его, въ опочивальню осмотрѣть и перевязать его ногу. Послѣ чего его величество, перекрестясь, ложился въ постель и тотчасъ засыпалъ, всегда на лѣвомъ боку. Государь засыпалъ всегда тотчасъ и самымъ крѣпкимъ сномъ, такъ что шумъ и крикъ лежурнаго камердинера и лакеевъ, прибиравшихъ обыкновенно въ почивальнѣ его платье, бѣлье и разныи вещи, ни мало не препятствовали сну его, что для меня въ первый разъ казалось чрезвычайно необыкновеннымъ и неучтивымъ со стороны его прислуго. Но его камердинеръ Завитасевъ тѣгда же увѣрилъ меня, что какъ только государь ляжетъ въ постель, и онъ его укроетъ одѣяломъ, то хоть стрѣляй изъ пушки—онъ не услышитъ».

Тот же Тарасова так характеризует Александра: «Императоръ былъ очень религиозенъ и чрезвычайно христианинъ. Вечерня и утрення свои молитвы совершилъ на коленяхъ и продолжительное, отъ того что у него на верху берна у обмыкъ ногъ образовалось очень обширное смозомбление общихъ покрововъ, которое у него оставалось до его кончины».

Даёшь онъ же говоритъ: «Императоръ въ резиденцияхъ и въ путешествии всегда почивалъ на походной крошки — на матрацѣ, набитомъ соломою, съ ложбинкою въ серединѣ, а въ головахъ всегда была сафьянная подушка, набитая сѣномъ. Въ ноги всегда клался сафьянный валикъ, а подъ правую руку другой валикъ, помятый, — и всегда спать на одному лѣвому боку, не измѣнивъ этого положения во всю ночь».

Не успѣла комиться эта болѣзнь Александра, какъ на него уже накинулася стая, давно поджидавшая случью пустить въ ходъ свои замыслы. Это были Аракчеевъ, Фотій, митрополитъ Серазимъ, Магницкий и др., старающіеся о сокрушении министерства духовныхъ дѣлъ и народного просвещенія, состоявшаго съ 1816 года подъ юдѣйскимъ княземъ А. Н. Голицынымъ. Фотій выступилъ въ походъ послѣ бывшаго ему въ началѣ 1824 года видѣнія. Онъ видѣлъ себя въ парижскихъ плаатахъ, стоящимъ передъ царемъ, который просялъ его, дабы онъ благословилъ и исцѣлилъ его. «Тогда Фотій, обинувъ его за юно, на ухо тихо поѣздѣлъ ему, како, гдѣ, отъ кого въ колѣю вѣра Христова и первоковы православная обличия есть: царь же приѣхъ все речено, дадъ маинъ». Фотій вѣѣтъ, что, сколько возможно и успѣть, всѣчески постараєтъ исправить все нужное для царскии свой стиль тѣмъ прикрыть въ болѣзнь исцѣлить въ тайѣ содѣянную безъ умысла злого, по невѣдѣнію и собѣзданію другихъ».

20-го апреля 1824 года Фотій былъ принятъ императоромъ, но было произнесено тайными образомъ съ секретнаго входа, «дабы сіе не было всѣмъ гласно». Фотій старался запугать государя, раскрывая передъ имъ карты политическихъ заговоровъ и государственного переворота. Ему удалось это. По крайней мѣрѣ императоръ былъ ублѣренъ, что Самъ Богъ послалъ ему спасеніе отъ страшной опасности. «Господь, сколь Ты милосердъ ко мнѣ! — сказалъ онъ, подавшись. — Ты мнѣ какъ прімо съ небесъ послалъ ангела своего синтаго (это Фотій-то!) воззвѣстить всякую правду и истину! Бузмъ милость Твоя ко мнѣ! Я не готовъ исправить

всѣ дѣла и Твою святую волю творить». Обратясь затѣмъ къ Фотію, государь сказалъ: «Отецъ Фотій! Не возгордишь, что я сіе сказала тебѣ, я такъ о тебѣ чутствую».

Напуганный азовыми прелсканіями Фотія, государь сказалъ ему, «чтобы она написала для совершеннія намѣрений въ дѣло планъ о всемъ».

По словамъ Фотія, государь, «благодаря его за рѣность къ истинѣ и видѣ, что самъ онъ, поклоненъ будучи, много къ тому содѣствовалъ своему наркозу силой, прося помошіи отъ Господа въ дѣлахъ и сказавъ: «о Фотій! сотвори о мнѣ дѣло ко Господу молитву, да освѣти меня сила Вышнаго на всякое дѣло благое». Съ этими словами царя великий передъ смиренно-ничтожимъ отцемъ Фотіемъ наѣхъ на колени, слома руки къ сердцу, вѣдѣль на главу свою ему положить руки и прочитать молитву. Фотій, видѣвъ ее, не только всесовершенное содѣствіе смиришъ ему, ико въ словѣ и дѣлѣ истины за вѣру и благочестіе, но и совершенное благопокорѣніе царя на всякое дѣло благое, возложилъ руки своимъ крестообразно на главу цареву помазанную, таихъ вознедѣлъ умъ въ сердце горѣ къ Богу, читалъ, глаголя сіи слова: «Царю Небеснаго! Утѣшителю...» И знаменая главу цареву десницаю, отступиши отъ царя; царь же, смиренійшій царь, ико кроткій Царій, царь мудрый, царь со сердцемъ Божію, достойный сосудъ благодати Святаго Духа, поклонился по молитвѣ въ ноги, ико кающійся членѣть къ Богу, не человѣку, но Богу въ лицѣ человѣка поклонився, восталь. Фотій же видѣлъ благодати Св. Духа, ико росу, на руно окресть склонную, ико сумашъ кадильный наѣхъ царемъ, окресть его ижеличества; въ лицѣ его была зрачъ свѣта лица Божія. Погасъ, царя Фотій благословилъ, исходилъ изъ палатъ царены... Тайникъ лѣстническо сошелъ онъ внизъ и, винѣль изъ дворца парижскаго проѣханиемъ путемъ, скоро идя, сѣлъ въ карету, прѣѣхъ къ двери своей лѣнинѣ Анны».

Въ это время Фотій уже жилъ въ Петербургѣ подъ кроной «царя-дѣланіи» Анны.

20 апреля она послала государю третье посланіе о томъ, какъ пособить, дабы остановить революцію. Къ этому посланію было приложеніе «планъ разоренія Россіи и способъ очной планъ варути уничтожить тихо и счастливо».

Фотій говорить, что онъ молилася Господу Богу, и что ему было открыто, что нужно дѣлать немедленно. Въ числѣ

мброницкій, указанныхъ Фотію съмнѣ, главнѣйшіе заключались въ уничтоженіи министерства духовныхъ дѣлъ и библейскаго общества; Синоду же было по-прежнему и «духовенству напоминать при случаяхъ за просвѣщениемъ, не бытъ ли гдѣ чего противаго власти и вѣръ».

Послѣ четвертаго посланія, которое тоже было тайно передано Александру, Фотій неожиданно предъявилъ знаемъ министра кн. Голицына, случайно заспоривъ съ имъ въ домѣ гравінѣ Орловой. Дѣло кончилось отставкой Голицына и назначениемъ на его мѣсто адмирала Шишкова. Около этого же времени Александръ былъ потрясенъ извѣстіемъ о смерти дочери Маріи Антоновны Нарышкиной, Софіи, къ которой онъ относился особенно участливо.

Въ концѣ того же года было совершино опять огромное путешествіе по восточнымъ областямъ Европейской Россіи. Но тогдѣ по возвращеніи ему пришлось пережить еще одно тяжелое испытаніе во время наводненія 7-го ноября 1824 года. Александръ принялъ это за наказаніе за свои грехи.

Наконецъ, у него явилось очень близко затронувшее его оторваніе—это болѣзнь императрицы Елизаветы Алексѣевны. Мрачное настроеніе не покидало Александра, онъ столь еще болѣе угрюмъ и необщителенъ, и на то же время ему было сообщено уже о существованіи тайного общества и это не могло не оказывать своего действия на его душевное состояніе. Тѣмъ не менѣе, а можетъ быть именно поэтому, уже 4-го апреля 1825 года Александръ отправился со всесиеніемъ распутьемъ къ Варшаву, гдѣ 1-го мая (13-го) состоялось открытие треть资料 польского сейма.

По возвращеніи 13-го июня въ Царское Село Александръ не могъ выдержать долго и вновь отправился на этотъ разъ къ Аракчееву изъ Грузино, оттуда проѣхалъ къ Юрьевскому монастырю къ Фотію для бесѣдъ.

Въ эпоху ухудшающихся здоровьи писательницы Елизаветы Алексѣевны приходилось уже думать о своемъ перѣѣздѣ на югъ. Быть выбранъ мѣстомъ пребыванія Таганрогъ.

Отѣхъ на югъ и Таганрогъ

Послѣ грустнаго прощанія съ Палковскими, гдѣ Александръ былъ особенно грустно настроенъ, онъ 1-го сентября 1825 года выѣхалъ изъ Петербурга, чтобы уже въ него не возвращаться.

Отѣхъ совершился при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ: Александръ отправился одинъ безъ свиты изъ Каменноостровского дворца. Въ 4½ часа пополуночи колеска, запряженная тройкою, остановилась у монастырскихъ воротъ Невской лавры. Александръ изъ фуражки, шинели и сюртукъ безъ шапки поспѣшилъ выѣхать изъ колески, приложился къ кресту, былъ окроиненъ святымъ водой, благословленъ митрополитомъ Серафимомъ и, привязавъ заверть за собою ворота, направился въ соборную церковь. Войдя въ соборъ, Александръ остановился передъ ракою Александра Невскаго и началось молебствіе.

Длинный рядъ монаховъ, встрѣтившихъ императора у входа въ лавру, господствовавшихъ вокругъ темноты и ярко освещавшей раку, виднѣвшаяся междуѣмъ въ растворенныхъ соборныхъ дверяхъ, поразили его своимъ особеннымъ настроениемъ: Александръ плакалъ во время молебна. Далѣе Александръ былъ еще болѣе потрясенъ при посѣщеніи кельи скита монаха этой лавры, у котораго мѣсто постели въ изѣль стоялъ гробъ.

Этотъ рядъ мрачныхъ и печальныхъ настолько повлиялъ на Александра, что онъ, отѣхъ за заставу, присталъ къ

волинск и золго, обернувшись назадъ, смотрѣть на городъ, какъ бы прощаясь съ нимъ.

На этотъ разъ по дорогѣ не было никакихъ смотровъ, парадовъ и манифестовъ. 13-го сентября Александръ прибылъ въ Таганрогъ. Видѣвъ письмо въ дневникѣ: «здесь кончается первая часть путешествія».

Домъ, въ которомъ поселился Александръ, былъ каменныи, однотактныи, съ подвалами этажемъ для помѣщеній прислуги. Половина императрицы состояла изъ носкии и большихъ комнатъ, изъ коихъ двѣ предназначались для двухъ фрейлинъ. Въ срединѣ дома была расположена большои сквозной залъ, служившій столовой и приемной. На половинѣ императрицы, въ особой комнатѣ, помѣщалась походная верхомъ. Съ другой стороны приемной залы находились двѣ комнаты государя: одна, довольно просторна, предназначавшаяся для кабинета, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и спальней; другая, полуокруглая, была туалетной или уборной, съ окномъ, выходившимъ во дворъ. При этикѣ двухъ комнатахъ была коридоръ, съѣдъ изъ которыхъ проходилъ изъ туалетной съюза, предназначавшейся для дежурного камердинера, гардеробная же находилась въ подвалномъ этажѣ. При дѣйствии обширный дворъ и небольшой садъ съ пасховыми деревьями, несколько запущенный, но изъ пригода государя превращенный въ возможный порядокъ. Меблировка всего дома была самая простая. Александръ такъ писалъ Аракчееву о своемъ пребываніи въ Таганрогѣ: «Благодаря Бога, я достигъ до моего назначения, любезнай Алексѣй Адредичъ, весьма благополучно, и, могу сказать, даже весьма пріятно, ибо погода и дорога были весьма хороши. Въ Чугуневъ я налюбовался успѣхомъ въ построекахъ. О фронтонахъ же могу ничего сказать, ибо кромѣ развода и пѣнаго смотра посессионныхъ вѣнчаний эскалопонъ и кантонасты въ ничего не видѣлъ... Здѣсь мое помѣщеніе мнѣ довольно нравится. Воздухъ прекрасный, видъ изъ окна жилье довольно хорошее; впрочемъ, налью, что самъ увидишь».

Тѣмъ не менѣе, какъ онъ ни наслаждался весельемъ, его мучили, поистинѣ, скрытые отъ глазъ подозрѣнія. Это выступаетъ изъ того, что онъ раздулъ цѣлую исторію изъ-за попавшагося ему въ хлѣбъ какого-то маленькаго камушки. Онъ приказалъ строго разсмотрѣть, что это такое, и разобрать, какъ можно слушаться, что онъ попалъ туда; что онъ приказалъ

этому факту большои значеніе, сѣдѣуетъ изъ того, что онъ не поручилъ этого для Болховитскому, а Дубичу. Доказалось, что это случилось по винѣ хлѣбопека, который утверждалъ, что камушекъ попалъ въ сухарь по его неосторожности, и посѣдъ этого еда уѣхалъ успокоить Александра.

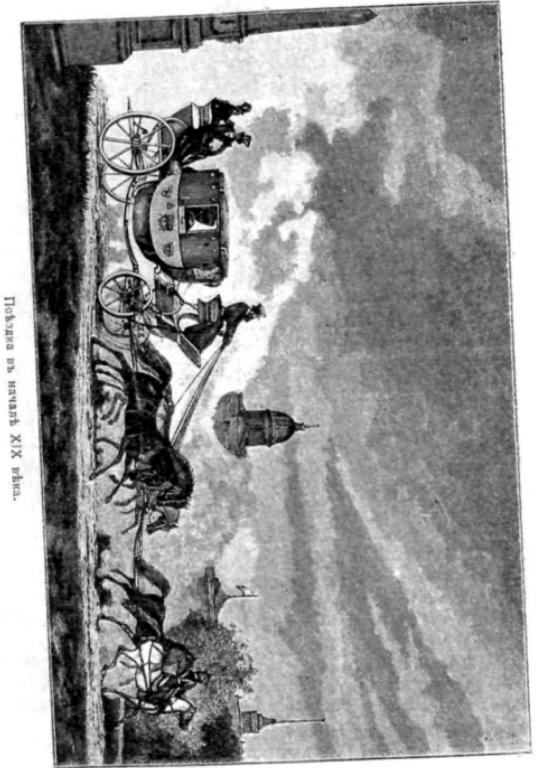
Въ отвѣтъ на свое радостное и довольное письмо Александръ получилъ отъ Аракчеева очень тревожное письмѣ хлѣбного характера, именно обѣ убийства его доносчицы Настасіи Мининой. Аракчеевъ потерялъ голову и очень встревожилъ Александра. Онъ надѣлъ въ этомъ дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ простое убийство. Въ письмѣ къ Аракчееву по этому поводу она такъ пишетъ, между прочимъ: «объясни губернатору мою волю, чтобы старался дѣлать всмѣи мѣрамъ, не было ли какихъ тайныхъ направленій или подушечекъ».

Затѣмъ длившаяся переписка, въ тѣмъ временемъ Александръ уже предпринялъ новое путешествіе по югу Россіи; на первый разъ оно продолжалось недолго — отъ 11-го до 15-го октября; собрался было отправиться въ Уральскъ и въ Астрахань, но отложилъ изъѣзжаніе.

Но 20-го октября, по прагматикѣ новороссійскаго генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, Александръ рѣшилъ отправиться въ Крымъ; маршрутъ былъ рассчитанъ на 17 дней. Наканунѣ отѣзда произошелъ съѣдующий хлѣбный случай: государь занимался за письменнымъ столомъ, какъ вдругъ изъ города пронеслась туча, и наступила такая темнота, что Александръ позвонилъ и приказалъ камердинеру Анисимову подать свѣчіи. Вскорѣ затѣмъ прояснилось, и показалось солнце. Тогда Анисимовъ снова вошелъ къ ходѣль вынести свѣчіи. На вопросъ государя «зачѣмъ», онъ отвѣчалъ, «что на Русѣ считается худой примѣтой — сѣдѣть при свѣчкахъ днемъ: могутъ подумать, что лежитъ ноктунь». Государь отвѣчалъ: «ты правъ, и я такъ думаю — унеси свѣчія». Этотъ случай привнесъ въ память Александра, и вскорѣ Александръ привыкъ къ нему.

Во время путешествія по Крыму Александръ былъ очень поостороженъ, много бѣжалъ верхомъ по дурнымъ дорогамъ, на Балаклавѣ бѣжалъ какую-то жирную рыбку, наконецъ, поѣхалъ въ Георгиевскій монастырь верхомъ въ одиночку Александръ. Хотя днемъ было тепло, но къ вечеру подуло сѣверо-восточный вѣтеръ и погода рѣзко измѣнилась. Очевидно,

что здесь именно Александр простудился и получил тяжкую болезнь, сведшую его въ могилу. Это было 27 октября.

Погребение в 1825 году.

пра 1825 года. Александр вернулся только въ 8 часовъ вечера, отказался отъ обѣда, ожидавшаго его съ 4-хъ часовъ, чѣмъ очень удивилъ всѣхъ, а ограничился однимъ чаемъ.

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА I ВЪ ТАГАНРОГѢ.

СУДАСИ В ПОЛУЧАНИИ ТЛЕМ
АЛ. ОНО БЫЛО 17 ОКТЯБРЯ.

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА I ВЪ ТАГАНРОГѢ.

Съ современной гравюры,

Изъ собраний Шибанова.

Худож. фотографія К. А. Фишеръ.

Съ тоюли въ 8 часовъ вечера
събѣднаго это субѣднаго часу
запечатлѣла смерть.

28-го числа Александр осматривал в Севастополь укрепления, флот, морской госпиталь и казармы; после этого был у него большой обед и в нем самому никто не замечал никакой перемены.

29-го октября Александр осматривал укрепления с другой стороны, а оттуда отправился в Бахчисарай. Здесь уже государь приказал Тарасову приготовить к рису то самое письмо, какое она писала во время рожь на юг. Тарасова исполнила это и сообщила об этом Вилье, добавив, что у государя разстроился желудок. «Верочень, — говорил Тарасов в своих записках, — она ни мят, ни вине не жаловалася на какое-либо разстройство в своем здоровье, но кушать в этот день однажды своей суп и котлету».

Однако обеды продолжались, государь проходил еще верхом в Чусть-Кале, посыпал на обратном пути Успенский монастырь; он казался здоровым и был весел. 1-го ноября она выехала в Евпаторию и посыпал там церкви, мечети, синагоги, казармы и карантину. 2-го ноября ночекала в Перекоп, где осматривала госпиталь.

На следующий день в селении Энаменском была осмотрена артиллерийская бригада, были посыпаны казармы, здесь император пробовал пищу, остался доволен ею и особенно много съел овощного супа. Поваръ получил из награду 25 рублей ассигнациями. В этот же день на пути Александръ был поражен случаемъ с фельдшеромъ Масковымъ, привезшимъ ему депонии: импичментъ, венчий фельдшера, помчался обратно с ними такъ неосторожно, что на поворотѣ, недалеко отѣхнавъ отъ императора, наскошилъ на конку, а Масковъ отъ толка былъ выброшенъ изъ экипажа и, ударившись головою о землю, тутъ же скончался. Тарасова вспоминаетъ въ своихъ запискахъ, что когда она доложила Александру о причинѣ смерти Маскова, то императоръ всталъ съ места и въ слезахъ сказалъ: «какое несчастіе очень жаль этого человѣка». Потомъ, оборотясь къ столу, поклонилась изъ коленочка, а въ мысль. При этомъ не могъ не замѣтить въ государѣ необыкновенного выражения въ чертахъ его лица, хорошо изученного мною и продолженіемъ иныхъ лѣтъ, оно представляло что-то тревожное и имѣло болѣзньное, выражавшее чувство захородничного синева.

По дорогѣ, въ Орѣховъ, Александру пришлось разбирать

Императоръ Александръ I въ Ал.-Невской Лаврѣ.

самому дѣло о ссорѣ между екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ и архиепископомъ Феофаномъ, кончившейся дракой. Когда въ Мариуполь 4-го ноября Александръ потребовалъ къ себѣ вечеромъ Виллѣ, то послѣдний нашелъ его въ полномъ развитіи лихорадочного 'сильнаго пароксизма'.

Тарасовъ пишетъ, что «Виллѣ былъ крайне встревоженъ положениемъ государя, онъ казался потерявшимъ свое практическое присутствие духа, и, наконецъ, рѣшился дать государю стаканъ крѣпкаго пунша съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ сколько можно теплѣе. Это усилило только беспокойство императора и онъ немного заснулъ только къ утру. Виллѣ предлагалъ остаться въ Мариуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Мариуполя до Таганрога только 90 верстъ, и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытия въ назначенное время, т.е. 5-го ноября. Такъ было назначено по маршруту. 5-го ноября, послѣ сильнаго пароксизма, по утру, государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ десятомъ утра въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьей полостью, въ теплой шинели, отправился изъ Мариуполя.

Въ Таганрогъ вернулись въ 6 часовъ вечера. На вопросъ Волконскаго о здоровье, Александръ отвѣчалъ: «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватилъ въ Крымѣ, несмотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ восхвалияли. Я болѣе чѣмъ когда-либо увѣренъ, что, избравъ Таганрогъ мѣстопребываніемъ для моей жены, мы поступили въ высшей степени благоразумно». Въ разговорѣ съ Волконскимъ Александръ упоминалъ о Перекопскомъ госпиталѣ и тотъ указалъ ему, не безъ основанія, что онъ напрасно былъ долго въ госпиталѣ, гдѣ было скопленіе больныхъ подобно же 'болѣзни', но Александръ не согласился съ нимъ. Но за то онъ въ тотъ же вечеръ припомнилъ по поводу своего недозорья въ разговорѣ съ камердинеромъ Анисимовомъ тѣль свѣчахъ, которымъ были зажжены днемъ передъ его отѣздомъ. «Эти свѣчи у меня изъ головы не выходятъ — сказалъ онъ Анисимову.

Несмотря на очевидное недомоганіе, Александръ серьезно обратился къ Виллѣ только 3-го числа. Послѣдний ведеть такъ описание хода болѣзни въ своемъ дневникѣ:

«5-го. Пріѣздъ въ Таганрогъ. Ночь сѣверная. Отказъ отъ лѣкарствъ. Онъ приводить меня въ отчаяніе. Страшусь,

что такое упорство не имъло бы когда-нибудь дурныхъ постыдствий.

6-го. Императоръ обѣзть у ея величества императрицы и вышелъ изъ-за стола Федоровъ позвалъ меня изъ-за стола, чтобы объяснять миъ, что его величество имъль испарину и не произволилъ, таково отвращеніе отъ медицины. После борбы онъ согласился, между 5 и 6 часами, принять дозу плюсъ.

7-го. Эта лихорадка побѣзъ сходство со эпидемическими кризисами болѣзни. «Les exacerbations» (ожесточеніе болѣзни) слишкомъ часто повторяются, чтобы я подволнѣлъ себѣ утверждать, что это Hemitritaeus Semiteriana, хотя эта чрезвычайная слабость, эта апатія, эти обмороки имѣютъ большое отношеніе къ нею.

8-го. Эта лихорадка, очевидно, *Fervis gastriae biliosa*; эта гнилъя отрыжка, это воспаленіе въ сторкѣ печени, *des presscorde*, рвота *sine vomiti nec dolore piliter comprimitendo*, требуетъ, чтобы premières voies (?) были хорошо очищены. Надо traire (?) печень. Я сказала Стофрегону.

9-го. Императору немного легче сегодня, но онъ съ полнью вѣрою въ Бога ждетъ совершенного выздоровленія отъ недуговъ. Состояніе viscera chyloroeotica можетъ въ настоящій моментъ служить указаниемъ на то, какъ не вѣстятъ остановленій въ Бахчисараѣ.

10-го. Начинаетъ 5-го числа, я замѣчала, что что-то такое занимаетъ его болѣе, чѣмъ его выздоровленіе, и возбуждаетъ его лушу рѣтъ, всѣ его propter hoc. Ему сегодня хуже, и Мюллеръ, по его словамъ, тому причина. Князю Волконскому, всѣдѣствіе сего, препоручено побранить бѣзъ него Мюллера.

11-го. Болѣзнь продолжается; внутренности еще довольно нечисты; густа, inflatio. Когда я ему говорю о кровопусканіи и слабительномъ, онъ приходитъ въ бѣзѣствіе и не удостаиваетъ говорить со мною. Сегодня мы, Стофреонъ и я, говорили обѣ этомъ и сопѣтывались.

12-го. Какъ я припомнѣла, сегодня ночью я написала лѣкарство для завтрашняго утра, если мы сможемъ посрѣдствомъ хироты убѣздить его употреблять ихъ. Это жестоко. Ить человѣческой власти, которая могла бы сѣдѣть этого человека благороднѣмъ. Я несчастный.

13-го. Все пойдѣть скверно, потому что онъ не дозволяетъ, не слушаетъ дѣлать то, что безусловно необходимо. Такое направленіе очень плохое предзнаменованіе.

Его пульсъ очень неординарный, скѣбъ и будто escodativo (замѣты) безъ фас (густыхъ средстивъ), sangue (кровопусканіе), мушки, горчицы, ничегонаго и очистительнаго.

14-го. Все очень нехорошо, хотя у него пѣть бреда. Я намѣренъ быть дѣлъ осѣде писательнѣе съ птицами, но получила отказъ по обыкновенію. «Уходите» (*allez-vous-en*). Я запѣкала, я, видѣ это, съ миѣю сказать: «Подѣйтѣ, мой милый другъ. Я надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за это? У меня своя причина».

15-го. Сегодня я вчера, что за начальная моя обязанность объяснила ему о грядущемъ его разрушении въ присутствии величества императрицы, которая отправилась предложить ему лѣкарство. Причашеніе Федорову. Его словъ послѣ того.

16-го. Все миѣ кажется слишкомъ покойно. Только всѣдѣствіе упала сила физическія и душевныя и уменьшился чувствительности удалось дать ему иѣкоторыя лѣкарства послѣ Святого Пречастія и напутствія Федорова.

17-го. Отъ худого къ худшему. Смотрите исторію болѣзни. Князь (Волконскій) въ первый разъ завѣкаль мою постель, чтобы быть ближе къ императору. Баронъ Дибичъ находится внизу.

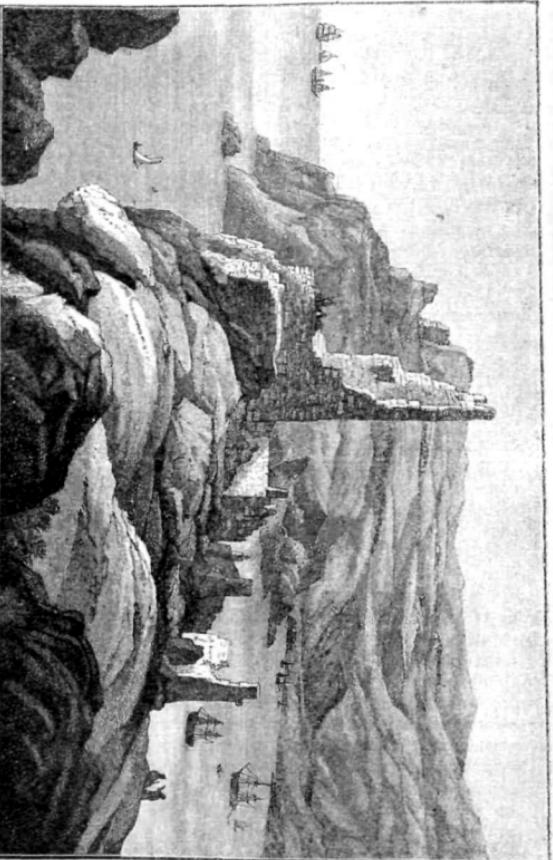
18-го. Ни малѣйшій наслѣдны сласи моего обожаемаго послѣдователя. Я предупредилъ императрицу и ки. Волконскаго и Дибича, которые находились первыи у него, а послѣдній внизу у камеравионера.

19-го. Ее величество императрица, которая провела много часовъ, выѣѣтъ со мною, одна у кровати императора вѣтъ эти дни, осталась до тѣхъ поръ, пока наступила кончина въ 11 часовъ безъ 10 минутъ сего дняшняго утра. Князь (Волконскій), баронъ (Дибичъ), доктора, лежурные de vita aeterna gaudent亟го.

20-го. Какъ скоро его величество скончался, даже до того, иѣкоторы лица удостоѣбились въ венчакѣ и въ короткое время бумаги были замечатаны; обмѣнивались замѣчаніями замѣти, горѣти обѣ отсутствующіе.

22-го. Вспышкѣ и бальзамированіе, которымъ подтвердила все то, что я предсказывала. О, если бы я имѣла его согласие, если бы онъ былъ склоненъ и послушанъ, эта операциѣ не происходила бы здѣсь».

Палас.

Очень любопытныя подробности дают обь этомъ времени въ своихъ запискахъ Тарасовъ. Онъ описываетъ, напримѣръ, случай, когда съ императоромъ случился обморокъ во время бриты, при чмъ онъ даже порѣзлся бритвою и упаль на поль. Тарасовъ утверждаетъ, что Виллѣ совершенно растерялся, а Стофрегенъ началь растиратъ Александру голову и виски одеколономъ. На эту тревогу пришла императрица и императора уложили на кровать въ бѣломъ шлафрокѣ. Съ этого момента болѣзнь императора приняла окончательно опасное направлѣніе. Онъ болѣе не могъ уже вставать съ постели. Изъ уборной его перенесли на большою диванъ въ кабинетъ.

Въ 9 часовъ вечера Александръ потребовалъ къ себѣ Тарасова. «Надобно замѣтить,—пишетъ Тарасовъ,—что я во время болѣзни императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положеніи его величества всѣ подробности зналъ частью отъ баронета Виллѣ, не желавшаго, какъ казалось, допустить меня въ почивальную императора, а частью отъ лейбъ-медика Стофрегена. Меня нашли тогда у барона Дибича, бывшаго не совсѣмъ здоровымъ. По докладу императору, я totчасъ былъ позванъ въ кабинетъ. Его величество былъ въ большомъ жару и беззпокоенъ. Увидавъ меня, сказалъ:

«Вотъ, любезный Тарасовъ, какъ я разబолѣлся, останься при мнѣ. Якову Васильевичу одному трудно, онъ устаётъ, и ему по временамъ нужно успокоиться; посмотри мой пульсъ». При самомъ моемъ входѣ, взглянувъ на государя, я былъ пораженъ его положеніемъ, и какое-то безсознательное предчувствіе произвело рѣшительный приговоръ въ душѣ моей, что императоръ не выздоровѣйтъ, и мы должны его лишиться».

«Въ двѣнадцатомъ часу вечера,— пишетъ онъ далѣе,— императрица вошла къ императору весьма смущеною, усиливаясь въ виду государя казаться спокойною. Сѣвъ подъ больного, на томъ же диванѣ, она начала разговоръ убѣждениемъ, чтобы государь аккуратно принималъ назначенныя ему докторами лѣкарства. Далѣе она сказала по-французски больному:

«—Я намѣрена предложить вамъ свое лѣкарство, которое всѣмъ приноситъ пользу.

«—Хорошо, говорите,—сказалъ государь.

«Императрица продолжала: «Я болѣе всѣхъ знаю, что вы великий христіанинъ и строгій наблюдатель всѣхъ пра-

виль нашей православной церкви; совѣтую вамъ прибѣгнуть къ врачеванію духовному; оно всѣмъ приносить пользу и даетъ благопріятный оборотъ въ тяжкихъ нашихъ недугахъ».

«Кто вамъ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лѣкарство?

«Вашъ лейбъ-медикъ Вилліе,—отвѣчала императрица.

«Тотчасъ Вилліе былъ позванъ. Императоръ повелительно спросилъ его: «Вы думаете, что болѣзнь моя уже такъ зашла далеко? Вилліе, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшился положительно объявить императору, что онъ не можетъ скрывать того, что онъ находится въ опасномъ положеніи. Государь съ совершенно спокойнымъ духомъ сказалъ императрицѣ: «Благодарю васъ, другъ мой, прикажите—я готовъ».

Рѣшено было призвать соборного протоіерея Алексія Федотова, но императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснуль, что однажды не было настоящимъ сномъ но сонливостью. Въ такомъ положеніи государь остался до пяти часовъ утра.

«Я всю ночь просидѣлъ подъ больного,—говорить Тарасовъ,—и, наблюдая за положеніемъ его, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь по временамъ, читалъ молитвы и псалмы, не открывая глазъ.

«Въ пять съ половиною часовъ утра 15-го ноября императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ: «здѣсь ли священникъ?»—Я тотчасъ сказалъ обѣ этомъ барону Дубичу, князю Волконскому и баронету Вилліе, проводившимъ всю ночь въ прѣмномъ залѣ подъ кабинетомъ. Князь Волконский доложилъ о семъ императрицѣ, которая послѣдшила прибыть къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей.

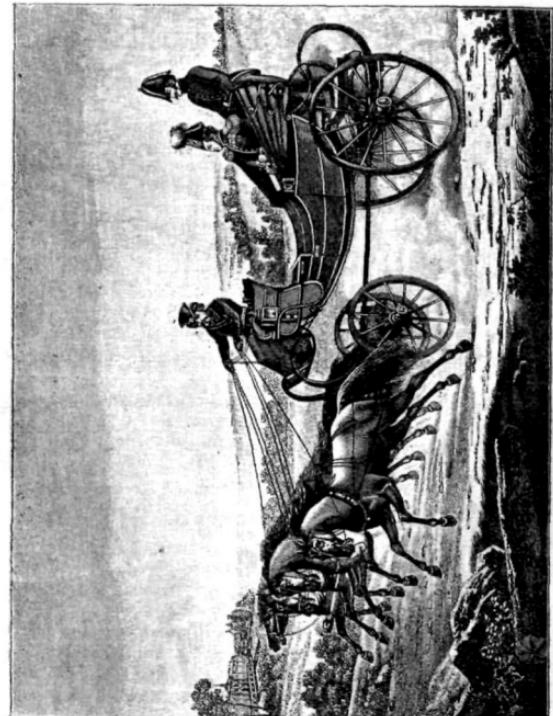
«Немедленно введенъ былъ протоіерей Федотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локотъ, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ благословеніе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ:

«Я хочу исповѣдаться и пріобщиться св. Таинъ; прошу исповѣдать меня не какъ императора, но какъ простого мірянину; извольте начинать, я готовъ приступить къ святыму таинству».

Послѣ причастія Александръ, по словамъ Тарасова, обратясь къ врачамъ, сказалъ: «Теперь, господа, ваше дѣло;

употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными».

17-го числа, по замѣчанію Тарасова, болѣзнь достигла высшей степени своего развитія.

Александръ I въ кортѣ.

18-го Тарасовъ пишетъ: «почь всю провелъ государь въ забытии и безпамятствѣ, только по временамъ открывалъ

глаза, когда императрица, склонясь к нему, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращаясь взоромъ на съ Распятіе, кресты и читая молитвы. Несмотря на забывчивость и беспомощность отъ усиливающегося угнетенія мозга, иногда, когда приходила императрица, государь чувствовалъ ея присутствие, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру государь началъ очевидно слабѣть. Когда я ему лавировалъ съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать мелкими и не свободно. Я не замедлилъ обливать обѣ этицы. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ обѣ этомъ императрицѣ, которая въ 10 часовъ вечера пришла въ кибаниеть въ сѣль подъ умирающимъ на стульѣ, постоянно сжимая лѣвой рукой лорда его правую руку. По временамъ она плакала. Но во всю ночь безотходно, позывы императрицы, стояли у ногъ государя. Пять разъ она проглатывала съ большими трудами; въ четвертомъ часу изъ полости дыханія замѣтно стало мелчаніе, но спокойно и безъ страданій.

«Всѣ святые и праведные стояли въ очопившій во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежесмѣнно.

«Наступило 10-е ноября. Утро было пасмурное и мрачное; плащаница передъ дворцомъ все была покрыта народомъ, который изъ церкви, послѣ моленія обѣ исцѣленія государь, приходилъ толпами ко дворцу, чтобы получить вѣстъ о положеніи императора.

«Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и устремлялъ ихъ на императрицу и съ Распятіе.

Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное уновленіе, что всѣ мы, присутствовавшие, при безутѣшномъ риданіи, проникнуты были неизрѣзаннымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише. Кроме Вилье и Тарасова въ это же время вѣль свой журналъ и кнѧзь Волконскій, который начинаетъ его 5-мъ ноября:

«5-го ноября. Государь императоръ изволилъ возвратиться изъ Крыма въ 6 часовъ вечера. Вошелъ въ уборную, на вопросъ мои о здоровье его, изволилъ отвѣтить, во французски: «Я чувствую небольшую лихорадку, которую я получила въ Крыму, несмотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ восхвалили. Я думаю, что мы сѣѣзжали

какъ нельзя лучше, выбравъ Таганрогъ мѣстомъ пребыванія для моей жизни.

На мой вопросъ его величеству, съ какого времени онъ уже почувствовалъ лихорадку, императоръ отвѣтилъ мнѣ, что «это уже съ Бахчисара, куда мы прибыли вчера», и тотълько очень пѣть, и когда попросилъ пѣть, то мой камер-хантеръ Федоровъ далъ мнѣ барбарисаго сирона. А такъ какъ во время путешествія по Крыму стояла очень жаркая погода, я подумалъ, что сиропъ можетъ испортиться; но мой камер-хантеръ сказалъ мнѣ, что сиропъ не пострадалъ. Я осущина пѣмы стаканъ и легъ спать. Въ продолженіе всей ночи я испытывалъ ужасный болѣзнь, и только благодаря своему спокойствию и прекрасному междуѣму и благоговѣнію отѣвался и все прошло. Пробывъ въ Перекопѣ и посѣтилъ госпиталь, где я почувствовалъ повторный приступъ лихорадки. Я взялъ изъ себя сѣѣзжть указать его величеству это недоблагороднѣе при посѣщеніи госпиталя, где онъ рисковалъ только услышать свою лихорадку, благодаря тому, что тамъ много людей, пораженныхъ этой болѣзнью, и что императоръ всегда забываетъ, что, вступая въ штадесятилѣтній возрастъ, онъ не иметь тѣль силъ, что у него были въ двадцати лѣтъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «ахъ, другъ мой, я это слишкомъ хорошо чувствую, и уѣзжу вѣсною, что я напоминаю объ этому себѣ постоянно, но я надѣюсь, что это не будетъ мнѣ последствій».

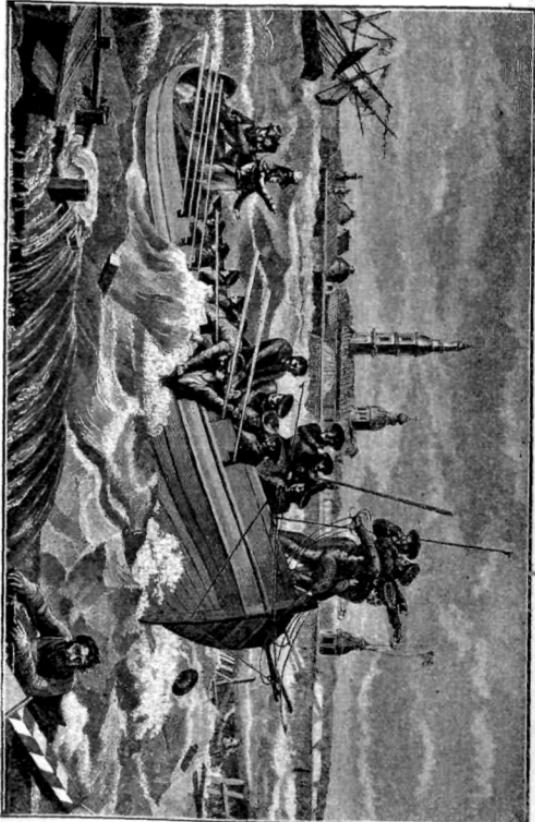
Спросивши меня потому о новостяхъ по поводу здоро-
вья императрицы, онъ отправился искать ее, и ихъ вели-
чество провели остатокъ вечера выѣсты.

6 ноября. По утру въ 8 часовъ позвана я была, какъ-
по обыкновенію, къ его императорскому величеству, во
время умываній; спросивъ о его здоровье, его величество
изволилъ отвѣтить, что ночь прошла изрядно и лихорадка нечувствительна. Всегда у государя были слабыи и глаза мнѣ показались мутны. Смеркъ того глухота была
примѣтѣ и до того, что, доказывая по некоторымъ бу-
магамъ, его величество изволилъ сказать мнѣ, что остав-
никовъ членѣмъ до совершеннаго окончанія его туалета.
Одѣвшись, его величество вошелъ въ кабинетъ, стоя у
каминъ грѣться, приказалъ мнѣ продолжать докладъ, по
споминаніи资料, отпустилъ меня, занесли членѣмъ бумаги.
Изволилъ вспомнить съ императрицей. Въ здѣшнемъ часу въ
исходѣ, во время нашего обѣда, камер-хантеръ его величес-

ства, Федоровъ, прислал записку къ г. лейбъ-медику Вилліе, въ которой пишеть, что государь въ весьма большомъ необыкновенномъ поту. Г-нъ Вилліе пошелъ тотчасъ къ его величеству, куда и я вслѣдъ за нимъ отправился; пришедши къ государю, нашли его величество въ кабинѣ сидящею на канапѣ въ сюртукѣ и обернутымъ сверху байковымъ одѣяломъ, дабы поддерживать потъ. Г-нъ Вилліе пощупалъ пульсъ и, посмотрѣвъ языкъ, нашелъ лихорадку, предложилъ принять тотчасъ слабительную пилюли, коихъ его величество изволилъ принять восемь. Послѣ того хотѣль было заниматься продолженiemъ чтенія бумагъ, полученныхъ изъ С.-Петербурга во время отсутствія его величества, но я и г-нъ Вилліе отъ сего отклонили, дабы не увеличить лихорадки занятіемъ бумагъ. Того же вечера въ семь часовъ лѣкарство произвело свое дѣйствіе, и государь почувствовалъ облегченіе, былъ весьма весель, доволенъ лѣкарствомъ, благодарила Вилліе за пилюли, а меня за все о немъ попеченіе. Потомъ изволилъ приказать позвать императрицу, которая изволила оставаться одна у его величества до 10-ти часовъ вечера.

7-го ноября. Ночь проводилъ государь спокойно и почивалъ хорошо. По утру въ 8 часовъ государь изволилъ дѣлать свой туалетъ по обыкновенію, принималъ слабительную мицтуру въ II часовъ утра, отъ коеи чувствовалъ себя легче; но ввечеру сдѣлался небольшой жаръ, отъ того, что за всѣми убѣжденіями не хотѣль продолжать мицтуру.

8-го ноября. Ночь проводилъ неспокойно и имѣла лихорадку. По утру въ 8 часовъ государь изволилъ дѣлать свой туалетъ по обыкновенію, принялъ отъ меня поздравленіе съ праздникомъ, сожалѣлъ, что не можетъ идти къ обѣднѣ, дабы не возобновить лихорадки. Отпустивъ меня къ обѣднѣ, самъ изволилъ въ кабинѣ, сѣвъ на канапѣ, заняться чтеніемъ Библии.—Послѣ обѣднї, пришедши къ его величеству, нашелъ (его) сидящимъ на канапѣ въ маленькомъ жару. Государь изволилъ спрашиватъ, по обыкновенію, хорошо ли отправлялась служба, какъ пѣли пѣвчіе, и хорошо ли служилъ вновь вывезенный изъ Новочеркасса диаконъ? Давъ на все удовлетворительный ему отвѣтъ, я спросилъ его о здоровье; его величество изволилъ отвѣтить, что ему лучше, при семъ изволилъ мнѣ сказать, что не знаетъ, что будетъ ему сдѣлать съ бумагами, коихъ много накопляется; на сіе и отвѣчалъ, что теперь не до бумагъ, ибо здоровье его ве-

личности всего музыки, а залъ быть будетъ сиу
лучше, тогда успѣть искъ обѣзѣть какъ слѣдуетъ, но и
при томъ нужно будестъ ему не марутъ заниматься бѣзре-
станиемъ бумагами, а поменѣю. Лѣбы ликорадка вновь не
открылась. Послѣ этого приказалъ позвать изъ себѣ имп-
ератрицу, которая изволила нѣсть у его величества до са-
мато своего обѣла. Государь ничего не изволилъ муштать,
кромѣ хлѣбной отварной воды, и жаръ неимѣло усѣн-
шился.

Государь изволилъ писать къ С.-Петербургъ къ си им-
ператорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Фео-
доровнѣ, приказалъ сѣлья отправленіе бѣлья чистымъ, за-
претивъ писать о его болѣзни, изволилъ искъ сказать: «Боясь
я эпістра-почты, чтобы не измѣнилъ хлопотъ изыѣспѣмъ о
моей болѣзни и не встрѣжомѣли бы тѣмъ наступиши; и си
и скажи, что напишутъ то, что ему угодно, но вѣѣтъ съ
сими полагай и, что лучше писать правду, потому что
нельзя совершение отѣбать, чтобы кто-нибудь изъ жите-
лей не написать чѣго и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ исхѣ
встрѣжити. Вечеромъ сѣлялся потъ, который продолж-
жался всю ночь.

9-го ноября. Ночь была изредка.

По утру хотѣ потъ и продолжался, но государь чувство-
валъ себѣ лучше, что продолжалось во весь день.

Какъ ни тотъ день должна была отправиться эстаф-
ротка изъ С.-Петербургъ, то и просилъ я у его величества,
чтобы позволилъ писать ея величеству о болѣзни. Государь
императоръ приказалъ государынѣ писать къ си импера-
торскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Фео-
доровнѣ, разномѣрно приказалъ генерал-адъютанту барону
Либичу писать изъ Варшавы къ цесаревичу, что, возвратясь
изъ Крыма съ ликорадкою, принуждѣнъ не выходить изъ
дома, забылъ не увеличить ликорадки.

10-го ноября. Государь проводилъ ночь изрядно, но къ
утру сѣлялся хуже. Въ 8-ми часахъ принялъ шесть са-
батильныхъ плюсъ, и 11-ти часахъ утра, вставши съ по-
стели за нуждою, получивъ обморокъ и весьма ослабѣлъ.
Во весь день продолжался жаръ, а къ вечеру сѣлялся силь-
ный потъ и забычливость, отъ чего мало уже и почти со-
всѣмъ не говорилъ, кѣмъ только чего просилъ.

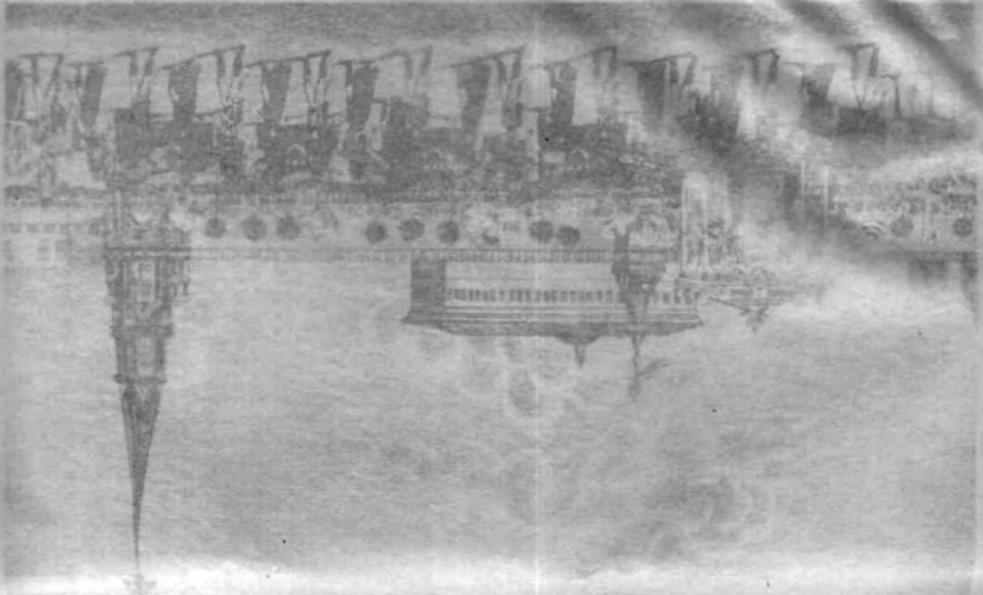
11-го ноября. Государь проводилъ ночь спокойно и по утру
чувствовалъ себѣ лучше; приказалъ позвать императрицу.

которая оставалась у его величества до самого обѣда. Вечеру
изъ 6-ти часовъ опять сѣлялся жаръ, и когда его величество
всталъ за нуждою, си нѣмъ бытъ обморокъ, но не столь силь-
ный, какъ первы. Къ ночи жаръ убѣзжалъ; потомъ прозол-
жался на всю ночь, отъ чего его величество худо починала.

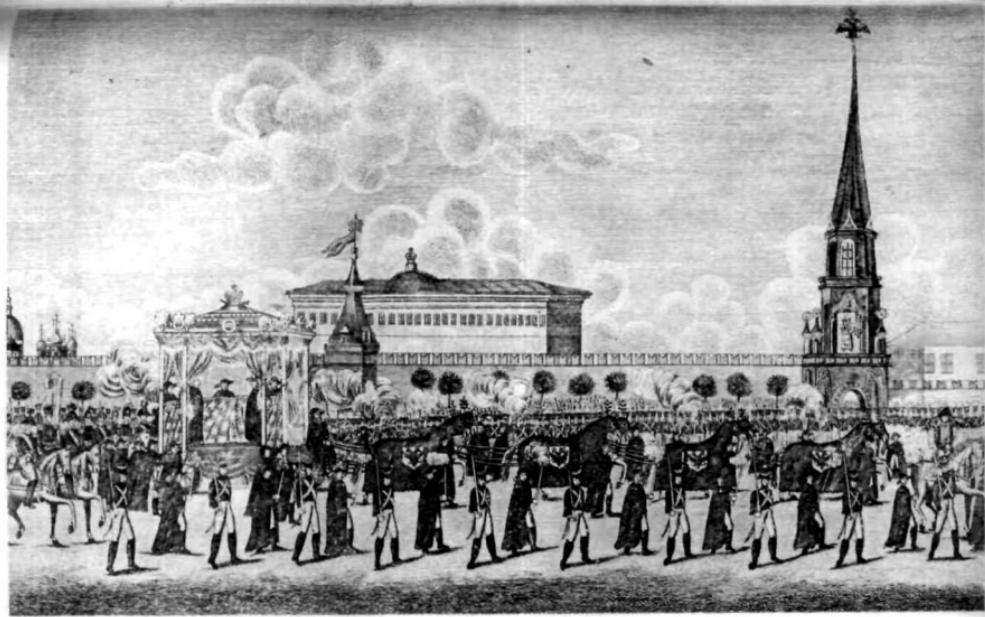
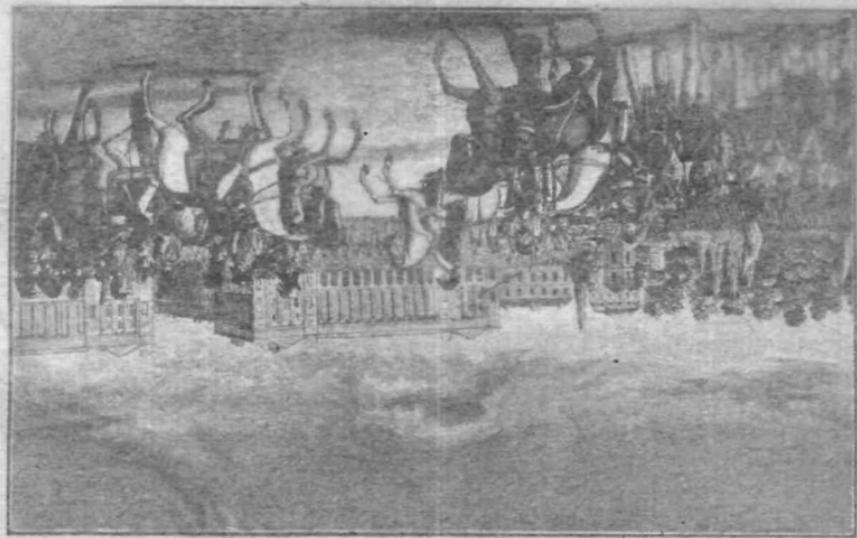
12-го ноября. По утру жаръ продолжался; приказалъ искъ
сѣлья ему пить изъ апельсиновыя, которое и вѣѣтъ съ
тѣмъ Владилю ему сѣляли, тѣмъ его величество было очень
доволено и мнѣ благодарилъ. Позвать изволилъ изъ себѣ им-
ператрицу, которая изволила оставаться цѣлый день. Къ ве-
черу сѣлялось легче.

13-го ноября. Государь проводилъ ночь израдко и поутру
принималъ слабительное; жаръ уменьшился до полууди, по-
томъ опять начался и продолжался во всю ночь. Вечеромъ
принималъ два кластира, которые много облегчили. Во весь
день мало изволилъ говорить, кромѣ что иногда просилъ пить;
апельсиновый ликомадъ ему спротивился, просилъ сѣлья друг-
тое, почему и сѣляли изъ вишневаго сиропа.

14-го ноября. По утру жаръ у государя былъ поменѣе, и
его величество дѣлалъ весь свой тудасть въ брялъ, какъ
обыкновенно. Около обѣда сѣлялся опять сильный жаръ,
и за уши шелъ къ головѣ примѣтно покрасѣлъ, почему
г. Влади и Стофергенъ предложили его величеству поста-
вить за уши пінкви, но государь и слышать о сими не хо-
тиѣ, вскачки былъ уговариваемъ и упрашиваемъ доктора-
ми, императрицѣ и мнѣ, но всѣмъ отказали, отсыпали даже
съ гійномъ, чтобы остановиши его изъ покоя, ибо первы его
и безъ того разстроены, которые бы должно стараться усво-
коинять, а не умножать раздраженіе икъ пустыни хѣкар-
ствамъ. Въ 8-ми часахъ вечера при императрицѣ всталъ и
спустилъ ноги съ постели, отъ чего сѣлялся ему сильныи
обморокъ; видѣлъ его упрашивство, и при си величествѣ сказали
докторамъ, что почитаютъ однии средствиа склонять госу-
даря на приютии хѣкарства и приставленіе пінкви, предло-
жили его величеству приглашеніе Си. Тани, вместо всѣхъ
хѣкарствъ, настана вѣѣтъ съ тѣмъ духомника, чтобы на ду-
ху и поსѣлъ приглашеніи старалъся умножеватъ и соглашать
на приставленіе пінкви, говори, что изъ Таганрога си сред-
ство изъ ликорадки почитается самимъ лучшимъ. Доктора
пришли мой соѣтъ въ просилъ императрицу винти на себѣ
сѣлья такомое предложение. Государыни, видя, что жаръ
не уменьшается, изволила рѣшиться преломить его вели-

Смотръ.

ПЕРЕВЕЗЕНИЕ ТЪЛА АЛЕКСАНДРА I.

Съ современной гравюры.

Изъ собраний Шибанова.

честву пребываешься, говоря: «Я ищю къ вамъ одно предложение такъ какъ вы отвергаете всѣ средства, которыя предлагаютъ врачи, то найдется что вы примете то, которое я ищу вами предложить». «Что такое?»—сказала императрица.—«Это причитается»—ответила императрица.—«Разъ мое положение такъ опасно?»—спросилъ его величество.—«Нетъ»—ответила императрица—«но это такое средство, къ которому прибегаетъ всякий христианинъ во время болѣнія».—Императоръ отѣкъ, что она принимать его съ болѣніемъ удовольствиемъ, и приказалъ прятанье священника.—Въ самое сіе время склонился его величество предъ священникомъ поть, потому доктора положили повременять врачества, пока поть будетъ продолжаться; и между тѣмъ занялся наставлениемъ священника соборной западной церкви отца Алексія Федотова.

Въ 11 часовъ вечера государь просилъ императрицу жать къ себѣ починать Ея величество, ушедши, приказала себѣ дать знать, когда спросить духовника.

15-го числа. Жаръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Изъ часовъ сдалась его величеству жухъ, о чёмъ и немедленно доложилъ ей величеству, которая, пришедшія къ государю, тотчасъ напомнила о духовнике, и выѣхѣ съ тѣмъ г-нъ Виз-зіе объяснилъ государю, что онъ изъ опасности. Его величество приказалъ позвать духовника и, прослушавъ молитвы къ иконѣ, обратился къ императрицѣ, сказавъ: «оставьте меня одногозъ. Когда вѣтъ выпадъ, то государь изволилъ испытыватьсь, а по окончаніи приказалъ духовнику позвать императрицу, съ кой вспомѣшъ опять и въ съ генералъ-адъютантомъ Дубичемъ и съ докторами Виз-зіемъ, Сторегеномъ, Тарасовичемъ и Камердинерами; государь изволилъ пребывать съ Св. Троицъ, послѣ чего духовникъ, подправивъ его величеству, прѣдѣлъ его не отказывать помочь медикамъ и соѣдитонъ по обычью зѣльнику приставить пинки. Умоляя государя не терять времени, стала съ крестомъ на рукахъ на колѣна. Государь сказала: «станьте» и, поцѣловавъ крестъ и духовника, сказала, что никогда не ощущать большаго удовольствия, какъ въ сей разъ; обратясь къ императрицѣ вѣжливо къ руку, и, поцѣловавъ юную, сказала: «Я никогда не испытывала большаго удовольствия и въ вамъ очень благодарена». — Какъ жаръ не убѣжалъ, напротивъ того усиливался, то доктора предложили опять пинки; его величество не откаживаясь съ тѣхъ поръ ничего, употребилъ всѣ лѣкар-

ства, какъ ему были подшоены; начали съ пивомъ, коихъ поставили за уши 35 по объему сторонакъ, что продолжалось довольно долго, и крови довольно было выпущено; жаръ хотя и уменьшился, но не на долго, и къ ночи было хуже. Присыпаласи синапсизы къ рукамъ и къ бедрамъ.

16-го ноября. Ночью проводилъ худо и все почти въ забытии; изъ 2 часовъ ночи покрасилъ лимонного мороженаго, котораго откусывала одну ложечку, потому во весь день ему было худо, къ вечеру положили еще къ лицамъ синапсизы, но жаръ не уменьшился. Государь былъ все хуже въ забытии и ничего не говорилъ.

17-го ноября. Ночью было государю худо, по утру изъ 6½ часовъ положили на спину ципансую муху. Въ 10 часовъ утра стала всѣхъ узнавать и кемноги говорить, т.е. только просилъ пить. Къ вечеру слѣдалось хуже, однако, позвалъ меня и сказалъ: «сдѣлай мнѣ и остановился; я спросилъ у его величества, что прикажете слѣдѣть? Посмотрѣй на меня, отвѣчай: «полосматъ»; отошелъ отъ него, замѣтилъ, что уже нельзя ему полоскать рта, потому что сильне не дѣлать, чтобы подняться, а между тѣмъ забылся опять и была всю ночь въ опасности.

18-го ноября. По утру государь стала немногого посыпать, что и продолжалось до вечера, но къ ночи слѣдалось ощущать сильный жаръ, отъ коего пришелъ въ совершиенную опасность, ничего уже не говорила, но узнавала, ибо каждыи разъ, когда всирпанила глаза и видѣла императрицу, то, занѣся руки, плакала и прикладывала къ сердцу. Когда въ нему подошла, то изволила изъянуть милостию, улыбнувшись, и когда и поцѣловала руку его величеству, то изволила слѣдать миа знаки глазами, зачѣмъ я се дѣлала, ибо я знала, что она не жаловала давать свою руку плаковать. Въ 11 часовъ и до минутъ вечера опасность начала прибавляться и съ тѣхъ поръ все уже было въ забытии.

19-го ноября. Государь оставался въ забытии во все время до конца, изъ 10 часовъ и 50 минутъ испустивъ послѣдний духъ. Императрица закрыла ему глаза и, поддерживая честь, подвѣзала платкомъ, потомъ изволила пойти къ себѣ.

Тверск.
7 декабря, 1843 г.

Генерал-адъютантъ князь Болдинский.

Кромъ этого есть еще крайне интересныя записки императрицы Елизаветы Александровны на французскомъ языке,

которыми мы считаемъ необходимымъ для полной характеристики момента привести цѣлкомъ; они тоже касаются какъ разъ того же времени, начиная съ момента возвращенія изъ Крыма.

«Однъ возвратился изъ путешествія по Крыму въ четвергъ 5 ноября около семи часовъ вечера. Такъ какъ онъ опоздалъ болѣе обыкновеннаго зайти ко мнѣ, то мнѣ пришла мысль, что онъ могъ вернуться больнымъ; я испытывала беспокойство и неопредѣленную тоску, а при видѣ плошечки, осѣвшемъ улицу такъ же, какъ при его возвращеніи изъ Новороссійска, я сказала себѣ съ грустью: «онъ отправится отсюда еще разъ, но уже больше не возвращатсѧ». Когда онъ вошелъ, мой первый вопросъ былъ: «адоромъ ли вы?» Онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ, что у него лихорадка уже два дн., онъ думаетъ, что онъ скатится крымскую лихорадку. Я его усадила, у него былъ жаръ, онъ мнѣ сказалъ, что положилъ Саломку и слугу Евстифея; тоже заразились сю. У себѣ онъ присыпалъ причину ея барбарисному сиропу, который онъ пилъ въ Бахчисараѣ, когда хотѣлъ очень пить; онъ полагалъ, что тамъ какъ отъ этого питья у него приключилось расстройство желудка и тамъ какъ эта болѣзнь его ослабила, то онъ слѣдалъ болѣе воспринимимъ къ заболеванію лихорадкой. Онъ сказалъ, что послѣ первого приступа онъ не предупредилъ Виллѣ, и что онъ пригласилъ его только послѣ второго, что тѣтъ дала ему пуншъ и что въ теченіе дня его не лихорадило; онъ присыпалъ причинѣ себѣ чю съ лимономъ, а когда положилъ о Виллѣ, онъ прислалъ его для того, чтобы сказать ему, что онъ чувствуетъ себѣ довольно хорошо, что его не забывать, но что ему жарко. Я безъ труда уговорила его пойти лечь спать воронинъ, хотя онъ еще съ полчаса рассказывалъ о своемъ путешествіи, і выходѣ, помѣжалъ мнѣ покойной ночи, онъ прѣбывалъ въ очень разъ, что вижу на счѣтъ—такъ какъ, получивши известиѣ о смерти короля Бадарского, онъ мнѣ писалъ, что онъ будетъ беспокояться о томъ, какое дѣйствіе окажетъ это на меня, и что онъ не успоконится, пока меня не увидитъ.

Въ пятницу утромъ бѣ-го онъ присыпалъ сказать мнѣ, что онъ очень хорошо прошелъ ночь. Онъ пришелъ ко мнѣ около 11 часовъ. Онъ былъ жадъ и имѣлъ плохой видъ—у него былъ видъ больного. Онъ сѣлъ, я ему показала его письма, которымъ онъ хотѣлъ видѣть измѣненій, мы говорили о томъ,

что произошло въ его отсутствии; когда же она уходила, то я ею спросила, не желаетъ ли она обѣдать со мной вмѣстѣ и не скажетъ ли это его. Я очень этого желала—ответила она. Когда же она пришла къ обѣду, я нашла его видъ еще хуже, чѣмъ утромъ. Они сказали мнѣ, что просить разрѣшнія встать изъ-за стола тѣтчасъ, какъ только она покинетъ свой скромный обѣдъ, потому что у себя она закутывается въ шубу. Ему подали супъ съ крупой, онаѣ было ею и сказали: «закутывается, у меня больше аппетита, чѣмъ я думалъ»,—потому она только попробовала зицониаго супа и сказала мѣтре Лоттель, что она готовить желе слишкомъ сладкимъ. Она встала изъ-за стола.

Около 4 часовъ она присыпалась за мнѣ; я нашла его на кашапѣ, онаѣ сказала мнѣ, что, вернувшись къ себѣ, онаѣ легъ и заснула, потому онаѣ хотѣла работать, но такъ какъ онаѣ очень устала, то онаѣ вышли изъ-за стола и, желая отдохнуть, попросили меня взять книгу. Въ такомъ положеніи онаѣ оставались въкоторое время, я словъ не говори, но и не засыпал. Мы вспомнили, что мы каканули головщины наводненій, и говорили, что можно надѣяться, что этотъ годъ пройдетъ благополучно въ этомъ отношеніи; тѣмъ не менѣе надо мнѣнѣо чѣто-тѣготѣо, како-то ожиданіе несчастіи или бѣгства. Она порадовалась вѣдѣмъ пристрастіи огни, видѣ, что я едва могла различать при чтеніи.

Въ 5 часовъ слуга Федоровъ доложилъ о Вилье; онаѣ едва могъ его расслышать, такъ какъ слухъ его сталъ особенно тутъ, онаѣ сама замѣтила это и говорила, что это происходитъ отъ лихорадки и что это у него было уже въ первые дни при заболеваніи рожею. Она упрекнула своего камординара, что онаѣ говорить тише обыкновеннаго, тогда какъ онаѣ слышали хуже обыкновеннаго. Она приказала привезти Вилье; онаѣ просила также къ Вилье говорить громче; «я ничего не слышу»—сказала онаѣ какъ *dief as potz*, какъ говорилъ Парнамъ—весело прибавила онаѣ. Вилье посомнѣвалась ему привезти лѣченіе, но онаѣ долго отказывалась. Вилье хотѣлъ, чтобы онаѣ сказали это тѣтчасъ же, но онаѣ отказывалась, обѣща, что онаѣ скажутъ это на другой день утромъ, тѣтчасъ, какъ только захотятъ этого отъ него, между тѣмъ какъ, прощаясь въечера, онаѣ испортитъ себѣ ночь, а между тѣмъ, онаѣ надѣются, онаѣ будутъ такою же, какъ и предыдущая. Вилье уѣхалъ, что дѣйствіе должно пройти до ночи, и упрашивалъ его принять, и скази Вилье глазами

умолка о томъ же; наконецъ, онаѣ мнѣ сказала: «Вы держитесь того же мнѣнія, что Вилье?» Я отвѣтила вѣдомъ, что да. «Ну хорошо»—сказала онаѣ, и Вилье пошелъ приготовлять пилы. Ониѣ были готовы черезъ полчаса. Вилье привнесъ ихъ, въ это время вошелъ членъ Волконскій, змѣя пильоль нехнатало, онѣ спрятались въ рукавѣ, тѣмъ нашли и смыслились надѣть этины фокусомъ; мы оставались одни еще до 7 часовъ вечера. Тогда онаѣ мнѣ сказала, чтобы я его оставила, потому что приближалось дѣйствіе лѣкарства. Я сказала ему: «Я еще увижу касъ?»—«Да, сегодня вечеромъ».

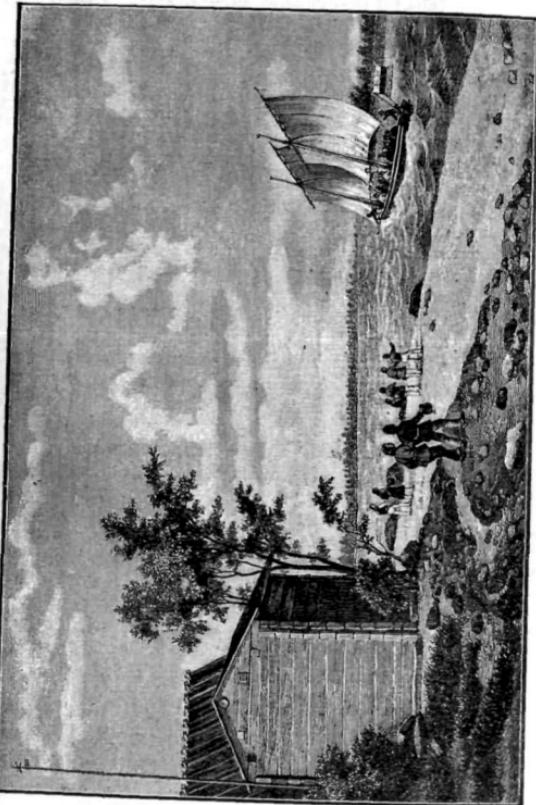
Но такъ какъ до 9 часовъ вечера онаѣ не присыпалась за мнѣ, я приказала позвать Вилье, который сказалъ мнѣ, что лѣкарство отлично подействовало и что онаѣ послѣ этого заснула и теперь еще спитъ. Вилье принялъ веселое болтать, наконецъ, я ему поручила сказать императору, если онаѣ его увидятъ, когда тогъ проснется, что я уже легла спать, такъ какъ уже полно, и помѣжна скромной ночи Вилье. Дѣйствительно онаѣ спала на канинѣ до полуночи и проснулась только, чтобы перейти на кроватъ. **10** Въ субботу 7-го онаѣ пришла ко мнѣ между 11 и 12 часами. Онаѣ сказала мнѣ, что чувствуетъ себя лучше: «вечера, когда я сѣдѣю тамъ, я испытываю какое-то крайне тѣгостное ощущеніе, и въчера, когда я просилъ васъ оставить мнѣ всѣдѣствіе дѣйствія лѣкарства—это было не столько потому, ибо дѣйствіе наступило только черезъ 20 минутъ, а потому что я чувствовала какое-то смутное беспокойство, мнѣ было стыдно, если бы меня увидѣли въ такомъ состояніи и не знать, куда мнѣ дѣваться; ониѣ согласился, что потому ему помогли; онаѣ была какъ всегда жаль, но болѣе веселъ. Мы занялись раковинами, которые въ образѣ; наконецъ, онаѣ сказала, что я должна итти гулять, а онаѣ пойдётъ работать. Я угощала его не работать по столу, что это ему вредно и наканунѣ. Онѣ отвѣтила мнѣ: «это скажалось столъ привычнаго для менѣ, что я не могу безъ этого обходиться, и я чувствую пустоту въ головѣ, когда ничего не дѣлю; если я оставлю свой постъ, то мнѣ придется возвращаться цѣлый библиотеки, иначе я буду скуль».

Когда я возвращалась съ прогулки, онаѣ присыпалъ мнѣ послѣднее письмо, приглашая меня присутствовать за его обѣдомъ. Я посыпалась туда. Онаѣ было супъ съ крупой и сухую капу съ бульономъ. Онаѣ продолжала принимать слабительные средства; послѣ скромного обѣда онаѣ хо-

дилъ по комнатѣ, остановился около одного изъ комодовъ и привелъ въ порядокъ пакеты съ бумагами для отправки; но черезъ нѣкоторое время онъ мнѣ сказалъ: «вамъ нужно меня скоро оставить, ибо мое лѣкарство дѣйствуетъ, мой желудокъ не удерживаетъ ничего». Онъ отоспалъ меня обѣдать.

Между 3 и 4 часами онъ пришелъ ко мнѣ и засталъ меня лежащей на диванѣ, который онъ дѣлалъ для меня и изъ котораго я сдѣлала себѣ кровать. Я ему сказала, что, собственно говоря, ему бы слѣдовало лечь, а не мнѣ, и приглашала его лечь, онъ сначала было поколебался, а потомъ сказалъ, что онъ теперь же отправится лечь къ себѣ. Мы немного побесѣдовали. Потомъ онъ поднялся и сказалъ: «я пришелъ узнать, почему вы не отправились на прогулку, послѣ обѣда была такая хорошая погода». Я ему сказала, что дышала воздухомъ въ окно и что я получила два удовольствія: это слушать море и слышать звонъ прекраснаго колокола греческой церкви Константина и Елены; я съ такимъ увлеченіемъ описывала ему звонъ этого колокола, что онъ сказалъ мнѣ съ улыбкой: «вотъ вы увидите, что вамъ такъ здѣсь понравится, что вы не сможете отсюда уѣхать». Около 7-ми часовъ онъ пригласилъ меня къ себѣ.

Я нашла его раздѣтымъ, въ домашнемъ костюмѣ, лежащимъ на диванѣ. «Что это значитъ?»—сказала я ему; онъ отвѣтилъ мнѣ, что его лѣкарство подѣйствовало до охлажденія конечностей и боли въ желудкѣ, что онъ надѣлъ фланелевый бинтъ и что Виллѣ предложилъ ему чашку чаю и что онъ чувствуетъ себя хорошо. Онъ былъ веселъ, я принесла ему рисунокъ и планъ, который сдѣлала съ нашего дома Шарнеманъ для отсылки императрицѣ-матери, онъ его разсмотрѣлъ, а также и объясненія, которая я сдѣлала письменно, одобряя, критиковавъ и сдѣлавъ поправки. При этомъ сказалъ: «это доставить удовольствіе моей матери, онъ его покажетъ тому, другому». Я принесла ему также модные журналы, полученные въ его отсутствіе, онъ былъ въ хорошемъ расположении, лучшемъ, чѣмъ наканунѣ, и много говорилъ, я ему рассказала о впечатлѣніи, которое произвели клавесины полковника Фридрика на калмыковъ. Онъ смылся и сказалъ: «хорошо, вы можете доставить себѣ это удовольствіе, когда они придутъ къ вамъ прощаться; скажите имъ, что вы узнали, что они любятъ музыку, и сыграйте имъ что-нибудь». Но потому мы нашли, что это было бы противно моему достоинству въ глазахъ ихъ, но

онь предложил застолять сматръ имъ Волконскаго, чтобы произнести то же радостное воспетіе на нихъ, которое они испытывали у волконника Фридрихса.

Въ 9 часовъ ишли Вилье и кнзъ Волконскій. Вилье спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ сказалъ «хорошо»—и между тѣмъ, какъ Вилье находилъ у него жаръ, и нашелъ, что онъ, конечно, еще слишкомъ много работалъ ногой обѣдъ. «Это необходимость, это меня успокаиваетъ»—отвѣтилъ онъ. Кнзъ Волконскій сказалъ, что былъ изъ глуби рѣшино завтра не давать, потому что при дворѣ трауръ. Онъ поднялъ споръ. Восхѣ генералъ Дубичъ,—онъ распорядился синъ изъ его присутствія о нѣкоторыхъ поправкахъ къ рисунку. Когда эти господы ушли, мы остались одинъ, но по прошествіи нѣкотораго времени онъ пожелалъ мнѣ по-коейной почѣ и поднялся еще, чтобы я могла поцѣловать его на затылокъ.

Въ воскресенье 8-го, онъ приказалъ меня позвать прежде чѣмъ я отправилась къ обѣду. Онъ сказалъ, что нѣколько у него былъ жаръ, тѣмъ не менѣе онъ былъ одѣтъ; черезъ нѣкоторое время я ушла къ обѣду, а потомъ вернулась спать къ нему. «Слишкомъ плохая погода для того, чтобы намъ выходить»—сказъ онъ мнѣ (была бура), и соглашалась съ удовольствіемъ. Онъ рассказалъ уже во второй разъ послѣ своего возвращенія о діаконѣ изъ Черкасска. Мы говорили о томъ, что сдѣлано въ городѣ во время его отсутствія, согласно его указаніямъ, по украшенію города, я сказала, что работали съ усердіемъ. «Это очень милые люди»—сказъ онъ. Спустя нѣкоторое время онъ попросилъ меня оставить его. Онъ преглядѣлъ меня опять, чтобы присутствовать при его обѣде,—это было стаканъ яблочной воды съ сокомъ изъ черной смородины, —тѣмъ не менѣе онъ крестился, прежде чѣмъ выпить его, какъ будто бы онъ садился за столъ, а послѣ того, какъ выпилъ половину, нашелъ это икучинъ и приказалъ отыскать Вилье, чтобы спросить его, нужно ли оставить ему половину на ужинъ, или онъ можетъ получить другой стаканъ. Вилье сказала, что если онъ желаетъ, то ему дадутъ нечіромъ другой стаканъ того же самаго. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что это чѣмъ разъ то, что ему было нужно, что онъ случайно нашелъ запись этого у кнзъ Волконскаго, которому его подарила его сестра, а та въ свою очередь получила отъ своего знакомаго, и что онъ слишкомъ, будто это пытке-

полезно при этой болѣзни. Около 2-хъ часовъ онъ послѣдний разъ обѣдалъ, между 5 и 6-ю часами онъ присѣлъ за мной и сказалъ, что онъ собирается послать курьера изъ Петербурга, и дѣлъ мнѣ по этому поводу распоряженіе.

Онъ имѣлъ очень болѣзниный видъ; у него былъ жаръ въ головѣ; я отправилась исполнить его распоряженія и сообщила ему о результатѣ; онъ сказалъ мнѣ: «сейчасъ хорошо, отошлите пакетъ генералу Дубичу и когда кончишь, возвращайтесь». Я возвратилась около 7-ми часовъ,—ему было лучше; я принесла ему вчерашнія газеты (приблизивъ къ его отсутствію), которая его заинтересовали, онъ сказалъ лишь привести ему продолженіе; я ему сказала: «раньше у васъ былъ такой утомленный видъ, что мнѣ было болѣзо на васъ смотрѣть, теперь вы кажетсяеѣ лучше»—«Да, я чувствую себя лучше»—сказъ онъ мнѣ; черезъ нѣкоторое время онъ началъ опять читать, я тоже читала.

Потомъ онъ прятготвился лежать и лежъ съ такимъ счастливымъ видомъ, что было приятно на него смотрѣть—улыбнулся и заснулъ. Онъ спалъ такимъ образомъ около двухъ часовъ и дышалъ спокойно и сладко; онъ проснулся только одинъ разъ, посмотрѣлъ вокругъ себя съ странными выраженіемъ, которое я принимала за веселое, и которое я хотѣла видѣть въ ужасныхъ минутахъ!—и опять заснулъ, улыбаясь. Восхѣ сразу доложилъ о Вилье, но онъ такъ крѣпко спалъ, что его не будили. Наконецъ, въ 9 час. онъ проснулся. Восхѣ спросилъ: «Какъ вы себя чувствуете?»—«Очень хорошо, спокойно, сѣмъ». Вилье сказала: «Ноѣтъ увидеть, будетъ испарина». Послѣ непродолжительного разговора его утомили лечь спать. «Я такъ хорошо чувствую себя здѣсь»—сказъ онъ; когда же я уходила, чтобы дать ему заснуть, онъ сказалъ еще мнѣ: «всомѣтѣ газеты, завтра присените мнѣ оставшіе». Въ 10 часовъ я приказала позвать Вилье, и спросила его, заснула ли онъ уже, онъ же сказъ мнѣ, что не могъ уговорить его лежать, что онъ умѣлся, постоянно повторяя «какъ мнѣ хорошо здѣсь»—но что тѣмъ не менѣе онъ попросилъ свою кроватъ. Ночью действительно были хороши, обильный потъ.

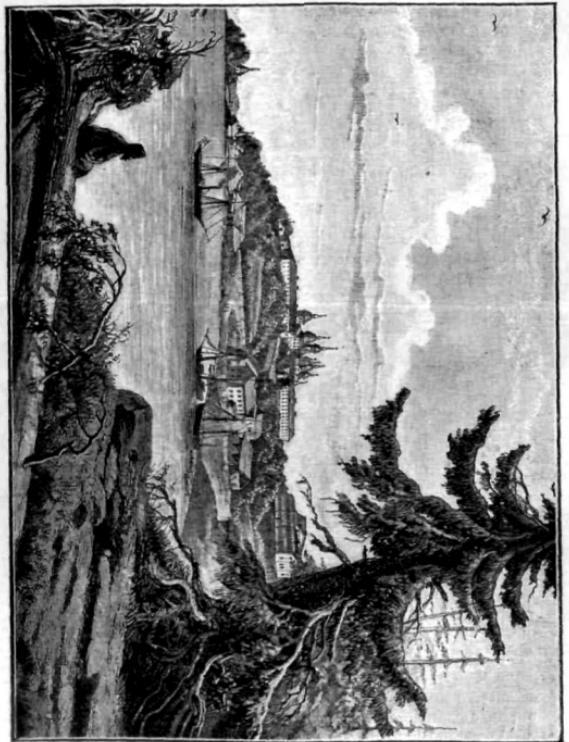
Понедѣльникъ 9-мъ. Стояргенъ мнѣ сказалъ: что можно считать болѣзнь пресѣченной, что если бы лихорадка возвратилась, она бы принесла перемежающую форму и скоро бы окончилась. Что я могу даже написать въ Петербургъ, что болѣзнь уже прошла. Я вѣзъ его черезъ ухо-

домъ, а потому она прислала за мною къ своему обѣду. Ему подали овсянную супъ — она сказаль, что у него появился настоящій аппетитъ, что это первый разъ съ 3-го числа. Однако онъ нашелъ супъ слишкомъ густымъ и прибавилъ туда воды, онъ Ѳѣлъ его съ аппетитомъ, а послѣ Ѳѣлъ сливы — она даже имѣлъ желаніе сѣсть больше, но сказаль: «надо быть благоразумнымъ». Черезъ нѣкоторое время она сказала, что мнѣ надо идти обѣдать, «а я какъ порядочный человѣкъ пойду отдохну послѣ обѣда». Между 6 и 7 часами она прислала за мною — принести журналы: «вы мнѣ приносите игрушки, какъ ребенку» — сказаль она. Она прочель остальное, но она устала, у него было жаръ.

Въ ожиданіи я читала воспоминанія м-me de Genlis и она мнѣ задалъ нѣсколько вопросовъ по этому поводу. Въ Петербургѣ она сказала мнѣ взять ихъ потому, что она могъ бы ихъ прочитать, я ему сказала, что это такое легкое чтеніе, какъ будто нарочно создано для больныхъ. «Завтра, можетъ быть» — сказаль она. Вечеромъ она вдругъ спросилъ меня: «а почему вы неносите траура (по королѣ Баварскому)? Я отвѣтила ей, что сняла его по слуху его прѣѣда, что съ тѣхъ порь у меня больше не было желанія его надѣвать, но что, если она желаетъ, я завтра же надѣну его.

Вторник 10-го. Онъ долженъ былъ принять лѣкарство утромъ. Стоференъ приходилъ два раза сообщать мнѣ новости о дѣйствіи лѣкарства, и сказаль мнѣ, что она такъ ослабѣлъ, что чувствуетъ себя дурно. Я не удивилась тому, что она меня не позвала, такъ какъ знала, что она не любиль, чтобы его беспокоили во время дѣйствія лѣкарства. Я отправилась на прогулку, возвратилась, окончила свой обѣдъ, а она все еще не присыпалъ за мной. Я начала беспокоиться, я приказала позвать Вилліе. Вилліе пригласилъ меня пройти къ нему, и я нашла его лежащимъ въ уборной на кровати, голова была очень горяча, однако она меня увидѣлъ и сказаль: «я за вами не послыпалъ сегодня утромъ, потому что я провела ужасное утро благодаря этому противному лѣкарству, у меня были боли въ сердцѣ, я должна была постоянно вставать, изъ-за этого я такъ ослабѣлъ»; окно было открыто, она замѣтила, что была хорошая погода: «12 градусовъ тепла въ ноябрѣ!» — сказаль она Вилліе. Но скоро она впала въ тяжелое забытье и дыханіе стало тяжелымъ. Въ первый разъ я уви-дѣла опасность. Я провела съ Вилліе 2 или 3 ужасныхъ

часа около этой постели.—Я видѣла Вилліе взволнованнымъ и очень озабоченнымъ, однако онъ говорилъ: «вы увидите, что будетъ обильный потъ», потъ явился, но забытье продолжалось столь тяжелое, что онъ не чувствовалъ, какъ Вилліе часто вытиралъ ему лицо.

Однако черезъ нѣкоторое время онъ мало-по-малу пришелъ въ себя и взялъ носовой платокъ, чтобы вытереться, говоря: «благодарю васъ, я сдѣлала все это самъ! У васъ нѣтъ съ вами вашей книги»,—сказалъ онъ мнѣ. Его слѣдовало переодѣтъ. Я вышла, но онъ послалъ за мною, какъ только перемѣнилъ бѣлье, и онъ лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ, онъ удивительно хорошо выгляделъ для того состоянія, въ какомъ онъ былъ послѣ обѣда. У меня была книга и я сдѣлала видъ, что читаю, а между тѣмъ наблюдала за нимъ—онъ замѣтилъ, что я смущена. Я ему сказала, что у меня сильно болитъ голова, что рано закрыли печь рядомъ съ моей кроватью—это было вѣрно, но лицо мое было разстроено отъ слезъ; онъ спросилъ меня, кто это сдѣлалъ, я назвала горничную; тогда онъ подробно объяснилъ, какъ нужнотопить эту комнату. Онъ спросилъ меня, гуляла ли я, я ему отвѣчала что «да», я рассказала ему, что встрѣтила калмыковъ на лошадяхъ, и что, говорить, когда они узнали о его болѣзни, то они хотѣли отслужить молебень о его выздоровленіи. «Кстати»,—сказалъ онъ,—«они хотятъ попрощаться съ Вами, я не могу ихъ принять, такъ ужъ примите Вы; «когда» спросила я. «Да хоть завтра, скажите объ этомъ Волконскому». Пожелавъ ему покойной ночи и обнявъ его, я перекрестила его дорогой лобъ, онъ улыбнулся.

Среда 11-го. Онъ приказалъ мнѣ сказать, что онъ провелъ ночь спокойно. Я пригласила калмыковъ въ II час. Онъ приказалъ мнѣ передать черезъ Волконского зайти раньше къ нему, онъ выгляделъ очень хорошо, онъ показалъ мнѣ стаканъ съ уксусомъ и альпийской водой, которую Вилліе приготовилъ для него для умыванья лица и сказалъ, что это наслажденіе; онъ спрашивалъ меня, что мнѣ говорили калмыки и вѣдѣла ли я имъ сыграть. Я сказала, что нѣтъ, что я сказала имъ другое, что я поблагодарила ихъ за молитвы о немъ, что я ихъ спросила, въ первый ли разъ это было, что они вошли въ нашу церковь; я хотѣла продолжать, но онъ не слушалъ болѣе и напомнилъ своему камердинеру вымыть ему лицо приготовленнымъ уксусомъ; онъ сказалъ, чтобы я ушла и вернулась передъ прогулкой;—я

пришла опять передь тѣмъ, какъ отправиться, она спросила
меня, куда я идти вонѣ и ей сказала, что хотѣла
бы спуститься пѣшкомъ съ горы, чтобы пройти къ источнику.
«Вы найдете тамъ казаковъ» сказали онъ, «они помѣ-
стили теперь своихъ лошадейъ однѣмъ изъ пустыхъ пах-
таузовъ». «Почему?» — спросила я, «они желали бытъ побли-
же». Она сказала мнѣ, чтобы я зашла къ иску съ прогулки;
я зашла къ иску; она спросила мнѣ, выполнила ли я
плани прогулки, и сказала, что да; «видѣлъ ли вы казаковъ?» — «Я видѣла тамъ только двухъ офицеровъ». Я сказа-
ла ей, что вчера, во время моей прогулки въ сторону
карантина, я была приятно поражена и тронута, видя, что
садовница Грей работала надъ украшеніемъ моего люби-
мого мѣстечка. Я спросила его, не она ли это все устроила?
Она мнѣ отвѣтила съ тѣмъ добрымъ выраженіемъ, которое
она часто умѣла привинимать: «да, такъ какъ она не можетъ
работать теперь съ другой стороны» (на мѣстѣ, гдѣ импе-
раторъ хотѣлъ разнести садъ, для чего исключительно
былъ вызванъ Грей) «а ей неѣзда пока устроить ваше ло-
бниное мѣстечко». Я его поблагодарила. Она казалась до-
вольно бодрѣй въ головѣ; она была сѣйка; — она сказала
мнѣ, что необходимо, чтобы я пошла еще разъ гулять по-
слѣ обѣда, и просила его избавить менѣ отъ этой прогулки
и уѣхала, что я гораздо лучше чувствую себя дома и
спокойнѣе, когда нахожусь полѣ него — и сказала это съ
нѣкоторымъ подспѣши: «хорошо», сказали онъ «побольше
благородства, будемъ благородными!» она дала мнѣ попро-
бовать пирогъ, которое, казалось ей, имѣть какѣй-то по-
сторонний прізнакъ, я тоже находила это, и она мнѣ сказа-
ла, что Егоровичъ вишилъ то же самое. Вошелъ Вилліе,
она сказала ему про пирогъ и сказала ему, что мы нашли.
Вилліе утверждалъ, что этого не можетъ быть. Спустя
нѣкоторое время, вошелъ Стоерегенъ, пока онъ былъ еще
тамъ, она сказала ему, указывая на менѣ: «говорила она
вамъ вчера, что съ нею было?» Я не могла вспомнить, о
чемъ шла рѣчь,казалось, что это онъ говорилъ о вте-
рашней тойкѣ, въ 2 часъ она отоспала меня обѣдать.
Въ 5 час., я позвала Вилліе и спросила у него, какъ обсто-
итъ дѣло. — Вилліе былъ веселъ, она сказала мнѣ, что изъ
исторійской моментъ есть жаръ, но что я должна пойти къ
нему, такъ какъ она не въ такомъ состояніи, какъ вчера!»

На этомъ записки императрицы кончаются.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

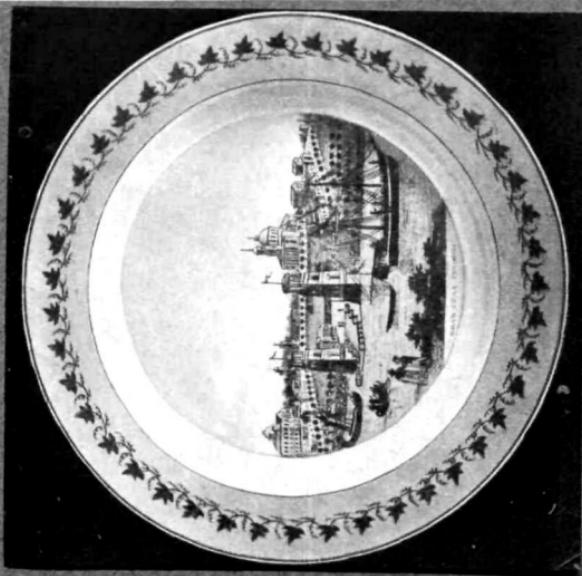
Надъ умершимъ.

Итакъ, 15-го ноября Александра I не стало, а всѣ окру-
жающіе его были сразу поставлены къ громадное затруд-
неніе. На противоположномъ концѣ страны отъ столицы,
въ полномъ извѣдѣній, гдѣ теперь находится новый импе-
раторъ, они долго еще продолжали переписываться до
окончательного выясненія дѣла.

Первое уведомленіе было послано императору Константи-
ну Либичу отъ того же 15-го ноября слѣдующаго со-
дѣлки: «Съ сердечнѣйшимъ прискорбiemъ имѣю дозвол-
енія вашему императорскому величеству, что всевишнему
угодно было прекратить днѣ всезавѣтѣшаго нашего госу-
даря императора Александра Павловича сего ноября 15-го
дня въ 10 часовъ и здѣшнѣ въ полночи лѣтѣ, въ городѣ
Таганрогѣ. Имѣю счастіе представить при семъ автъ за
подпись находившихся при семъ бѣлостѣнномъ случаѣ
генералъ-адъютанта и лейбъ-медиковъ Таганрогъ. Ноябрь
15-го дня 1825 года № 1. Генералъ-Адъютантъ Либичъ».

Актъ же, о которомъ упоминаетъ Либичъ въ своемъ ра-
порѣ, гласитъ слѣдующее:

«Изъподписаніяся, находясь Екатеринославской гу-
берніи въ городѣ Таганрогѣ при высочайшей особѣ его
императорскаго величества, съ глубочайшою вѣрноподдан-
ническою склонностью свидѣтельствую, что благочестивѣшъ
государь императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ

Общий видъ Грузии.

Наводнение въ С.-Петербургѣ.

Памятникъ Александру въ Таганрѣ.

всероссійскій и пр. и пр. и пр., на возвратномъ пути изъ Крыма, 3-го, и въ особенности 4-го числа ноября, почувствовалъ первоначальные лихорадочные припадки, кои скоро по прибытии его величества въ Таганрогъ 5-го числа оказались послабляющею желчною лихорадкою, изъ коей образовалась вслѣдствія воспалительная жестокая горячка съ приливомъ крови въ голову. Сія болѣзнь увеличивалась съ быстротою и продолжалась съ такимъ упорствомъ, что всѣ непрестанно употребляемыя къ прекращенію ея врачебныя средства оставались тщетными. 15-го числа государь императоръ изволилъ пріобщиться святыхъ тайнъ. 17-го по утру въ положеніи его величества примѣчена была нѣкоторая перемѣна, возбудившая слабый лучь надежды къ облегченію страждущаго вѣнценосца; но въ продолженіе того и послѣдующихъ дней, при совершенномъ истощеніи силъ его величества, горячка усиливалась съ сугубою жестокостью, 19-го же числа по полуночи въ 10 часовъ и 50 минутъ государь императоръ отошелъ изъ сей жизни въ вѣчную. Все сіе, къ неописанной горести вѣрныхъ сыновъ Россіи, совершилось въ присутствии ея императорскаго величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны, которая во всю болѣзнь августѣйшаго ея супруга изволила быть при немъ неотлучно, при чмъ и мы, нижеподписавшіеся, непрерывно находились. Настоящее свидѣтельство утверждаемъ подписаніемъ нашимъ въ двухъ экземплярахъ. Писано и подписано Екатеринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ ноября въ 19-й день 1825 года. енъ госуд. совѣта, ген. отъ инф., ген.-адъют. кн. Петра Волконскаго. Членъ госуд. сов., нач. гл. штаба, ген.-адъют. барона Дибича. Баронетъ Яковъ Вилліе, тайн. сов. и лейбъ-медицъ. Конрадъ Стофергенъ, дѣйст. ст. сов. и лейбъ-медицъ.

На слѣдующий день было произведено вскрытие тѣла умершаго императора и вотъ что содержить въ себѣ протоколъ вскрытия:

«1825 года, ноября въ 20-й день, въ 7 часовъ пополудни, мы, нижеподписавшіеся, вскрывали для бальзамированія тѣло почившаго въ Бозѣ его величества государя императора и Самодержца всероссійскаго Александра Павловича и нашли слѣдующее:

1) На поверхности тѣла:

Видъ тѣла вообще не показывалъ истощенія и мало отступалъ отъ натурального своего состоянія, какъ во всемъ

тѣлъ вообще, такъ и въ особенности въ брюхѣ и не въ одной изъ наружныхъ частей не примѣтно ни малѣйшей припухлости.

На передней поверхности тѣла, именно на бедрахъ, находятся пятна темнокоричневаго, а некоторые темно-красного цвета, отъ прикладыванія къ синю мѣстамъ горчачиной произошедшіе; на обѣихъ ногахъ, ниже икры, до самыи мышелковъ примѣтны темнокоричневый цвѣтъ и различные рубцы (scars), особенно на правой ногѣ, оставшіеся по заживленіи ранъ, которыми государь императоръ одержимъ былъ прежде.

На задней поверхности тѣла, на спинѣ между крыльями до самой шеи простирающемся довольно обширное примѣтно пятно темно-красного цвета, отъ приложенія къ синю мѣсту пластиры шапельскихъ музы произошедшее. Задняя часть платья, вся спина, задница и всѣ мягкии части, гдѣ наиболѣе находится жирной кѣлѣчатой пленки, имѣетъ темнокоричневый цвѣтъ, произошедши отъ излиянія подъ кожу ядовитой крови. При поворотѣ тѣла спиною вверхъ изъ нѣкоторѣй и рта истекло немногій кровоподобной влаги.

2) Въ полости черепа.

При разрѣзѣ общихъ покрововъ головы, начиная отъ одного уха до другого, кожа налица очень толстая и изобилующая жиромъ. По осторожности и аккуратности отдѣленія на лицо верхней части черепа, на затылочной стороны вытекло два узла ядовитой крови. Черепъ имѣть изтуразмую толстоту. По синтии твердой оболочки мозга (dura mater), которая въ некоторыхъ мѣстахъ, особенно подъ затылочною костью, весьма твердо была приросши къ черепу, кровеносные сосуды на всей поверхности мозга чрезвычайно были наполнены въ расплывы темното, а мѣстами красноватою кровью отъ предшествовавшаго сильно прилитія сини къ синю оргалу. На передниихъ доляхъ мозга подъ лобными возвышенностями (protuberantia frontalis) примѣтны два небольшія пятна темнокоричневаго цвѣта отъ тѣлъ же причинъ.

При извлечении мозга изъ своей полости, изъ основаній черепа, разно клиз и въ желудочкѣ мозга, найдено пропачканіе сукровицы (hemorrhages) до двухъ унций. Хорошо видѣніе лѣваго мозгового желудочка наиболѣе твердо-приросшико къ дну окна.

3) Въ грудной полости:

По сдѣланіи пріятнаго разрѣза, начиная отъ горлани чѣрвячи грудной кости до самаго соединенія лобковыхъ ко-

стей, и двухъ косицовыхъ, отъ пупка до верхнаго края подвздошныхъ костей, кѣлѣчатая пленка найдена была повсюду наполненна большимъ количествомъ жиры.

При соединеніи реберъ съ грудюю, хриши синихъ пяди совершенно окостенѣвшими. Оба легкія имѣли темнозеленый цвѣтъ и находились въ измятии сроненія съ подреберью плавко. Грудная полость ни мало не содержала въ себѣ влаги.

Сердце было наложашю величину и во всѣхъ своихъ частяхъ, какъ-формою, такъ и сущностю своимъ ни мало не отступало отъ натурального состоянія, равно и всѣ главные сосуды, отъ олаго происходящіе. Въ околосердечной сумкѣ (pericardium) найдено сукровицы около одного унца.

4) Въ полости брюшка.

Желудикъ, въ которомъ содержалось немного слизистой смѣса, найденъ совершенно въ здоровомъ положеніи; венчики имѣли большую величину и цвѣтъ-тены натурального; желчный пузырь растянутъ былъ большимъ количествомъ испорченной желчи темнаго цвѣта; ободощая книшка была очень растянута содержащимися въ ней вѣтрами. Всѣ же прозрачности, какъ-то: поджелудочная железа, селезенка, почки и мочевыи пузыри ни мало не отступали отъ натурального своего состоянія.

Сіе анатомическое исследование очевидно доказываетъ, что императоръ имѣть монархъ быть одержимъ острою болѣзнью, кою первоначально была поражена печень и проще къ отдаленію желчи служашемъ органу; болѣзнь сѧ въ продолженіи своемъ постепенно перешла въ жестокую горечь, съ приливомъ крови въ маловыи сосуды и послѣдующимъ затѣмъ отдалисью и накопленіемъ сукровичной влаги во полостяхъ мозга, и бѣзъ излеченія, причинно самой смерти его императорскаго величества 9).

9) 1) Дантѣріанская воинская гоупиталь наименъ гвардіи Чесаріи.

2) Лейб-гвардіи казаческіе полкъ штаб-адмиралъ Николаевъ.

3) Таганрогскіе карabinеры главный величайшій чиновникъ логотъ Лазаревъ.

4) Прокторъ вратъ величайшій ассессоръ Добергъ.

5) Медико-хирургъ величайшій соконникъ Тарасовъ.

6) Штаб-адмиралъ величайшій инженеръ Александровъ.

7) Адмиралъ величайшій статейный соконникъ Ребинъ.

8) Дантѣріанская статейная соконница Стѣфреитъ.

9) Егермейстеръ Илья Балакъ, главный соконникъ и лейб-адъютантъ.

Оти очевидца сцены бальзамирования тела Александра Н. И. Шешига мы имеем съдующие подробности, сохранившиеся в его записках:

«21-го ноября, поутру, въ 9 часовъ, по приказанию Доббера, отправилъ я, какъ старший въ чинѣ 1 изъ числа моихъ товарищъ, для присутствія при бальзамированіи тѣла покойнаго государя.

Вошелъ въ кабинетъ, я нашелъ его уже раздѣльсь на этой, и четыре гариконные фехты, вырывая маскисты части, набрасывали ихъ какими-то развернутыми въ спиртъ травами и вышибывали пирожки тесмами. Добберъ и Рейнгольдъ, съ сигарами въ зубахъ, варяли въ кастрюлькахъ въ каминѣ эти травы. Они промолвили въ этомъ занятіи всю ночь, съ той поры, какъ Вильгельмъ вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ. Черезъ три головы былъ уже приложенъ, а при чѣмъ патримониа кожу съ волосами, чѣмъ немного измѣнилось выраженіе черты лица. Мощь, сердце и внутренности были изложены въ серебряный сосудъ, въ родѣ сахарной боди-шоу жестянки съ крышкой, и заперты замкомъ. Кроме вышесказанныхъ линъ и караулъного оружія никого не только въ комнатѣ, но и звѣзмъ дворѣй не было видно. Государыня наскоро перѣѣхала на нѣсколько дней въ домъ Шихнатовъ. Доктора жаловались, что почкою все разбѣжалась, и что они не могутъ даже добиться чистыхъ простицъ въ подотчетѣ. Это меня ужасно раздосадовало. Даже ли вѣдь эти мерзяки трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страхъ и благородіе! Я тогачь же попалъ къ Волковскому, который приказалъ мнѣ въ постели, рассказалъ, въ какомъ положеніи находится тѣло государя тотъ, исключъ, послѣдъ фельдшера за камедиерами. Черезъ четверть часа они пришли и принесли бѣые. Между тѣмъ фельдшера перевернули тѣло, какъ кусокъ деревя, и въ трепоть и любопытствѣ имѣли время осмотрѣть его. Я не всурѣчалъ такъ хорошо сопротивляющагося человека. Руки, ноги, вѣчнѣ части тѣла могли бы служить образцомъ для вандала, иканость кожи необыкновенная.

«Наканунѣ вскрытия привезли и при вскрытии тѣла это изънтересованіе величайшаго государя министру Александру Николаевичу Сперанскому. Чертаново».

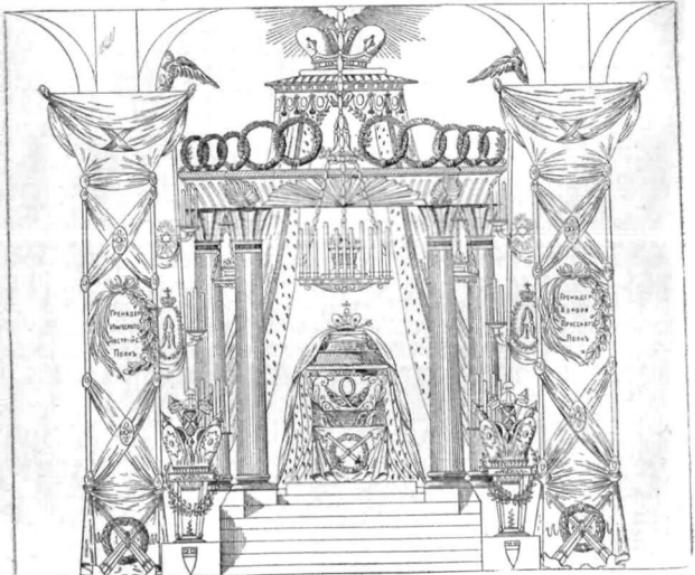
Благороднейший гробъ изъ с. Тегельдорфъ.
Служакъ изъ дворянской части.

«По окончаніи бальзамированія одѣли государя въ общий генеральскій мундиръ, со звѣздою и орасами въ петлицѣ, на рукахъ перчатки, и положили на мягкую кронь, на которой она склонилась, закрыла все тѣло киссю. Въ ногахъ поставили надѣй съ Елизаветой, которое поочередно читали священники, сидѣніе каждые два часа. Мы четверо и нѣсколько казацкихъ офицеровъ дежурили также по два часа стоя, потому что въ стуле не было въ комнатѣ, и это дежурство приходилось иногда по три раза въ сутки. На саняхъ всегда была докуримъ одѣнь изъ насы четверыхъ. Кромѣ того, было всегда безотлучно одѣнь изъ камедиеровъ и Рейнгольда или Доббера, которые ежесамно смачивали либо губки, напитанію спиртомъ. Жаръ въ комнатѣ доходилъ до 18° и болѣе; всѣ двери и окна были замерты и кроинъ того горѣла три большихъ первоклассныя сѣчи. Острые запахи спирта, насыщенія какими-то душистыми веществами, наводили дурноту, и мундиръ до того кисъ проносилъ, что велиѣ три сохранили этотъ испортнѣй запахъ. Доктора признались, что они не могли хорошо и настоящимъ образомъ произвести бальзамированіе по неимѣнію достаточнаго количества спирта, въ который должно бы было погрузить все тѣло на нѣсколько сутокъ; къ тому же, и гумно, что они были непривычны къ этому дѣлу.

«На второй день, поднимъ киссю для прямочки лица, и здѣшнѣйший Добберту, что ключокъ галстука горитъ изъподъ портитнаго государя. Онъ потянула и къ ужасу увидѣла, что это кожа. Лицо начало совсѣмъ чернѣть. Галстукъ и уменьшеніе остроты спирта, стоявшаго въ открытой чашѣ и въ жаркой комнатѣ, вместо сохраненія послужили только къ порчу тѣла. Сѣчія побѣжали она къ Вильгельму, который никакъ удостоѣться не показалъ. Рѣшили заморозить тѣло и тѣмъ только сохранили его. Отворила всѣ окна, подвинула подъ кровать коротко со звѣздою и посыпала у востока термометръ, чтобы стужа всегда была не менѣе 10°. Въ это время ходилъ и выѣхалъ машиналъ лѣгатъ сильные и каминъ же было наимѣнѣе дѣживутъ въ одному мундирѣ! Только во время утренней и вечерней панихидъ за-шипали окна, потому что присутствовала государыня.

«20-го числа поставили троицъ, обили всю заду черными скрученными, надѣли на государя ворѣфию и положили во гробъ, наѣхавъ на голову золотую корону. Первый гробъ былъ спи-чайный, а эта уже была поставлена въ деревянный, обви-ненный,

ты золотою парчею съ орлами. Окна насквозь были отворены, и мы уже дежурили въ шляпахъ и съ обнаженными шпагами. Подъехало съ Дону нѣсколько казаковъ всѣхъ чиновъ, и тутъ уже дежурили одинъ генераль, одинъ штабъ-офицеръ и по два оберъ-офицера; во время панихиды всегда однако жь двое изъ насъ. По окончаніи каждой панихиды

Катафалкъ Александра въ Петропавловскомъ соборѣ.

входилъ Волконскій, уводилъ вонъ изъ залы всѣхъ часовыхъ и наконецъ уходилъ и самъ; оставались священникъ, читающій Евангелие, и нась двое, которымъ велико было стоять у ступеней гроба смиро и не поднимать глазъ. Несмотря на то, мы очень хорошо могли видѣть, что всякий разъ выходила изъ своихъ комнатъ императрица, совершенно одна,

никѣмъ не поддерживаемая, всходила на ступени трона и начинала цѣловать тѣло и молиться. Это всегда продолжалось минутъ десять. Коли скоро она удалялась, Волконскій опять входилъ часовыхъ, входили дежурные, и мы начинали ходить вольно. Панихиды со дня кончины отправлялись греческій архимандритъ съ шестью священниками и, не зная по-русски, дѣлалъ возгласы по-гречески. Къ 1-му декабря прѣѣхала екатеринославскій архиепископъ и тогда началь первенствовать на службѣ.

Извѣстіе о смерти Александра получено было въ Петербургѣ только 27 ноября во время молебствія о здравіи императора.

Оно было сообщено первому Николаю Павловичу въ церкви. Затѣмъ онъ уже отъ себя сообщилъ императрицѣ-матери и своей женѣ. Съ этого же дня начались всѣ перипетіи международн. и семейнаго раздѣла наслѣдства. Не удивительно, что за это время потеряли голову и забыли объ умершемъ, или, правильнѣе сказать, не имѣли достаточно времени распорядиться и перевезти его тѣло въ столицу. Только 3-го декабря Николай Павловичъ нашелъ возможность написать князю Волконскому слѣдующее:

«Письмо матушки, любезный Петръ Михайловичъ, достаточно васъ увѣдомить о причинахъ, побудившихъ нась всѣхъ просить чрезъ нее государыню императрицу рѣшить самой все, что касается до тѣла нашего ангела кому, если не ей, принадлежитъ собственность сихъ драгоцѣнныхъ фонтанковъ нашего отца, кому-жъ, если не ей, рѣшить все, что въ силахъ будетъ сама рѣшить. Но такъ какъ ея рѣшеніе можетъ касаться только до общихъ распоряженій, то на васъ остается тѣжелая обязанность всѣхъ необходимыхъ приличныхъ чести русскаго имени и памяти нашего ангела распоряженій.

Потому беру я на себя просить васъ войти въ сношеніе со всѣми мѣстными начальствами, съ главнокомандующими и съ прочими мѣстами, съ коими нужно будетъ, довольствуясь прямо мнѣ доносить о принятыхъ уже мѣбрахъ, разрѣшь напередъ все, что найдете приличнымъ. Для сего, равно и для увѣдомленія, что императрица изволить рѣшить касательно отъѣзда, дороги и времени прибытия сюда, равно и что самой государынѣ заблагоразумится дѣлать, прошу сейчасъ прислатъ мнѣ увѣдомленіе; всѣ же сношенія, нужные съ мѣстами, здѣсь находящимися, прошу дѣ-

зать непосредственно через меня. Дабы быть всегда известною какъ о здоровье государемъ, такъ и объ вашемъ распоряжении, нужнымы считаю просить присыпать уведомленіе, по крайней мѣрѣ, черезъ два дни. Государь предоставалъ мнѣ все по оному распоряженію.

«Статыя важная, и которую сама государыня изволить рѣшить есть, вѣти ли тѣло отца нашего изъ Москви или иной дороги; ей одной дозволено и можно сѣ рѣшить. Съ историей же жду вашу известіе—повторю, помните, кого храните и чей государь онъ былъ! Скорѣе иного, чѣмъ ма-
ло, вотъ мое письмо. Вашъ искренно доброжелательный
Николай.

«Къ вамъ�ѣлѣть Редль, и рѣшился его отпустить къ намъ. Ждемъ посланія новѣйшаго государя, послѣ которыхъ иѣ свободны генераль-адъютанты и флигель-адъютанты просить бѣхъ наставѣру! въ провожать тѣло нашего ангела.

Другое письмо было написано и послано Николаю Михаиловичу князю Волконскому 5-го декабря:

«Въ дополненіе послѣд资料 моего письма, любезный Пётръ Михаиловичъ, нужнымы считаютъ вѣстъ уѣдомлѣніи, что съ разрѣшеніемъ матушки яснѣ генераль-адъютанты государя, не находящіеся при войскахъ, и генераль-адъютантъ Трубецкой, какъ однѣхъ безъ должности находящіеся, получили новѣйшее отправленіе и занѣтие къ намъ для нахожденія при тѣлѣ нашего ангела. Генераль-адъютантъ Васильчиковъ, хотя безъ должности, но находящійся въ Собѣтѣ, тѣмъ присутствіе его необходимо, остается аѣхъ, равно какъ и про-
чи генераль- и флигель-адъютанты до особаго понежѣнія государя императора. Извѣстіе отъ его величества намъ ожидаются съ большими нетерпѣніемъ, ибо все зависятъ отъ него одного. Ежели мы аѣхъ дозволимъ остаемся безъ его по-
вѣданій или въ безъвѣданности его рѣшеній, будетъ ли или не будетъ ли сила, мы не будемъ въ состояніи отвѣтить аѣхъ за поддержание иныхъ порохъ и устройство и тишину, которые, благодаря Бога, совершились и порази-
тельны не только для чужестранныхъ, но, признаюсь, и для насъ самы. Михаило Михаиловичъ, прѣѣхавши третьего дня съ изѣстіемъ изъ Варшавы, что государь изволилъ уже быть изѣстіемъ о несчастномъ нашемъ докесеніи, ничего не при-
несъ рѣшительного и потому отъ матушки возвращенъ въ Варшаву сего же дня, съ неотступною ея просьбою пожа-
ловать сюда, гдѣ его присутствіе необходимо.

«Извѣстія ваши объ здоровіи Елизаветы Алексѣевны настѣ
крайне болѣюще, хотѣ ея величеству и изволила сама пи-
сать къ изѣщѣ рукою, камушею твердое послѣднаго
письма; оборона настѣ Боже второго несчастія.

«Здоровые матушки хорошо, важность обстоятельствъ
разлаѣаетъ полезнѣй образъ ся имъ и не даетъ пре-
даваться совершенію одному горю. Богъ милостивъ.

«Прошайте, да хранитъ васъ Богъ, и молите Его, чтобы
настѣ не покинула. Вашъ искрѣнній *Николай.*

Въ отвѣтъ на это Водковскій 14-го декабря пишетъ:

«Прибывающій сюда 12-го декабря вчера изъ С.-Петербург-
ска адъютантъ мой, г. Редль, вручилъ мнѣ всесилост-
віяній раскрытие вашего императорскаго высочества, кому
изволите уѣдомлять, что всѣ флигель-адъютанты и гене-
раль-адъютантъ князь Трубецкой получили поименное отпра-
неніе сюда для нахожденія при тѣлѣ покойнаго государя
императора. Принесъ вашему императорскому высочеству
иою начинавшуюсь благодарность за такоею изѣщѣ-
ніе, положаю поручить генераль-адъютанту князю Трубец-
кому главное начальство при сопровождѣніи тѣла, а фли-
гель-адъютантъ въ то же время будуть отправлять дежурство
по омерзѣ.

«Этакъ важность теперешнихъ обстоятельствъ, весьма по-
нимамъ нетерпѣніе, изъ какогъ должно находиться выше импе-
раторское высочество отъ непрѣбѣтъ еще государя импе-
ратора въ С.-Петербургѣ; я надѣюсь, что Всевышній Богъ
поможетъ милости. Свою вашему императорскому высо-
честву поддержать существующій порядокъ, устройство
и тишину, и что всѣ иѣроподанные его император-
скаго величества всички стараться будуть сохранить они
никакъ.

«Здоровыѣ государыни императрицы Елизаветы Алексѣ-
евны очень настѣ бѣшоюще частою перемѣнно и всегда
менѣ къ лучшему. Г. лейб-медикъ Стобергенъ еще сего-
дня уѣхалъ меня, что онъ находить ся величествомъ лучше,
въ что прежде чувствуюшихъ принадлежъ онъ болѣе не имѣть;
напротивъ того, получила отъ скорбы обыкновенные нер-
вическіе приступы, которые, по его мнѣнію, не поддаются ни-
какого бѣзкоѣстія, я надѣюсь, что съ помощью Божією
современемъ совсѣмъ пройдутъ.

Князь Волконскій и баронъ Дабичъ нашли изъ бумагахъ
умершаго императора перенесшіе похоронъ императрицы

Екатерины II, захваченный имъ съ собою, можетъ быть на случай смерти Елизаветы Алексеевны; въ этотъ-то переносъ какъ разъ облегчилъ ея замужу и приводился имъ для похоронъ самого Александра.

11-го декабря тѣло императора Александра перевезли въ соборъ Александровскаго монастыря, поставивъ на същемъ устроенный тамъ катафалкъ подъ балдахиномъ.

20-го декабря 1825 года двинулась погребальная процессія въ Петербургъ.

На другой день кн. Волконскій писалъ такъ писаревичу Константину Николаевичу:

«Черній день былъ для насъ ужаснѣйшимъ, ибо на нынѣшній разстались съ отцомъ нашимъ, и съ Богомъ починающимъ покойными государемъ императоромъ. Не могу описать наше императорскому высочеству той минуты, въ которую принесено посланіе поклоненіе праху его, и чувствіе горести и скорби, всѣми опущаемыхъ. Въ 10 часовъ утра, послѣ литургіи и панихіда, кортежъ выступилъ отсюда съ токъ же переносомъ, когда была при переносѣ тѣла изъ дворца въ монастырь. Народъ сопровождалъ по всей дорогѣ до самаго ночлега и даже изъ стороннихъ деревень. Вѣзвостная государыня императрица Елизавета Алексеевна взволила присутствовать при посланіи панихіда и прошлась съ тѣломъ любовѣйшаго съ супруга, съ коимъ вѣчна разлука не могла не подѣстствовать на всѣхъ озабоченіяхъ отъ скорби и прежней болѣзни ея здоровье».

Въ то же время сама Елизавета Алексеевна писала своей матери 31-го декабря слѣдующее:

«Всѣ земные узы порвали между нами! Тѣ, которыхъ образуются въ личности, будуть уже другія, конечно, еще болѣе пріятныя, но пока я еще ищу эту грустную, бренную оболочку, болѣе говорить самой себѣ, что она уже не будетъ болѣе причастна моей жизни, аѣсъ, на землѣ. Друзья съ дѣствія, мы шагъ виѣстъ въ течение тридцати звукъ зѣты. Мы виѣстъ переживаемъ все звукъ жизни. Часто отвужденные другъ отъ друга, мы тѣмъ или другимъ образомъ снова сходимыся; очутавшиися, наконецъ, на истинномъ пути, мы испытываемъ лишь одну сладость нашего союза. Въ это-то время она была отнята отъ мене! Конечно, я заслуживаю это, я не достаточно сознавала благодѣяніе Бога, быть можетъ, еще слишкомъ чувствовала маленькая персональность. Наконецъ, какъ бы то ни было, такъ было угодно

Богу. Пусть Онъ соблаговолитъ воззвать, чтобы я не утратила плодовъ этого скорбнаго креста—онъ былъ неиспользованъ мной не быть вѣнъ. Когда я думаю о своей судьбѣ, то во всемъ ходѣ ея я узнаю руку Божію».

4-го января 1826 года кнзъ Волконскій писалъ слѣдующее уже императору Николаю:

«Насколько сопровожденіе онаго (т.е. тѣла Александра) въ быть въ большомъ затрудненіи по неориентированію сюда никого изъ С.-Петербурга; изъ генераль-адъютантовъ графъ Ожаровскій не бывалъ по сѣ времени; графъ Ламберть хотя находится здесь, то какъ онъ не нашего исподѣлія, то государыніи императорѣнъ удобно было приказать потребовать генераль-адъютанта графа Орлова-Денисова, кому изволила сама поручить драгонійские останки покойного супруга своего, пѣ надеждъ, что ваше императорское величество благоволите утвердить сдѣланій ея Величествомъ выборъ и позвольте графу Орлову-Денисову довереніе до С.-Петербурга возложенное на него поручиться».

Императрица Елизавета Алексеевна кроме того при санкціи импераціи изъ Таганрога пригласила къ себѣ Тарасова и сказала:

«Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору и потому къ никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его, и проводить гробъ его до самой могилы».

Процессія направилась изъ Харькова, Курска, Орла, Тулы въ Москву. Тарасовъ пишетъ, что начальствовавшій надъ переносомъ и войсками, составлявшими своргу, графъ Орловъ-Денисовъ наблюдалъ всѣхъ строгій порядокъ и военную линінницу. На короляхъ колеснинъ постоянно сидѣлъ лейб-кучеръ покойнаго государя Иаковъ Байконъ. Всѣ почеги были изъ селекъ или городакъ, такъ что гробъ всегда почечдалъ въ первыхъ. Усердность жителей сопровождалась великолѣпными катафалками. Въ каждой епархіи на границѣ встрѣчали архіерей съ духовенствомъ всего уѣзда и сибирскимъ духовенствомъ предшествовавшаго губерніи. Въ городахъ войска выстраивались шинелами, и, где была артиллерія, во время сдѣлованій процессіи производились парады. У колеснинъ народъ не рѣзко отпиралъ лошадей и вѣзъ єе на себѣ. Переѣзды были обыкновенно не болѣе пятидесяти верстъ. На границѣ каждой губерніи останавливались въ полѣ и губернаторъ

одной губерніи передавалъ церемоніаль губернатору другой, который и провожалъ процессію черезъ свою. На всемъ пути,

Колонна Александра I.

даже въ степныхъ мѣстахъ, стекались жители большими мас-
сами; въ городахъ, а въ особенности въ губернскихъ, стече-

ніе народа принимало обширные размѣры. Не было недостатка и въ разныхъ нелѣпыхъ слухахъ, которые, какъ говорятъ Тарасовъ, распространялись среди народа неблагонамѣренными людьми и вызывали со стороны грава Орлова-Денисова принятие необходимыхъ мѣръ предосторожности. Такъ, напримѣръ, когда шестнадцать приближалось къ Туль, то донесли, что фабричные намѣреваются вскрыть гробъ; но все обошлось благополучно. Оружейники просили только отпречь лошадей и везти колесницу до города на разстояніи пяти verstъ.

«Кромѣ личнаго повелѣнія, пишетъ Тарасовъ, даннаго мѣсъ императорицею въ Таганрогъ, я имѣлъ особенное предписаніе отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за целостность тѣла императора во время всего шествія. Съ этою цѣлью я представилъ графу, что для удостовѣрения о положеніи тѣла императора необходимо по временамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло. Таковые осмотры, при особомъ комитетѣ въ присутствіи грава, производились въ полночь пять разъ, и каждый разъ, по осмотрѣ, я представлялъ донесеніе графу о положеніи тѣла. Для ежедневнаго же наблюденія въ гробѣ было сдѣлано отверстіе въ видѣ клапана, чрезъ которое всегда можно было удостовѣриться о целостности тѣла. Когда же морозъ понижался до двухъ или трехъ градусовъ по Реомюру, тогда подъ гробомъ постоянно держались ящики со льдомъ, нашатыремъ и повторенной солью для поддержания холода».

3-го февраля 1826 печальная процессія прибыла къ Москвѣ. На протяженіи версты отъ Подольской заставы, по обѣимъ сторонамъ дороги, были выстроены войска, пѣхота и кавалерія, съ заряженными ружьями. Въ Коломенскомъ гробъ былъ поставленъ на парадную колесницу, приготовленную въ Москвѣ. Тамъ прежни лошадей замѣнили восемью придворными лошадьми цугомъ, въ сбруѣ съ глубокими трауромъ; дорожную прислугу замѣнила прислуга придворная. Тарасовъ описываетъ при этомъ слѣдующее происшествіе: «то смѣйъ въ колесницѣ лошадей лейбъ-кучеръ покойнаго императора, Илья Байковъ, поспѣшилъ и на новой парадной колеснице занять свое мѣсто на козлахъ; назначенный въ Москвѣ парадный въ траурѣ кучерь подходитъ къ нему и просить его уступить мѣсто; Илья Байковъ положительна и настойчиво отказываетъ ему въ требованіи. На этотъ споръ подходитъ унтер-шталмейстеръ и приказы-

занять Байкову оставить место; Байкова не понимается приказанию. Наконец, это упорство Байкова доведено было до съѣдѣнія самого царя Голицына (московского генерал-губернатора), который приказалъ было удалить Байкова съюзомъ, сказавъ ему, что онъ съ бородою не можетъ быть въ этой церемоніи. На это Байкова, изъ чувствъ преданности къ императору, отвѣчалъ:

— «Я зовъ императора съ лишкомъ трашатъ лѣтъ и хочу служить ему до могилы, а если теперь мѣшаешь только моя борода, то прикажите сѣйчасъ ее сбрить».

«Князь Голицынъ, тронутый такою преданностью, принялъ оставить Байкова на козахъ».

Въ Москвѣ для церемоніи перевозки была образована особая «вѣчница комиссіи подъ начальствомъ» князя Николая Борисовича Юсупова. Гробъ былъ постамантъ изъ катаваиль въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробинъ царей русскихъ. Стечіе народа для вѣжливости гробу было громадное. Въ изу тревожныхъ слуховъ, распространявшихся въ Москвѣ, величие было принять двѣтыльныхъ въ строгіи мѣры предосторожности для предупрежденія беспорядковъ и смутъ. Въ 9 часовъ запирали ворота въ Кремль, и у каждого входа стояли заряженныя орудія. Площадь расположилась въ Кремльѣ, а кавалерійская brigada въ эскеріи преградила съ сѣйчасъшими дышалами. По городу всю ночь ходили военные патрули. Однако, ни малѣшаго шума или беспорядка не было замѣчено.

Орловъ-Денисовъ 6 и 7-го февраля такъ доносилъ барону Дубичу: «По высочайшему повелѣнію отъ 2 февраля за № 106 имѣ превосходительство наводили препроводить мѣр представляемые глашинъ по арии медицинскому инспектору, лейбъ-медику Вилле, мѣнѣ касательно свинцового гроба, лежащаго тѣло блаженныя памяти государя императора Александра Павловича. Принять на себя высокую священную для меня обязанность сопровождать безпомощные останки почившаго изъ Богъ государя императора, а глашинъ для себя долгомъ поставилъ неусыпно вѣшать о храненіи оныхъ, какъ во время самого шествия, такъ и на почетахъ и днецахъ. Иль приложеннѣй у него изъ ковы имѣструкіи лежащему при гробѣ флагелъ-адъютанту выше превосходительство усмотрѣть изволите распоряженія мое по сему предмету; съверъ того, находившемуся при начальной свѣтѣ медико-хирургу наимъ сонъ Тарасовъ пору-

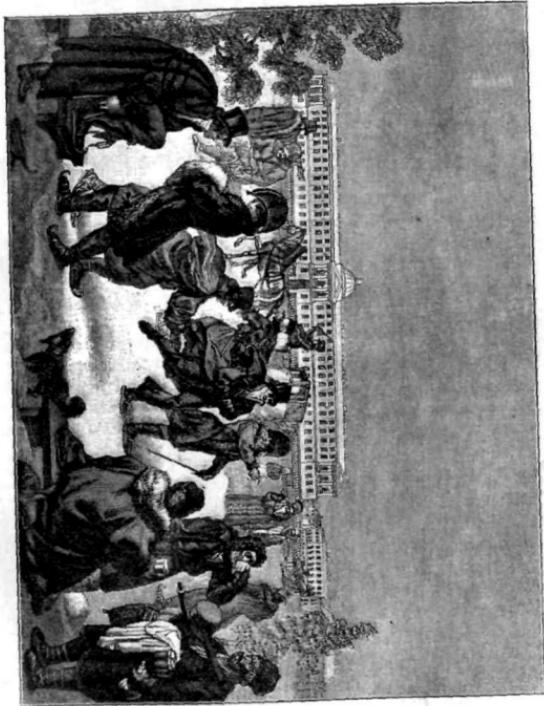
ченъ мною строго наблюдать за надлежащей при гробѣ температурой, которая, съѣдуя безоглущно во время шествія при ономъ, на почетахъ и днецахъ съ бозой акваратурностью смотрѣть за содержаніемъ гроба, сколько возможно, въ наизѣй температурѣ. Касательно же осмотра свинцового гроба и поклоненій въ ономъ самаго тѣла государя императора, то, не рѣшаюся досѣль приступить къ нему до получения на то высочайшей воли, и не премину теперь выполнить съе во выступлении изъ Москвы при поэтомъ, удобимъ къ тому случаю во время поэзга, старанъ сѣять съ, сколько это будетъ возможно, уединеніе и осторожнѣе, о поѣздующими не премину обстоятельно уведомить выше превосходительство».

Второе донесеніе гласитъ:

«По благополучному выступлению изъ Москвы, на второмъ поѣздѣ изъ селъ Чашоноѳъ, 7 февраля, въ 7 часовъ пополудни, по удаленіи всѣхъ постороннихъ изъ порти, генералъ-адъютантъ: графъ Остерманъ-Толстый, Бородинъ и Синявинъ и мною, флагелъ-адъютантами полковничими: Германомъ, Штуринъ, Кокоринъ, графомъ Задушиемъ ротмистромъ Платинымъ, также гвардии полковниками, кавалергардомъ Араповимъ, Соломонъ и медико-хирургомъ Тарасовымъ для удостойнѣнія настѣнѣ положенія тѣла почивающаго изъ Богъ императора Александра, предпринято было вскрытие свинцового гроба, въ шательницѣ осмотрѣнъ онаго оказалось сѣдѣющеъ² по сиятия деревянной крышки, крышка свинцового гроба оказалась на сиѣмъ мѣстѣ и въ совершенной сохранности, кроме только угла правой стороны близъ головы, который не болѣе, какъ на одну линію опустился внизъ, въ томъ же самомъ мѣстѣ конецъ жѣлѣзаго прута, служащаго подпоркой свинцовой крышки, немного отсталъ отъ своего места. Когда же свинцовая крышка была съ возможнѣю осторожнѣстью намъ поднята, то положеніе самаго тѣла въ гробѣ представилось намъ изъ совершенномъ порядкѣ и сохранности, такъ что въ укладѣ онаго не малѣшаго перемѣнъ на путешествіи не посѣдовало. При съемѣ вскрытия, кроме ароматнаго и бальзамического запаха, никакого газа не было присутствію. После сего оба гроба закрыты нами во-прежнему».

6-го февраля при выступлении изъ Москвы архипенсионъ Физиеръ сопровождалъ гробъ до Петровскаго дворца за

Тверской заставой, глѣ была совершена имъ и всѣмъ московскимъ духовенствомъ литія. Далѣше шествіе направилось черезъ Тверь и Новгородъ въ Царское Село.

На границѣ Новгородской губерніи шествіе было встрѣчено епархиальнымъ архіереемъ, при которомъ былъ Фотій. Послѣдний читалъ Евангелие при гробѣ на почлегахъ. Тара-

сонъ сообщаетъ, что тутъ же присоединился къ шествію Аракчеевъ, который хотѣлъ стать на колесницу при выѣздѣ изъ Новгорода, но его сначала не допустили до этого, а потому онъ съ разрѣшенія Орлова-Денисова получилъ мѣсто на лѣвой ея сторонѣ.

Всѣдѣствіе запроса верховнаго маршала печальной комиссіи въ Петербургѣ, князя Алексія Борисовича Куракина, о положеніи и цѣлости тѣла императора по выступленіи изъ Новгорода, Тарасовъ просилъ Орлова-Денисова произвести еще разъ до Царскаго Села освидѣтельствованіе тѣла. На второмъ переходѣ оно было произведено въ присутствіи графа Аракчеева, подписавшаго вмѣстѣ со всѣми прочими актъ освидѣтельствованія. Наконецъ, императоръ Николай поручилъ Вильялю до прибытия въ Царское Село еще разъ осмотрѣть тѣло, это было произведено въ Бабинѣ. Вильялъ пишетъ слѣдующее: «сего 26 февраля, въ 7 часовъ пополудни въ Бабинѣ, я производилъ осмотръ тѣла баженовой памяти императора Александра; раскрывъ его до мундира, я не нашелъ ни малѣйшаго признака химическаго разложенія, обнаруживающагося обыкновенно выѣзжаніемъ сырнѣстводороднаго газа, обладающаго весьма Ѷдкимъ запахомъ; мускулы крѣпки и тверды и сохраняютъ свою первоначальную форму и объемъ. Поэтому я смѣло утверждаю, что тѣло находится въ совершиенной сохранности, и мы обязаны этимъ удовлетворительнымъ результатомъ точному соблюдѣнію во время пути необходимыхъ мѣръ предосторожности. Поэтому я не буду принимать никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ до прибытия въ Царское Село».

28 февраля процессія приблизилась къ Царскому Селу. Императоръ Николай выѣхалъ навстрѣчу шествію, его сопровождали великий князь Михаилъ Павловичъ, принцъ Вильгельмъ Пруссійский, принцъ Оранскій и первые чины двора. Тамъ же находились также царкосельскіе жители съ духовенствомъ и крестьяне царкосельского дворцового вѣдомства. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь, по словамъ Тарасова. «Сошелъ съ коляски, императоръ, приближаясь къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, вошелъ на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы то же сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершиеніи литія, шествіе двинулось къ Царскому Селу, императоръ съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущеныхъ

шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницю вѣшкомъ до дворцовой церкви, въ которую аннексъ былъ гробъ и поставленъ на великолѣпный катаваулъ подъ балдахиномъ. Дѣль Тарасова разсказываетъ слѣдующее:

«1 марта отъ князя Голицына я получилъ приказаніе посыпать пытаться къ нему. Онь съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

«Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская семья проститься съ покойнымъ императоромъ? Я отвѣчалъ утвердительно и убрѣлъ его, что тѣло во совершенномъ порядке и чистотѣ, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобы въ двѣнадцать часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всю аккуратностью открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобы императорская семья могла вся, кроме наструющей императрицы, которая была тогда беременна, родственнико простились съ покойнымъ».

«Въ 11^½ часовъ вечера священникъ и всѣ дежурные были улазены изъ церкви, а при дверяхъ, вѣтъ сюй, поставлены были часовые; остались изъ неї: князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завиташевъ. По открытии гроба, я снялъ албасный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавший все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ специй, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлымъ перчатки (прежня нѣсколько измѣнилъ шить), вложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершиенно чистымъ и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобы мы оставались въ церкви за ширмами, послѣдний доложилъ императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская семья съ хѣтами, кроме наструющей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ наклонили въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выражать онуку.

«По выходѣ императорской семи покрылъ тѣло ароматными матрацами и, снявъ корону, закрылъ гробъ по-прежнему. Дежурные всѣ и караулы снова были внесены изъ перховъ ко гробу, и началось чтеніе Евангелия.

Прусскій генералъ Гердахъ пишетъ въ своемъ дневнику, что при вскрытии гроба Александра присутствовалъ также

принцъ Вильгельмъ. По его разсказу, императрица Марія Федоровна пѣсколько разъ плакала руку усопшаго и говорила: «Онъ, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah! comme il est maigre».

5-го марта тѣло императора Александра было перевезено изъ Царскаго Села въ Чесму и поставлено въ церкви дворца. Тарасовъ говоритъ, что «изъ двѣнадцати часовъ вечера, въ присутствіи князей Куракина и Голицына, при подобающемъ первоюмъ образѣ, тѣло императора, по моему указанію, изъ прежнаго деревяннаго гроба въ сининовомъ гробѣ переложено въ новый бронзовыи великолѣпныи гробъ; ковчегъ съ внутренностями былъ помѣщенъ въ гробѣ, въ ногахъ, а вѣза съ сердцемъ у самаго гѣда съ лѣвой стороны груди. Прежній же гробъ тутъ же былъ разобралъ и расчищенъ и со всѣми признаками схожестию кускахъ помѣщенъ былъ въ новый». Графъ Комаровскій пишетъ по этому поводу: «Переложеніе это было дѣлано единими только генералъ-адъютантами, бывшими при его величествѣ, въ числѣ которыхъ я и находился».

6-го марта шестые двинулись изъ Чесменскаго дворца въ Петербургъ. День этотъ съ утра былъ настурный, морозный, съ вѣтромъ и снѣгомъ. За гробомъ слѣдовали императоръ Николай, великий князь Михаилъ Павловичъ, чужестранные принцы, герногъ Веллингтонъ и многочисленная свита, всѣ въ черныхъ шляпахъ и плащахъ.

Въ полднѣйшаго часа половудни прибыли къ Кафанскоому собору. Здесь изъ продолженія семи дней закрытыи гробъ Александра былъ выставленъ на поклоненіе народу. Соборъ постигла огромная масса людей. Тарасовъ утверждаетъ, что «императору было доложено съ открытии гроба для жителей столицы, но его величество не изъяснило на то своего согласія, и, кажется единственно по той причинѣ, что видѣ лица покойнаго государя былъ немногимъ измѣненъ свѣтло-кантановскій, что произошло отъ покория его на Таганрогѣ укусно-греческою кислотою, которая, проченъ, не имѣла черты лица».

Но Водонскій еще 7-го декабря 1855 года такъ писалъ изъ Таганрога Г. И. Вильямову по поводу этого: « мнѣ необходимо нужно ждать, совсѣмъ ли отѣшать гѣло при отпѣтаніи отпода, или отѣшаніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмыслишася сказать свое мнѣніе, праильное, полагаю, сдѣлать бы лучше, ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ зѣлья сырого воздуха лето все

иъло, и даже черты лица покойного совсѣмъ измѣнились, чрезъ нѣсколько же времени и еще потерпѣть; почему и думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гроба не нужно, и, въ такомъ случаѣ, должно будеть здѣсь совсѣмъ отпѣтъ, о чемъ и прошу васъ испросить высочайшее повелѣніе и меня увѣломить черезъ нарочаго.

13-го марта 1826 года въ 11 часовъ при сильной метели погребальная процесія направилась изъ Казанскаго собора въ Петропавловскую крѣпость; она слѣдовала по Невскому, Большой Садовой, Царинную лугу, черезъ Троицкій мостъ. Въ тотъ же день происходили отпѣваніе и погребеніе. Во второмъ часу пополудни пущечные залпы возвѣстили миру, что Александръ преданъ землѣ.

За нѣсколько дней до погребенія Николай I писалъ Лагарпу слѣдующее:

«Посреди самаго печального торжества, и такъ сказать, на могилѣ того, коего мы оплакиваемъ кончину, отѣчжаю вамъ на письмо ваше отъ 16-го января. Въ подобную минуту мысль моя должна, по естественному теченію, перенестись на васъ, и я еще живѣе могъ отѣнить тѣ чувства, кои вы мнѣ выражаете. На вашихъ глазахъ, вашими попеченіями развивались первыя сѣмена тѣхъ благородныхъ качествъ, которыя изъ императора Александра сдѣлали славу Россіи и которая пріобрѣли все человѣчество къ плачу обѣ его утратѣ. Мое сердце подсказало мнѣ то, что должно было происходить въ вашемъ, когда вы имѣли несчастіе узнать, что этотъ великий монархъ взять отъ насть, отъ нашего уваженій и нашихъ надеждъ. Связь, существующая между нами вслѣдствіе этой общей скорби, останется для меня всегда священна. Повѣрьте, что я никогда не забуду ни привязанности къ вамъ покойного моего брата, ни минутъ, проведенныхыхъ мною съ вами, и что мнѣ всегда приятно будетъ возобновить намъ увѣренія въ [искреннемъ] моемъ уваженіи».

Въ то время, когда скончили Александра, его вдова, императрица Елизавета Алексѣевна, еще находилась въ Таганрогѣ, она чувствовала себя все хуже и хуже. Несомнѣнно, что на нее рѣзко повлияла смерть Александра, съ которымъ у нея наладились было уже отношенія во время пребыванія въ Таганрогѣ; такой ударъ перенести было не легко и она его не перенесла.

12-го апрѣля Волконскій пишетъ императору Николаю изъ Таганрога слѣдующее:

Александръ I, окруженный дѣтьми.

«Долгомъ почитаю вашему императорскому величеству всеподданѣйше донести, что слабость злоровья вдовствую-

шней государыни императрицы Елизаветы Алексеевны вновь увеличивается. Сверхъ того, ея императорское величество чувствовать в груди иногда сильное удушье, которое пренятствует даже говорить, и сама изъясняет г. Стофреду опасение подлинной болезни в груди. Хотя г. Стофреден не убежренъ, что таковая болезнь существуетъ, но начинаетъ однако сильно беспокоиться, предложилъ ея величеству лекарства для предупреждения оной и находитъ, что предложенное пущешество можетъ отаратить сю болями.

«Въ прошедшую субботу, 10-го числа, государыни императрицѣ угодно было повелѣть переставить походную церковь изъ ту комнаты, где покойный государь императоръ скончался; можетъ легче быть, что воспоминаніе горестного промышленія производить сіе дѣйстіе изъ ея величества; не менѣе того не могу скрыть предъ вашимъ императорскимъ величествомъ крайнаго опасенія худыхъ отъ сего посѣдѣтія».

21-го апреля Елизавета Алексеевна выѣхала изъ Таганрога; она направилась въ Петербургъ изъ Харькова, Калуги. Здѣсь должно было состояться у нея сиданіе съ императрицею Марию Феодоровну, выѣхавшою къ ней наавстрѣчу изъ Петербурга.

Слабость Елизаветы Алексеевны все увеличивалась и скоро дошла до того, что она могла съ трудомъ лишь говорить. Волконскій въ письмѣ къ Видламову, сопровождавшему императрицу Марию Феодоровну, просилъ ее предупредить, что положеніе императрицы Елизаветы Алексеевны становится все хуже, «точно такъ худо, что ея величество найдетъ ужасѣніе въ ней перемѣну». Но игуу описать замѣтъ милостивый государь, — пишетъ она, — всѣхъ беспокойствъ моихъ насчетъ здоровья съ императорского величества во время пущешествія и безрискованно молю Бога, чтобы сподобилъ благоголупію доѣхать до Калуги».

3-го мая прибыли на почтѣ изъ Бѣлгѣя, уѣздный городъ Тульской губерніи; краинка слабость препятствовала ей продолжать путь. Императрица Марія Феодоровна была уже изъ Калуги, но по письму Волконскаго выѣхала немедленно изъ Бѣлгѣя, какъ того желала Елизавета Алексеевна. А уже 4-го мая въ шестомъ часу утра камер-юнгфера застала императрицу мертвую. Такимъ образомъ, Марія Феодоровна уже прибыла въ 10 часовъ утра только изъ панихидѣ по умершей невѣстѣ.

Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ такъ характеризуетъ покойную императрицу: «прекрасная собою, любезная, умная, Елизавета Алексеевна пользовалась большой твердостью духа въ ту эпоху, когда нашествие Наполеона угрожало пѣлости имперіи. Она имѣла свои слабости, свои вины передъ супругомъ, и хотя сначала играла роль, всегда вызыванную участіе, женщины поклоннѣй, разностной патріотки, но ее холодность и совершенное удаление отъ общества внушили всей почты нации полное къ ней разнодуше; подъ конецъ своей жизни императоръ Александръ, разочарованіемъ существами мира и увлеченный мистицизмомъ, возвратился къ своей супругѣ. Таганрогское уединеніе возобновило между ними прежнія узы».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Легенды и слухи.

Таким образом оба супруга скончались при совершенно исключительных обстоятельствах, один тотчас по возвращении из путешествий, а другая из дороги. Что касается смерти императрицы Елизаветы Алексеевны, то ввиду ее продолжительной болезни, изъза которой было предпринято самый переход в Таганрог, болезни, протекавшей на виду у всех еще из Петербурга, то ей кончина никого не удивила, все были к ней подготовлены заранее. Совсем другое склоняют сказать о смерти Александра I.

Физически он всегда отличался хорошим здоровьем, настолько хорошина, что даже послы 16-ти дней изнурительной болезни они сохранили достаточно питание тела, о чём свидетельствует протокол вскрытия и частные записки очевидцев. Тело удавительное должно было казаться его смертью, особенно, если вспомнить, что первые известия о болезни самой были получены уже очень поздно, перед самым вылечением избытия о смерти—все время склонялось безмолвие родных въ Петербургъ. Конечно, невольно смерть его должна была заинтересовать широкі круги населения, такъ какъ даже послы смерти его вопросъ о престолонаследии вызывалъ целый рядъ болѣе или менѣе трагическихъ событий. Въ то время сношения оканчивались центрою и со столицей происходили медленно, избытия шли долго,

а точныхъ сведений еще дольше, скорѣе распространялась всякая сладость, всякий ложный слухъ, и изъ этой почвы разрастались избытки легенды, рассказы и пр.

Можно сказать даже, что молва бѣжала впереди гроба Александра: ко времени прибытия его глаа въ Москву шли уже такие разнородные и тревожные слухи, что власти все время были заняты тѣмъ, какъ оградить процессію отъ возможныхъ наскаж и осложнений со стороны народа и толпы, для этого они запасались, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, возможно большимъ количествомъ войска, разставляли и размѣщали всюду отряды и шанцы войскъ и только тогда чувствовали себя вполнѣ спокойной.

Онались, напримеръ, что въ Туѣ оружейники рабочие вскроютъ гробъ, боясь того же при выѣзѣ изъ самую Москву и т. п.

Въ архивѣ канцелярии военного министерства хранится записка, составленная некимъ зоркимъ человѣкомъ Федоромъ Федоровымъ, которому удалось собрать эти слухи въ свѣти ихъ въ одно пѣлое: записка эта озаглавлена такъ:

«Московскіе новости, или новые праздничные и зловѣщіе слухи, которые послѣ недѣль омачутся, которые праздничные, а которые лживы, а теперь утверждать не однѣ не могу, но рѣшился на досугѣ списывать для дальнѣго времѣя незабвеннаго, именно 1825 года года, съ декабря 25-го дня».

Не всѣ слухи относятся къ самому Александру, некоторые касаются Константина Павловича; наиболѣе характерные слѣдующіе: 3-й слухъ—государя убили, изрѣзали, и долго его тѣло искали, и наѣброе не могутъ утвердить, нашли ли его тѣло, и недѣль узнать, для того на землю сѣздали восковую маску; 7-й слухъ—государя наноили талии напитками, отъ которыхъ онъ захварталъ и умеръ. Несъ тѣло его тоже покрѣпѣло, что никакъ и показывать не годится. Для того и сѣздали восковую наездницу, а гробъ сканировый изъ 80 пудовъ; 9-й слухъ—государь живъ, его продали въ иностранную невѣдовку; 10-й слухъ—государь живъ, уѣхалъ на лѣтъ шлюхой въ море; 11-й слухъ—гробъ государя везутъ имѣши, которымъ дамо за проповѣдь 12 тысячъ рублей; что находить яксыма подозрительны; Шульгинъ, московскій поліцеймейстеръ о семъ разговаривалъ, да и князь Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ, находится въ немаломъ сомнѣніи о семъ; 20-й слухъ—князь Долгоруковъ, Юрий Владимировичъ, престарой князь, послѣ блазникою кончины Александра

дра I не присягал еще ни одному из новыхъ государей, а желаетъ прежде нанять тѣло покойного государя своими глазами въ лицо, тогда и присягнетъ кому должно, то народъ изъ оного ожидаетъ чего-нибудь невеселаго; 24-й слухъ—когда государь пойдетъ изъ Таганрога, то за нимъ гнались во всю дорогу многие господы съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы убить его; двое и догнали въ одномъ изътчкѣ, но убить не осмѣялись. Такъ народъ заключаетъ, что государь убить изъ Таганрога нѣроподанными извѣтчи, ну т.-е. господами благородными душами, первѣшими изъ свѣтѣ подлецами; 25-й слухъ—графиню Орлову и жену графа Потемкина нынѣскаки плачутъ за то, что они дѣланы базы, на которыхъ были заговоры на царскую фамилию, а они не могли оного доказать императору, вѣрны фрейлинамъ, распредѣлагородные каналы; 31-й слухъ—во время проѣзда черезъ Москву государя тѣла было въ Москвѣ изъ некотораго села лычокъ, смотрѣли и они и приѣздѣ его въ село стаій его спрашивали мужики, что видѣлъ ли государя, а они отвѣтили: какого государя, это чортъ везетъ, а не государь. Тогда мужики его ударилъ въ ухо и обѣжалъ управитељо и попу, то оного дѣлчка везли въ Москву, и попа и дыкона тоже. Попа то отпустили изъ Москвы и отъ службъ отрѣшили, а дѣлчка въ дыкона и теперь держатъ, и неизѣстно, что будетъ съ ними; 33-й слухъ—царского кучера Илью Байкова отравили ядомъ въ парожкѣ и никакъ не могли его отпопть молокомъ, а докторъ, который лѣчилъ государя, пошаръ, прѣѣхавши изъ Петербурга; 34-й слухъ—когда привезутъ государя покойного изъ Петербурга, въ поставить тѣло его на означенному соборѣ, тогда вся царская фамилия будетъ его осматривать, а другого званія, кроме царской фамилии, не будетъ изъ соборѣ никого, а тѣло его будетъ вынуто изъ гроба и осмотрѣно вѣль слѣдуетъ; 35-й слухъ—государи когда привезутъ изъ Петербурга, то стануть его осматривать при иностраннныхъ короляхъ въ посланникахъ; 37-й слухъ—государево тѣло самъ государь станеть встрѣчать, свое тѣло, и на 30-й верстѣ будетъ церемонія въ съмимъ устроена, а всезу его адъютанта, изрубленного вѣмъ него, который ему сказалъ, а онъ бѣжалъ тогда и скрывался до Петербурга; 39-й слухъ—когда государь былъ въ Таганрогѣ, то приходили къ той палатѣ нѣсколько солдатъ и спрашивали, что государь дѣлаетъ, а мы отвѣчали, что государь пишетъ, то и пошли прочь, также и на другой день

пришли, получили тѣ же отвѣты и ушли опять, тогда пришли на третью ночь и мы отвѣтили, что государь ходить по покоямъ, то одинъ солдатъ вошелъ къ государю и сказалъ ему: съясь сегодня парубить, приготовьтесь испремѣнно; —что государь сказалъ солдату: «хочешь за меня быть изрубленнымъ»—то солдатъ сказалъ: «я не хочу ни того, ни зру-го го»; то государь сказалъ ему: «ты будешь похороненъ, какъ я, а родъ твой будетъ весьма награжденъ, то солдатъ тогда на оное согласился. Онъ наѣхъ на себя царскій мун-диръ, а государь спустилъ въ окно, а на солдата вѣшили изнери и въсего изрубили вѣмъ государя, и т. д.; 32-й слухъ—когда Александръ Павловичъ былъ изъ Таганрога, и тамъ строился дворецъ для Елизаветы Алексѣевны, то государь прѣѣхалъ изъ синихъ задникъ крымлѧ, стоявшій тамъ часовъ остановилъ его и сказалъ: не изволите входить на оное крымлѧ, кась тамъ убьють изъ пистолета. Государь на это сказалъ: «хочешь за ты, солдатъ, за меня умереть, ты будешь похороненъ, какъ я» и солдатъ твой буде-тъ весь награжденъ, то солдатъ на оное согласился, а государь наѣхъ солдатскій мундиръ и стаій на часахъ, а сол-датъ наѣхъ царскій, государя, шинель и шляпу и вошелъ въ отдѣльническій дворецъ, прикрыть лицо шинелю. Какъ вошелъ въ первыи комнаты, то заругъ вѣмъ пистолета по немъ выстрѣлили, но не попали, солдатъ повернулся, чтобы наѣхъ идти, то другой выпалилъ по немъ, простирилъ его, солдатъ подхватилъ и потащилъ въ тѣ палаты, где жила су-пруга государя, и замокнулъ ей, что государь весьма не-здоровъ и потому послѣ покера, либо государя. А настоящій государь, бросилъ ружье, бѣжалъ съ часовъ, но неизѣстно куда, и писалъ Елизаветѣ Алексѣевѣ письмо, чтобы оного солдата похоронили, какъ меня.

Кромѣ того въ письмахъ Александра Булгакова къ брату его Константину, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ», находятся тоже указания на распространение всевозможныхъ слуховъ, такъ, напр., 27 июня 1826 года онъ пишетъ:

«Не погрѣши, что я видорные слухи распространяють кумушки въ пустословы по городу. Жаль, право, что князь Дмитрий Владимировичъ (Голицынъ) удостоиваетъ ихъ вниманія, что много говорятъ о мѣрахъ, какъ возьмутся для прекращенія или предупреждения безнородкію. Говорятъ, что подданиами обзываютъ фабрикантовъ не выпускать фаб-ричныхъ въ земли, прошеси, что кабаки будутъ запрещты, и

множество других подобныхъ мѣръ. Князь поставить себя въ непріятное положение и заслужить нареканіе справедли-
вое тѣхъ, коихъ не допустить принять участіе въ отдани-
и послѣдняго долга».

Въ письмѣ 4-го февраля говорится: «Филаретъ съ духо-
венствомъ лобзали останки безцѣнныя, а послѣ всѣ царе-
вичи, князь Дмитрій Владимировичъ, генераль-адъютанты,
и т. д. Какъ я буду теперь дурачить и смѣяться надъ
глупцами, конь трусливъ уѣзжать изъ Москвы или просили
часовыхъ для себя на это время. Да я своею головою ру-
чался моей женѣ и всѣмъ, что весь городъ будетъ поко-
енъ, что видъ гроба Александра I заставитъ все на свѣтѣ
забыть, и что въ народѣ одно только будетъ чувство—скорбь.
А, конечно, бездѣльники были дѣятельны и разсѣивали раз-
ные глупые слухи, конь дураковъ пугали. Благоговѣніе на-
рода было таково, что нельзя не быть тронуту. Надобно
было видѣть, съ какимъ чувствомъ всѣ прикладывались, всѣ
почти въ землю. Во всю ночь были поклонники. Ночь не
была потеряна. Дабы доставить всѣмъ удовольствіе прило-
житься къ безцѣнному праху, впускали солдатъ зѣншаго
гарнизона».

Въ письмѣ 7-го февраля: «Александры Сергеевичъ Мар-
ковичъ, фельзъегерь, бывшій при государѣ во время его
болѣзни, кончины и послѣ оной, видѣлъ все происходившее
въ горестное это время, обмывалъ драгоценное тѣло, де-
журилъ 4-ро сутокъ при оному, не спавши; открытие тѣла,
балзамировка, все это происходило въ его глазахъ. Я не
могъ отъ него оторваться, и онъ, видя наше любопытство,
удовлетворялъ оное въ полной мѣрѣ. Первый консиліумъ,
на который государь очень неохотно согласился, говоря
Виллѣ, что онъ въ немъ не сомнѣвается, и что все дѣлается
по волѣ Боярьей, былъ 13-го числа. Кромѣ Виллѣ были так-
же Штюргеневъ и Ренгольпъ; сей, вышелъ оттуда, сказалъ
Марковичу на ухо: «золотое время было упущенное». Госу-
дарь не хотѣлъ слышать о лѣкарствахъ сначала, когда можно
было разорвать болѣзнь. Крѣпкое его сложеніе столь оную
преодолѣвало, что еще 11-го изволилъ самъ бриться безъ
всякой усталости, безпрестанно повторялъ: «не мучьте меня.
Дайте мнѣ покой!»

«И когда императрица стала наиубѣдительнѣйше его уго-
варивать принять лѣкарство, то императоръ, не имѣя чѣмъ
вразумить, просилъ ее оставить на нѣкоторое время одного,

дабы отдохнуть и воспользоваться наклонностью, которую
чувствуетъ ко спу. Когда приставили пѣявки, то, какъ скоро

Посѣщеніе Александромъ Публичной библіотеки.

чувствовалъ дѣйствіе оныхъ, государь срывалъ ихъ самъ ру-
ками и кидалъ на полъ. Всѣ теперь видѣли, сколь гнусна

была кленета, выдуманная на вѣрный, богоизбранный и кроткий народъ русской. Сказали, что, когда прибудетъ тѣло сюда, народъ потребуетъ вскрытия гроба, чтобы убѣдиться въ смерти государевы. Какая неизѣнность! Ужеле всѣ сіи генералы, адъютанты и всѣ, сопровождающие тѣло (изозвѣнъ одного Ильи, плачущаго изъ козахъ), ужеле они и весь Таганрогъ въ заговорѣ семьи, обмануты Россію? Слухи сіи однако же стали беспокоить юношъ А. В.; онъ думалъ всему пособить, напечатать, что тѣло было отпѣто въ напрасно, ибо правда всегда упирается.

Зѣсь неизѣнное будеть дать описание дворца въ Таганрогѣ, гдѣ умеръ Александръ I, и въ настоющемъ видѣ: дворецъ въ Таганрогѣ состоитъ изъ небольшого однозадѣнаго каменнаго дома, имѣющаго 13 оконъ на улицу; на право ворота, ведущиye во дворъ, гдѣ имѣется подъѣздъ во дворецъ, а на лѣвой сторонѣ небольшой садъ. Фасадъ дома окрашенъ темною окрою, а украшения на немъ блѣдо красновато; крыша, какъ надо полагать, была зеленаго цвета. Всѣобѣе по наружному своему, весьма скромному виду; здание не походитъ изъ дворца. Всѣхъ комнатъ во дворцѣ 12; онъ маленький до чрезвычайности, не высокъ; окна небольшія; меблировка старинна, краснаго дерева; сохранимась въ чекахъ со временемъ Александра I. Нѣкоторыя комнаты окрашены, нѣкоторыя оклеены обоями. Планъ внутренний дворца слѣдующий: маленькая передняя въ одно окно во дворъ и рядомъ съ нею пресная въ два окна; изъ нея ходъ въ залу, имѣющую на улицу и во дворъ по три окна, въ залѣ стулья, аза столъ и часы въ углу. Изъ зала направо дверь въ лестницу первокъ, устроенную послѣ кончины Александра I въ той комнатѣ, въ которой онъ скончался, а налево въ гостиную и затѣмъ спальню императора въ другой комнатѣ.

Живопись на иконахъ церкви настолько замечена и затягивается въ насточшее время, что судить обѣ ея достоинствѣ весьма трудно; въ алтарѣ весьма плохое изображеніе Иисуса Христа, несущаго крестъ. Иконостасъ зеленаго цвета, съ написанными бѣлыми колонами, съ золотыми украшениями и надписью: «Съ нами Богъ, разумѣйте иныши—и покоритеся, ико съ нами Богъ». Подъ алтаремъ, въ подвалѣ помѣщенніи, иѣстовъ памятникъ, сделанный изъ бута; онъ казыбы поддерживаетъ потолокъ. На памятнике изѣлѣзная бронзоватая доска съ изображеніемъ кончины Александра; барельефъ, но очень плохой. Памятникъ (окруженъ девятью колоннами,

окрашенныхъ бѣлою краскою). По рассказамъ, подъ этимъ памятникомъ погребены внутренности Александра.

Служащие при дворѣ ошибочно нынѣ называются на комнату, гдѣ будто бы скончался императоръ; эта комната имѣеть два окна на улицу и находится между государевою гостиной, примѣгающей къ залу, и очничальнею императрицы; но этотъ нокъ не больше какъ одна изъ комнатъ, входящихъ въ число апартаментовъ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ углу этой комнаты помѣщается большой турецкій диванъ, обитый когда-то розовою матеріею, нынѣ выгорѣвшою и сѣдѣющею желтаго цвета. У дивана ширмы изъ той же матеріи. У того же дивана изъ головахъ столь, покрытый ковромъ, вышитый, по рассказамъ, самою императрицею. Надъ столомъ въ настоащее время помѣщены портретъ въ старинной рамѣ императора Александра II. Въ противоположномъ углу печь; около нея бюро, съ мраморнымъ бюстомъ Александра I. Ковры старые. Въ спальни императрицы: кровать, столь, кресла, наугольники и портретъ съ масляными красками, повидимому, копія. Изъ спаленъ этой нокъ въ гостинную государевы; оттуда въ комнату земурнаго генерала и затѣмъ въ библиотеку, имѣющую одно окно во дворъ и малоѣ стѣнѣ книжныя шкафы. Государь скончался въ той комнатѣ, въ которой помѣщена теперь перкозы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Характеръ Александра и его болѣзнь.

Итакъ, событія послѣдніхъ 10-ти лѣтъ царствованій Александра I и въ особенности измѣненій въ его личности и характерѣ, происшедшия къ концу его жизни, настолько были рѣзки и соотвѣтственно поражающи, что современники и окружающие его не могли не останавливаться мысленно на этихъ перемѣнахъ. Говорить объ нихъ вслухъ было опасно, можно было лишиться всего благосостоянія и мысли, можно было дѣлиться ими только лишь съ самыми вѣрными друзьями. Атмосфера таинственности сущалась вокругъ императора, онъ самъ тоже поддавался общему настроению и поддерживалъ его. Онъ никому не довѣрялся и всѣхъ опасался. Ему нужно было имѣть около себя такихъ нерболовъ, какъ Аракчеевъ, и ему одному онъ сравнительно вѣрилъ.

Страсть къ передвиженіямъ, проявившаяся особенно сильно въ эти годы, совершиенно не соотвѣтствовала нуждамъ управления государствомъ, скорѣе и вѣryѣ это было просто неудержанное стремленіе къ перемѣнѣ мѣста, чтобы не оставаться по-долгу гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ, это было болѣзньное явленіе со стороны человѣка, не довѣряющаго никому и опасающагося всѣхъ. Ему было все равно,ѣдетъ ли въ предѣлахъ своей имперіи, или отправиться виѣ ея, только бы не засиживаться долго. Даже въ послѣднюю поѣздку, едва успѣть прибыть на мѣсто, Александръ уже ёдетъ дальше, ёдетъ въ неудобное для осмотра и путешествий время и возвращается домой уже совершенно больнымъ. Но

это лишь одна из черт болезненно кумилического характера Александра.

Другая по myself важная черта — это мистицизм, это наивность и крайняя религиозность. На этой почве Александр симпатизал даже с теми из пурпурою и несомненно лукаво-богомольными членами, какъ Фотий. Стоять только припомнить сцену аудиенции, данной Фотию, по описанию посланного, чтобы понять ясно, что здесь передъ нами не самъ я, а скорѣе два болѣзничьихъ человека. Вѣдь я самъ иѣзъ назо совершенство утратилъ способность правильной критики окружающаго, чтобы принимать серьезно, съ благоговѣніемъ, всѣ прачитания и выходки этого изумѣра, чтобы представить себѣ понимающимъ всю галиматю, которую онъ выкладывалъ передъ суннитскимъ, ибо было доволѣстваться исключительно формой, а не содержаниемъ, чтобы изъ вѣрныхъ просить молитвы и заступничества этого малоизвѣстнаго, необразованнаго, несмыслишаго фанатика, произносившаго наборъ фразъ обѣ антихристѣ и страшномъ судѣ, и пр.; и не только слушать, но еще и восхищаться и умиляться. Эта же слабость критики проявляется и по отношенію къ другому злому гению Александра — Аракчееву, когда наизися самыи убѣдительныи злобы, просьбы, позстанія и возмущенія не могли подвинуть Александра на то, чтобы виникнуть во суть и проявить, правда ли изъ вѣрныхъ все такъ хорошо, какъ ему расписывали временщики и какъ ему показывали при мимолетномъ осмотрѣ. И это не было какое-нибудь малонажное по его мнѣнію дѣло, которое было недостойно его вниманія, нетъ, это, по его же признанію, было дѣломъ очень серьезнаго и важнаго.

Вполнѣ гармонируетъ съ этимъ и страсть говорить и действовать загадками, какими-то полузвѣздами, таинственностью. Возьмемъ хоть опять-таки очень важный и серьезный вопросъ о престолонаследіи; Александру было хорошо известно, что по его же мнѣнію о наследіи престола Константина не могъ бы вступить на него всѣдѣстїе своей женитбы на польскѣй, сѣдовательно тутъ даже не было выбора другого, какъ объяснять всенародно еще при своей жизни наследникомъ Николая, а на дѣлѣ оказывается, что Александръ предпочитаетъ измѣнить и даже не разъ Николаю обѣ этомъ въ частномъ разговорѣ, даже безъ свидѣтелей, ухитряться самъ таинственнымъ образомъ спрятать три документа обѣ этомъ съ предписаниемъ скрыть ихъ

послѣ своей смерти, и хранить упорное молчаніе и никому не выдать тайны о содержаніи этихъ документовъ даже на смертномъ одрѣ.

Приведемъ текстъ этого интереснаго документа:

«Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ. Съ самаго иступленія Нашего на Всероссийскій Престолъ, не престанно мы чувствуемъ себя обязанными предъ вседержителемъ Богомъ, чтобы, не только во дни Наши охранять и возвышать благоденstвие возлюбленнаго нами отечества "народа, но также предуготовить и обезпечить ихъ спокойствие и благосостояніе, послѣ наслѣ, чрезъ ясное и точное указаніе Пресмыка Нашего, сообразно съ пранами Нашего Императорскаго Дома и съ пользами Имперіи. Мы не могли, подобно предшественникамъ нашимъ, рано провозгласить его по имени, оставаясь въ ожиданій, будеть ли благоугодно невѣдомымъ судьбамъ Божіимъ даровать Намъ наслѣдника престола въ прямой линии. Но чѣмъ дольше протекаютъ дни наши, тѣмъ болѣе поспѣшаемъ Мы поставить Престолъ Нашъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновеніе не могъ оставаться празднымъ.

«Между тѣмъ, какъ Мы иосили въ сердцѣ нашемъ сплощеннюю заботу, Возлюбленный Братъ Нашъ Цесаревичъ и Великій Князь Константии Павловичъ, по собственному внутреннему побужденію, принесъ намъ прошубу, чтобы право на то достопочтество, на которое онъ могъ бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, предано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ него. Онъ изяснилъ при семъ намѣреніе, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному акту о наслѣдованіи Престола, постановленому нами въ 1820 году, имъ, поколонку то до него касается, не-принужденію и торжественно признанному.

«Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Нашъ Возлюбленный Братъ, съ такимъ забвениемъ своей личности, рѣшился принести для утвержденія родовыхъ постановленій Нашего Императорскаго Дома и для испоколебимаго спокойствія Всероссийской Имперіи.

«Призываю Бога въ помощь, размысливъ зѣрло о пред-
метѣ, столъ близкомъ къ Нашему сердцу и столъ важномъ
для государства, и находи, что существующая постановле-
ния о порядкѣ наслѣдованіи Престола, у имѣющихъ на него
право не отъемлютъ свободы отречься отъ сего права въ
такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ ни-

какого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола;
съ согласія Августѣйшей родительницы Нашей, по дошед-

Гробница Александра въ Петропавловскомъ Соборѣ.

шему до Насъ наслѣдственно Верховному праву Главы Им-
ператорской Фамилии, и по врученной Намъ отъ Бога Са-

модержавной Власти, Мы опредѣлили: во-первыхъ, свободному отречению первого Брата Нашего Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отъ права на Всероссійскій Престолъ быть твердымъ и неизмѣннымъ; актъ же сего отречения, ради достовѣрной извѣстности, хранить въ Московскому большомъ Успенскому собору и въ трехъ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ Имперіи Нашей: въ Святѣшшемъ Синодѣ, Государственномъ Совѣтѣ и Правительствую-

Баронесса Крюденеръ.

щемъ Сенатѣ. Во-вторыхъ, вслѣдствіе того на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи Престола Наслѣдникомъ Нашимъ быть второму Брату Нашему Великому Князю Николаю Павловичу.

«Послѣ сего мы остаемся въ спокойномъ упованіи, что въ день, когда Царь Царствующихъ, по общему для земноводныхъ закону, воззоветъ насъ отъ сего временнаго Царствія въ вѣчность, Государственный сословія, которымъ на-

стоящая непреложная воля Наша и сіе законное постановленіе Наше, въ належащее время по распоряженію Нашему должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльного Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго. О Насъ же просимъ всѣхъ вѣрноподанныхъ Нашихъ, да они стоятъ къ любви, по которой Мы въ попечении о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали Высочайшее на земли благо, принесли сердечныя мольбы къ Господу и Спасителю Нашему Иисусу Христу о принятіи души Нашей, по неизреченному Его милосердію, въ Царствіе Его Вѣчное».

Послѣдняя фраза написана ки. Голицынымъ, такъ какъ четыре варианта ея представленные Филаретомъ, не понравились Александру; онъ подчеркнулъ въ первомъ варианѣ слова: «часть непреемственного царствія на небесахъ»—чѣмъ поставилъ въ затруднительное положеніе митрополита.

Здоровый во всѣхъ отношеніяхъ, крѣпкій умственныи аппаратъ не допустилъ бы сдѣлать это при ясномъ пониманіи важности такого поступка и серьезности его для страны. Не есть ли это явленіе слабости, дефекта?

Ту же таинственность мы видимъ далѣе и при отѣздѣ изъ Петербурга въ Таганрогъ, при посыпченіи отшельника въ Невской Лаврѣ, и т. д.

Съ другой стороны о существованіи болѣзни подозрительности въ Александрѣ намъ говорить не только его страсть къ путешествіямъ, но и такие факты, какъ упорный отказъ отъ лѣкарствъ во время болѣзни въ Таганрогѣ или дѣло разслѣдованія о камешкѣ, попавшемъ въ хлѣбъ, испеченномъ поваромъ во время пребыванія въ Таганрогѣ, когда Волконскому едва удалось убѣдить императора въ отсутствіи злого умысла съ чьей-либо стороны. Мы видимъ, какъ во время болѣзни Александръ часто посыпалъ за императрицей, чтобы она присутствовала во время его обѣда, и случалось тоже, что она обращалъ ея вниманіе на особенность вкуса того или иного блюда или питья,—если не считать это измѣненіемъ вкуса уже вслѣдствіе острой болѣзни, то, конечно, придется отнести его на счетъ психической причины.

Мы не имѣемъ прямого основанія предполагать существованія галлюцинацій у Александра, но его бесѣда съ Фо-

тіємъ даетъ поводъ думать, что виущеннымъ образомъ могло на этотъ разъ дѣлъ дойти до появленія ихъ, а съ другой стороны, при скрытности Александра вообще, можно думать, что онъ могъ тщательно скрывать ихъ, какъ это дѣлаютъ обычно больные, и при томъ такъ искусно, что никому и въ голову не могло прийти подозрѣвать что-либо подобное.

Однако, не рѣдко можно было слышать отъ современниковъ, что государь находится «какъ бы въ какомъ-то душевномъ затмѣніи». Да и было отъ чего. Помимо тяжелой наслѣдственности, было много причинъ, начиная съ войны 12-го года, могшихъ вызвать въ совокупности своей не одно только нервное разстройство, а и болѣе серьезного характера болѣзни.

Наводненіе съ его ужасами, бунты поселений и расправы Аракчеева, опасенія новой войны, пронски Меттерніха,

интриги собственныхъ придворныхъ,—все это могло подорвать здоровье Александра и вызвать въ немъ прямо отвращеніе и къ этой обстановкѣ и даже къ самой жизни; это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ; онъ не разъ упоминалъ, что желалъ бы слать бремя власти преемнику, а во время преображенія въ Веронѣ это такъ было рѣзко видно, что Меттерніхъ въ своихъ запискахъ прямо называлъ тогдашнее состояніе императора «утомленіемъ жизнью».

Настроеніе духа Александра было мрачное, онъ высказывалъ, напр., императору Францу о томившемъ его предчувствіи близкой смерти. Это было за три года до рокового исхода.

Такія разстройства умственной и чувствующей сферы естественно должны были непосредственно отразиться и на волевой дѣятельности Александра. Это мы и видимъ на дѣлѣ. Послѣдніе годы Александръ метался, можно сказать, отъ одного пристанища къ другому, отъ Сперанского къ Аракчееву, отъ Филарета къ Фотію, отъ князя Голицына къ адмиралу Шишкову и нигдѣ не находилъ удовлетворенія.

Говоря словами современника, можно сказать, что «въ послѣдніе годы царствованія Александра безсильная геронтократія¹⁾ дремала у государственного кормила: старики—Татищевъ, Лобановъ, Ланской, Шишковъ казались скорѣе призраками министровъ, чѣмъ настоящими министрами: всѣми дѣлами заправляли ихъ подчиненные, каждый по своей части, безъ всякаго единства. За всѣхъ бодрствовалъ одинъ всѣмъ ненавистный Аракчеевъ».

Ему Александръ совершенно не могъ и не умѣлъ противопоставить свое желаніе, свою волю; онъ лишь робко рѣшается напомнить о возможности пристрастія и ошибочности единоличного суда и расправы надъ бунтовщиками и, сдѣлавши это, какъ бы тотчасъ забываетъ самъ свои слова и уже нигдѣ больше этого не повторяетъ.

Такое состояніе духа и воли Александра послужило темой для изслѣдованія одному изъ русскихъ ученыхъ психиатровъ²⁾.

Правда, что нашъ ученый профессоръ рассматриваетъ болѣзненное состояніе Александра I иѣсколько подъ другимъ угломъ зрѣнія, — онъ считаетъ это измѣненіе воли за

1) Правленіе старѣйш., въ Спаргѣ.

2) Проф. Сикорскій. «Вопр. нервно-псих. медицинны». Кіевъ, 1901 г.

результат недоразвитости характера въ видѣ слабой недоразвитой воли при удовлетворительномъ развитіи ума и чувствъ, но въ томъ-то и дѣло, что и послѣдня упомянутая области, какъ мы видѣли уже, надо признать не вполнѣ цѣлыми, а значительно пострадавшими.

Кучерь Александра I.

Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ необходимымъ привести доказательства профессора, какъ они изложены у него: «подобный характеръ (т.-е. болѣзниконо недоразвитый въ во-левомъ отношеній), говорить маститый ученый, остается безъ особенныхъ послѣдствій въ иѣкоторыхъ профессіяхъ, въ особенности въ профессіяхъ умственного труда (ученые, художники, артисты). Но въ тѣхъ профессіяхъ, где требуется практическая дѣятельность, въ особенности тамъ, где необходимо вліяніе на людей, управление массами, где предстоитъ выборъ и смѣна сотрудниковъ, — словомъ въ

сферѣ политической и административной,—люди съ недоразвитой волей часто оказываются безсилными и бездѣятельными. Для неограниченаго же Монарха подобный характеръ является роковымъ, служа соблазномъ для простора и смѣлости временщиковъ».

«Такимъ характеромъ отличался Императоръ Александръ I».

Императоръ Александръ I представлялся своимъ современникамъ «загадочной личностью», «неразгаданнымъ сфинксомъ», человѣкомъ, котораго они сами не понимали, но о которомъ думали, что его не пойметь и потомство. Такой взглядъ раздѣляетъ и авторъ разбираемой книги (т. I, стр. 139). Наиболѣе затрудненій въ пониманіи личности Александра I представляли тѣ противорѣчія въ его характерѣ, тѣ черты, которая совершенно несовмѣстны и совершенно исключаютъ одна другую. Въ настоящее время характеръ подобного рода уже не представляетъ затрудненій для психологического анализа.

По словамъ профессора, «Александъ I былъ натура, одаренная тонкими художественнымъ развитіемъ чувствъ при среднемъ умѣ и слабой волѣ. Въ этомъ особенномъ сочетаніи душевныхъ силъ, въ этой психической односторонности и несознѣмѣрности кроется разгадка всѣхъ противорѣчій и неожиданностей, которыми переполнена была жизнь этого глубоко-симпатичнаго и столь же несчастнаго человѣка».

«При жизни императора и впослѣдствіи, для объясненій его дѣйствій и характера, придавали нерѣдко значеніе той противоположности впечатлѣній, среди которыхъ онъ ростъ, находясь подъ вліяніемъ бабки и впослѣдствіи отца. Хотя эти вліянія несомнѣнно были противоположны, но корень зла лежалъ въ самомъ природномъ складѣ характера Александра I. Быть можетъ, если бы это обстоятельство въ ту пору было понятно, какъ теперь, воспитаніе будущаго императора могло быть инымъ, а въ зависимости отъ этого и самая жизненная судьба его болѣе счастливой. Но въ ту эпоху педагогическая психологія едва начиналась, а о возможностяхъ существования одностороннихъ или неразвитыхъ характеровъ еще ничего не было известно».

«Въ дѣйствіяхъ Александъ былъ веселъ, беззаботенъ и уже очень рано обнаруживалъ доброту, изѣжность и сочувствие къ людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показывалъ любознатель-

ность, вниманіе, разсудительность, ловкость и вкусъ къ изящному. Но въ то же время развитіе воли далеко не соотвѣтствовало развитию ума и силъ чувства, и императрица Екатерина, близко слѣдившая за нимъ съ момента рожденія, не безъ удивленія отмѣщаетъ эту особенность его характера. Она слѣдующимъ образомъ выражается о «господинѣ Александре»: заговорю о чѣмъ-нибудь дѣльномъ, онъ весь—вниманіе, заставлю его играть въ жмурки—онъ и на это готовъ, однимъ словомъ, онъ мальчикъ, соединяющій въ себѣ множество противоположностей. Противоположности вытекали изъ рѣзкой разницы въ степени развитія у него основныхъ сторонъ души—чувствъ и воли. Эта разница низвела до минимума пользу, какая могла бы быть извлечена изъ многихъ прекрасныхъ сторонъ его души и привела почти къ отрицательнымъ результатамъ жизненнаго значеніе этой благородной и великолушной личности.

«Слабость воли Александра I сдѣлала нѣкоторыя чувства его чрезмѣрными, давая полный просторъ ихъ одностороннему росту. Во всю свою жизнь императоръ былъ неспособенъ подавить въ себѣ робость, конфузливость, тщеславіе, обидчивость; онъ часто плакалъ, и слезами и вздохами зачастую разрѣшались у него напряженія души, ждавшія и требовавшія иного исхода. Оттого его добрыя качества оставались неустойчивыми и при первыхъ испытаніяхъ жизни обращались въ противоположныя модификаціи: довѣрчивость, кротость и ловкость—въ подозрительность, строгость, не-принадлежность.

«Слабость воли, говорить Сикорскій, выступала рѣши-тельно во всѣ моменты жизни, и это обозначилось всего яснѣ въ толь періодъ, когда воля получаетъ свое окончательное развитіе, т.-е. съ наступленіемъ юности. Въ дѣт-скіе годы и въ отрочество еще не бывало полного развитія воли, и это не нарушаетъ гармоніи духа и не отзы-вается рѣзко по поступкамъ и дѣйствіямъ, но въ юношескомъ, а въ особенности въ зрѣломъ возрастѣ слабая воля вноситъ непоправимый диссонансъ въ психический складъ человѣка, въ его внутренній миръ и его дѣятельность.

«Благодаря слабой волѣ, Александръ не могъ сдержи-вать порывовъ фантазіи и не могъ направлять свое вниманіе въ здоровомъ добромъ направленіи. Отсюда—мечтательность, составлявшая рѣшительную черту его характера. Предаваясь великокашущимъ мечтамъ, онъ создалъ себѣ ум-

ственнымъ кульпъ служенія добра и осуществлялъ это добро скорѣй въ мечтахъ и фантазіи, чѣмъ въ дѣйствительности. Эту черту замѣчаетъ въ немъ князь Чарторыжскій во время знаменитой трехчасовой бесѣды съ юнымъ Александромъ въ Таврическомъ саду.

«Слабость воли и преобладаніе чувства, этотъ роковой порокъ души, сказывалась болѣе всего при встрѣчѣ личностіи Александра съ другими. Не только люди сильные умомъ и волей брали перевѣсъ надъ личностью

Александра, но даже фанатики, т.-е. люди, лишенные развитія ума, а лишь сильные волей, подавляли и подчиняли его. Онъ преклонялся не передъ сильнымъ чув-ствомъ, не передъ непоколебимой ло-гикой, но передъ про-стымъ рѣшитель-нымъ напряженіемъ воли, хотя бы за этой волей не было ни высшихъ чувствъ, ни логики. При та-кихъ свойствахъ сво-его характера Александъ I не только не могъ осуществить

благородныхъ стремлений и возвышенныхъ идеаловъ своей души, не только не могъ отстоять своихъ принциповъ, но былъ бессиленъ защищать свою собственную личность отъ нравственного порицанія грубыхъ и смѣлыхъ людей, лишенныхъ того тонкаго пониманія и того чутья истины, какимъ обладалъ императоръ. Фанатический узкій умъ Фотія и гру-бая практическая душа Аракчеева овладѣли Александромъ и подчинили его себѣ. Тонкія художественные чувства Александра, оставаясь одинокими въ душѣ и не находя для себя поддержки ни въ проницательномъ умѣ, ни въ сильной волѣ, не могли устоять и постепенно вырождались. Личность импе-

Баронесса Крюденеръ.

ратора съ течениемъ времени не только не совершенствовалась въ нравственномъ смыслѣ, но отступала назадъ. Императоръ безнадѣю волновался, нравственно страдалъ и подъ часъ тяжко купилъ¹⁾, но былъ бессиленъ предупредить органическое падение своего характера. (Мы, разумѣется, говоримъ, прибавляя Сокорскій, о физическихъ, а не о патологическихъ измѣненіяхъ характера²⁾).

«Роковой процессъ порчи характера начался у Александра очень рано—съ того периода, когда назначало бы наступить полному развитию воли, т.-е. съ юношескаго возраста. Уже изъ этого времѣя у него высказываются первые признаки слабости воли: на него во временемъ нападала начинъ необъяснимая медлительность, позданость и лѣзь, столь чисто свойственный острому жизненному направлению юношескаго ума. Слабая воля не могла удержать Александра отъ физической экспансии, наступившей вслѣдъ за его раннимъ бракомъ и появившими за собою не только физическую слабость, но и замѣтную усталинную усталость и бесплодность. Пустота души, вызванная такими перемѣнами, заполнилась пустынью, ичтоговыемъ и иерофактоидостояніемъ проявленіемъ времени въ обществѣ наружника Рокана и прочихъ «комнатныхъ», на что неоднократно жалуется Протасовъ.

Но всего раза и очевиднѣе слабость воли Александра сквозитъ тамъ, гдѣ требовалось единовременное напряженіе ума и воли. Тутъ она обыкновенно слабѣла и уступала, отдаваясь безнадѣйнымъ волненіямъ. Такъ она поступила въ 1761 году, когда нужно было дать рѣшительный отвѣтъ на предложенный ею постъ наследника престола. Такъ она отвѣтъ и въ ту, гораздо болѣе важную минуту, которая предшествовала смерти императора Павла. Сначала молчание, пауза, а затѣмъ уступка, какъ спрятанно замѣчаетъ Шиллеръ.

«Слабость воли, бессиленъ отстаивать свою независимость и значеніе рано развило въ Александра честну, стоящую рѣзкимъ диссонансомъ къ его честной возвышенной душѣ. Мы разумѣемъ уклончивость, обратившуюся въ способность къ скрытности и обману. На эту честру указываетъ и излагается въ Екатеринѣ, и другія лица, имѣвшіе близкое отношеніе къ Александру. Уклончивость, скрытность, а затѣмъ

и двоедушіе помогли ему выходить изъ затруднений тамъ, гдѣ требовалась прямота и рѣшительная воля для отставания своихъ убѣждений и пресечьтраній. Обличительность и истинались тщеславіе и хитрость постепенно явились плодомъ слабой воли, бессиленъ охранять высшія, благородѣйшія качества души, которыми былъ богатъ Александръ. Въ важныхъ случаяхъ жизни, среди крупныхъ событий, приходило къ возбужденію его чувство, но менѣе возбуждалась умъ и всего менѣе воля: она была бессиленъ въ психической борьбѣ. «Если бы къ это времѣя здесь мы были,—говорить онъ Чарторыйскому о событияхъ передъ своимъ вступленіемъ на престолъ, я бы не познавъ себѣ умѣть на эту путь. Императрица Елизавета Алексеевна говорить, по поводу тѣхъ же событий, что «его чувствительная душа» всегда остается растѣрзанной. Молчаніе, соглашеніе, иллюхи, т.-е. бессиленъ мыслы, бессиленъ воля въ одинъ только всплескъ.

Такимъ образомъ изъ благородѣйшаго, великолудшаго юноши, какимъ былъ Александръ, постепенно, путемъ естественной психической эволюціи, выработался чловѣкъ, который, по справедливому замѣчанію современника, былъ одновременно и великодушнымъ въ мечтательныхъ, и двоедушныхъ. Легко понять, что и самъ жизненный путь и осуществленіе жизненныхъ планъ не могъ удастся этому чловѣку, столь не полному въ психологическомъ смыслѣ.

«Быть можетъ, заключаетъ Сокорскій, нельзя найти лучшаго примера для замѣненія важности практическаго, основаннаго на психологіи, воспитанія, какъ грустная жизнь императора Александра I; изъ примера его видно ясно, что какъ бы ни были счастливо выражены отдельныя черты характера, окончательный складъ души определяется не имъ однинъ, а всякою суммою душевныхъ качествъ чловѣка. Жизнь зряго чловѣка вводить въ живое дѣйствіе и въ борьбу всѣ силы. Отъ искусства чловѣка, отъ его нравственнѣхъ усилій, отъ лживыаго самовоспитанія зависятъ направлѣніе и исходъ внутренней борьбы, какую ведутъ между собою лучшія и

1) А между тѣмъ какъ поглощено въ 1761.

(Прим. автора.)

худшія сторони характера. Исходъ это можетъ выразить-
ся то нравственнымъ усовершенствованіемъ, то, наоборотъ,
прогрессивной порчей характера».

Вполнѣ соглашаясь въ общемъ съ первою частью этихъ заключительныхъ строкъ относительно важности «правильнаго, основанаго на психологіи воспитанія» по отношенію не только къ Александру, но вообще ко всякому человѣку, мы должны совершенно разойтись съ нимъ въ коренномъ вопросѣ, относящемся до Александра. Вся суть заключается именно въ томъ, что не объ эволюціи личности должна идти

Изба, где жилъ Ф. Кузьмичъ.

рѣчъ при разборѣ характера Александра въ предѣлахъ физиологическихъ измѣнений ея, а о патологическихъ измѣненіяхъ душевной дѣятельности подъ влияніемъ развитія опредѣленного болѣзнишаго состоянія.

Описываемая Сикорскимъ въ его труѣ «слабость воли» Александра I есть по нашему мнѣнію именно результатъ обшаго болѣзнишаго состоянія, затронувшаго не только область воли, но и всѣ стороны душевной дѣятельности Александра, одинъ въ большей степени, другій въ меньшей. Напримѣръ, та скрытность его, о которой упоминается въ этой работе, есть не больше, какъ обычна форма подозрительности такого рода больныхъ, старанія скрывать иногда бредовыя идеи

иногда галлюцинаціи, какъ чисто болѣзнишій симптомъ, сюда же слѣдуетъ отнести и молчаніе. Какъ ни старается нашъ почтенный ученый поставить на первый планъ чувство и умъ императора, но и ему приходится называть умственныхъ способностей его средними, а въ одномъ мѣстѣ пріо указать на времепровожденіе его «пустымъ, ничтожнымъ, недостойнымъ».

Далеко не все обстоитъ благополучно и въ области чувства у Александра I. Мы уже видѣли указаніе на *двоедушіе*, а теперь приходится присоединить сюда рѣзкія черты *лоизма*, ибо мы нигдѣ не видимъ, чтобы Александръ искренно и участливо относился къ горю и несчастію своихъ близкихъ. Даже когда Аракчеевъ писалъ ему о своемъ высшемъ горѣ, и тогда у него не нашлось ничего, кроме нѣсколькихъ общихъ фразъ въ утѣшеніе, а между тѣмъ онъ не забылъ спросить, нѣтъ ли въ дѣлѣ политической подкладки. Характерно, что чувство алtruизма утрачивается при большинствѣ душевныхъ болѣзней однимъ изъ первыхъ и, если признать существованіе этого чувства у Александра въ молодые годы, то необходимо согласиться, что оно утратилось у него съ теченіемъ и развитіемъ болѣзни.

Къ благополучию его самого и къ счастью для окружающихъ и всей страны болѣзнь, если признать ея существованіе, была въ той легкой степени развития, когда она можетъ протекать совершенно незамѣтно для окружающихъ, а для многихъ останется даже сомнительнымъ самое ея существованіе; въ особенности трудно доказывать это теперь, такъ сказать заднимъ числомъ, когда нѣтъ записи точныхъ наблюдений и когда приходится дѣлать выводы на основаніи лишь сопоставленій.

Но данныя тяжелой наследственности со стороны отца ненормальныхъ условий воспитанія, слишкомъ односторонняго, потрясенія при самомъ вступленіи на престоль, неправильныхъ семейныхъ отношеній, могли служить, несомнѣнно, каждое съ своей стороны благодарной почвой для развитія болѣзни даже и въ болѣе рѣзкой формѣ.

Мистицизмъ и жестокость, тщеславие и смиреніе, доброта и двоедушіе не могутъ ужиться въ человѣкѣ столь зловѣрнымъ душевнымъ строемъ, для того же, чтобы эти свойства развивались и дѣйствовали, нужно было ослабленіе всѣхъ сторонъ душевной дѣятельности, это мы и видимъ подъ конецъ жизни Александра уже въ значительной степени. Всѣ его сотрудники изъ лучшихъ имѣ были замѣнены никуда не годными дряхлыми стариками, самъ онъ дѣлами занимался

мало, проводя время въ поездкахъ, или интересовался какъ важнымъ, въ сущности же ничтожнымъ по существу для государства, дѣломъ военныхъ поселеній. Затѣмъ приближеніе Фотинъ стъ его изувѣрствомъ грозило въ будущемъ большиими осложненіями, и кто знаетъ, что ожидало бы страну, не прервясь столь неожиданно жизнь Александра,—вѣдь предстояло раскрытие заговора черезъ Шервуда.

Что же касается болѣзни, унесшей Александра въ могилу, то слѣдуетъ признать, хотя она не названа нигдѣ своимъ настоящимъ именемъ, что это былъ типичный брюшной тифъ. не лѣчимый достаточно правильно съ одной стороны вслѣдствіе упорного отказа самого больного отъ лѣкарствъ, а можетъ быть и вслѣдствіе несовершенныхъ познаний окружающихъ императора врачей. Единственнымъ, заслуживающимъ изъ нихъ признания способнымъ человѣкомъ, былъ, по-видимому, д-ръ Тарасовъ, но его вліяніе на ходъ лѣченія было ничтожно и онъ былъ призванъ къ постели больного почти лишь подъ конецъ, когда уже ничего нельзя было сдѣлать.

Откуда могла появиться эта болѣзнь? Съ одной стороны несанитарное состояніе города Таганрога, особенно въ то время, могло способствовать внедрению инфекціи, а съ другой стороны бивачная жизнь, которую передъ тѣмъ все время вела Александръ, постоянные перѣезды, посѣщенія госпиталя съ заразными больными, гдѣ ему приходилось иногда пробовать пищу, давали много шансовъ заболѣть какою-нибудь заразною болѣзнью,—и вотъ, наконецъ, она явилась и унесла больного въ какихъ-нибудь 16—17 дней. Изъ всего теченія ея явствуетъ съ очевидностью, что то не была крымская перемежающаяся лихорадка, какъ совершенно неосновательно предполагалъ баронетъ Вилліе, а брюшной тифъ въ довольно рѣзкой формѣ. Къ сожалѣнію, въ протоколѣ вскрытия мы не имѣмъ указаній на подтвержденіе этого, такъ какъ на кишечникъ не было обращено достаточно вниманія и онъ совершенно не описанъ. Но за то мы почерпаемъ въ немъ одно очень цѣнное обстоятельство, указывающее на то, что вскрыть былъ именно трупъ умершаго императора Александра, а не кого-нибудь другого, именно описание старого рубца на ногѣ вскрываемаго отъ бывшей язвы, а у Александра былъ именно на этой ногѣ рубецъ отъ заживленія послѣ рожистаго флегмонознаго процесса на той же ногѣ. Такимъ образомъ, установливается сразу же тождество вскрываемаго съ умершимъ императоромъ.

Портретъ Аранчевъ, находящійся въ Грузинѣ.

Часовня на могилѣ Феодора Кузьмича.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Старецъ Кузьмичъ.

Посмотримъ же теперь, какого рода слухи тѣмъ не менѣе распространялись въ народѣ и почему имъ придавали вѣру?

Выше уже были приведены версіи различныхъ слуховъ о кончинѣ императора Александра. Постепенно, мало-помалу слухи по поводу событий 1825 года умолкли и современные письменные слѣды ихъ уже покоились въ разныx архивахъ, какъ вдругъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія неожиданно и съ новой силой воскресли старыя, давно забытыя народными сказаніями. На этотъ разъ они сосредоточились на одномъ таинственномъ старцѣ, появившемся въ Сибири и умершемъ 20-го января 1864 года, какъ полагаютъ 87 лѣтъ, въ Томскѣ. Личность этого отшелыника, называвшагося Феодоромъ Кузьмичемъ, вызвала даже изъ жизни официальную переписку о нѣкоеимъ старикѣ, о которомъ ходятъ въ народѣ ложные слухи.

Осеню 1836-го года къ одной изъ кузницъ, находящейся около города Красноуфимска, Пермской губерніи, подѣхалъ какой-то мужчина, лѣтъ бо-ти, и попросилъ кузнеца подковать бывшую подъ нимъ верховую лошадь. Кузнецъ, исполняя желаніе проѣзжаго, заинтересовался красивою лошадью и самою личностью старика, одѣтаго въ обыкновенный черный крестьянскій каftанъ, не гармонировавшій съ чрезвычайно мягкими, такъ сказать, не крестьянскими ма-

перами профзакаго, обратился къ нему съ обычными въ этикѣ случаекъ вопросами о цѣли путешествія, принадлежности лошади и, наконецъ, о его имени и званіи. Указаніи отвѣтъ профзакаго возбудилъ подозрініе собравшагося около кузинъ народа, и неизвѣстный безъ всякаго съ своей стороны сопротивленія былъ тутъ же задержанъ и доставленъ въ городъ. На допросѣ онъ измѣнилъ себѣ крестыческое имя Феодоромъ Кузьмичемъ, объяснилъ, что лошадь принадлежитъ ему, отказался отъ дальнѣйшихъ показаній и обильвилъ себѣ неизвѣстныхъ родственниковъ бродягою, съѣдѣствіемъ чего быть арестъ и затѣмъ судъ по тогдашнимъ законамъ за бродячество. Говорятъ, что необыкновенно симпатичная наружность этого человѣка, добродушное выраженіе лица его, изящные манеры, умѣніе говорить и проч., обнаруживши въ немъ хорошее воспитаніе и какъ бы знатное происхожденіе, вызвали общее сочувствіе и состраданіе; были употреблены всѣ мѣры уговорить его открыть свое настоящее званіе и происхожденіе, но всѣ упѣшанія къ гуманнымъ попыткамъ въ этомъ отношеніи оказались тщетными, и неизвѣстный упорно продолжалъ называть себя бродягой.

Въ томъ же году, Феодоръ Кузьмичъ, какъ бродяга, былъ наказанъ 20-ю ударами плетей, высланъ въ Красноуфимска на поселеніе въ Сибирь, въ Томскую губернію, близъ г. Ачинска, и принесенъ въ деревню Зернамъ, Боготольской волости (въ то время округа), куда и прибылъ съ 43-ю партіею 26-го марта 1837 года.

Во время этого длиннаго съедованія этакимъ порядкомъ по сибирскимъ дорогамъ, Феодоръ Кузьмичъ своимъ поведеніемъ, услугливостью и заботливостью о слабыхъ и больныхъ арестанткахъ, теплыми бесѣдами и утешеніями расположилъ къ себѣ всю партію арестантскихъ путешественницъ и, выманившись изъ свободы съ икотами изъ своихъ товаровъ по пути, положилъ залогъ своей будущей популярности.

Изъ сообщений лишь, хорошо знающихъ Феодора Кузьмича, напримѣръ, архимандритъ Алексѣевскаго монастыря: о. Лазаря, о. Виктора, иѣкоторыхъ монаховъ и др., болѣючи можно сказать приблизительно слѣдующее описание его наружности: ростъ его былъ выше средняго, около 2 ар. 9-10 в., плечи широки, грудь высокая, глаза голубые, ласковые, лицо чистое и замѣчательно блѣло, волосы на головѣ кудрявые, борода длинная, разумѣется, неизвѣстного

внушася, совершенно сѣда, вообще черты лица чрезвычайно правильныя, краснѣлъ и симпатичны. Характеръ добрый и мягкий, немного вспыльчивый, но въ общемъ скорѣе флегматической.

Костюмъ его состоялъ обыкновенно изъ длинной, грубой, толстой холщевой рубахи (только въ двухъ экземплярахъ, подпоясанной тонкими ремешками или перевѣсочкою, такихъ же штановъ, 3-4 паръ бѣлыхъ бумажныхъ чулковъ, ежедневно сѣбѣнѣвшихъ, и обыкновенныхъ кожаныхъ туфель. Сверхъ рубахи надѣвалъ онъ иногда длинный темно-синий суконный халатъ, а зимою старую сибирскую доху съ облитой шерстью.

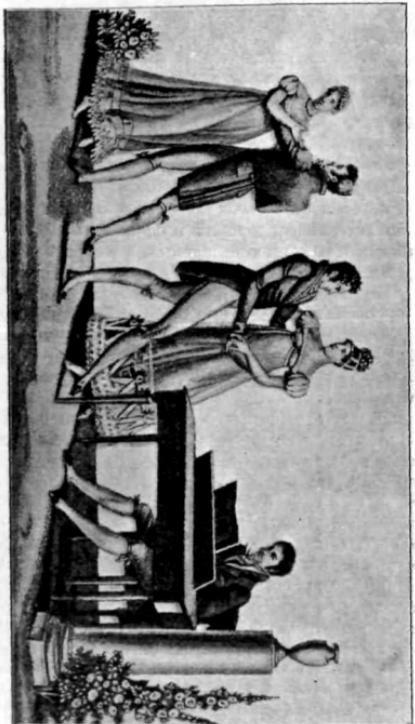
Несмотря на такой неизвѣстительный гардеробъ, одежда на немъ была постоянно чистая, вообще старѣть было чрезвычайно аккуратно, держать себѣ и свою келью въ подражаніи чистотѣ вѣнчала на него именитость вообще никакого безпорядка.

Первое время по прибытии въ Сибирь Феодоръ Кузьмичъ былъ помѣщенъ на существовавшей тогда казенней Краснорѣчинской винокуренной заводѣ, въ двухъ verstахъ отъ села Краснорѣчинского, Боготольской волости, где и прожилъ около 5-ти лѣтъ, не употребляемый и порочимъ ни на какій принудительной работы.

Говорятъ, что обходилась съ нимъ вообще очень хорошо, смотрѣтель любилъ его и доставлялъ ему все необходимое, а прочие служащіе и рабочіе относились къ нему съ особою заботливостью.

Около 1842 года одинъ изъ сосѣднихъ жителей, юристъ кнзакъ Семенъ Николаевичъ Салоровъ, замѣтилъ въ старѣй желание удалиться куда-нибудь подальше отъ народа, построилъ около своего дома въ Бѣловарской станицѣ, находившейся въ нѣсколькохъ verstахъ отъ села Краснорѣчинского въ сторону къ Ачинску, небольшую избушку и уговорилъ старца переселиться къ нему, на что онъ и согласился очень охотно. Узнавъ объ этомъ, крестьяне сосѣднихъ деревень наперебой начали заманивать къ себѣ старца, предлагали ему большие удобства, очевидно съ расчетомъ имѣть около себя сѣдующаго человѣка и добродѣстваго руководителя. Простыѣ эти, не давая ему покоя, заставили его, проживть нѣсколько мѣсяцевъ въ Бѣловарской станицѣ, пересѣхъ въ деревню Зернамъ, т.-е. поселиться на мѣстѣ своей приниски. Въ этой деревнѣ Феодоръ Кузьмичъ, несмотря на

приглашениі нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, прожилъ цѣлую зиму въ избѣ одного добродушнаго и скромнаго по-

селенца Ивана Иванова, только что отслужившаго срокъ въ каторжныхъ работахъ, человѣка семейнаго и очень бѣднаго, но съ болѣшимъ радушіемъ принялъ старца въ свою хижину.

Замѣтивъ, что жизнь въ общей избѣ видимо тяготить старца, Иванъ Ивановъ предложилъ крестьянамъ устроить ему отдельную келію, гдѣ-нибудь возлѣ деревни, что и было общими силами тотчасъ же очень охотно, по указанію самого старца, изъ старого овечьяго хлѣба для него сдѣлано.

Надо замѣтить, что въ Сибири лѣсъ вообще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не имѣть никакой цѣнности, слѣдовательно постройка такихъ келій кромѣ затраченнаго труда не представляеть никакихъ затруднений и материальныхъ ущербовъ.

Въ этотъ періодъ времени Феодоръ Кузьмичъ часто посещалъ сосѣднія деревни, нерѣдко гостила въ Бѣляевской станицѣ, а однажды лѣтомъ ушелъ въ Енисейскую тайгу на золотые пріиски Попова и проработалъ на нихъ нѣсколько мѣсяціевъ въ качествѣ простого рабочаго. Поповскими пріисками управлялъ тогда извѣстный впослѣдствіи всей Сибири золотопромышленникъ Асташевъ, обратившій вниманіе на старца и отзывавшій о немъ съ большимъ уваженіемъ.

По возвращеніи съ пріисковъ, старецъ окончательно поселился во вновь устроенной келіи въ Зерцаловѣ и прожилъ въ этой деревнѣ около 6-ти лѣтъ, постоянно навѣщающей сосѣднія.

Въ 1849 году одинъ богатый и богообразній краснорѣчінскій крестьянинъ Иванъ Гавrilovich Латышевъ, пользовавшійся всеобщею любовью за свою доброту, устроилъ около своей пасѣкѣ на живописномъ мѣстѣ, верстахъ въ двухъ отъ Краснорѣчінскаго внизъ по рѣкѣ Чулунъ на самомъ берегу рѣки новую маленькую келійку и переманилъ къ себѣ получившаго уже общую извѣстность богомольнаго старца.

Съ этого времени личность Феодора Кузьмича начинаетъ уже привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, а таинственные посѣщенія, внезапные пріазды къ нему какихъ-то господъ возбуждаютъ всеобщее любопытство и разнаго рода догадки относительно его происхожденія. Никакихъ, однако, серьезныхъ намековъ на будто бы царственное происхожденіе его, какъ увѣряетъ В. Долгоруковъ, ни Феодоромъ Кузьмичемъ, ни его окружающими въ это время не дѣжалось, и народная молва считала его какимъ-то сосланнымъ или добровольно оставившимъ свой постъ митрополитомъ, хотя весь его образъ жизни не заключалъ въ себѣ ни одной характеристической черты, по которой можно было бы предположить принадлежность его къ духовному званію.

Самъ онъ всячески избѣгалъ разговоровъ о своемъ происхождении и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ самонадѣяния. Ни пасаревичемъ Константиномъ, ни Александромъ въ некѣмъ именѣ не называлъ онъ себѣ, и отъ предлагавшихъ вопросовъ старался всячески уклоняться.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Сибири вообще мало интересуются первоначальной исторіи вновь прѣбывающаго. Русское коренное население ведетъ свою исторію въ болѣнистѣ слушая отъ ссыльныхъ предѣловъ, и въ народѣ, какъ бы изъ деликатности, установился традиціонный обычай не берѣть тогда только что замѣченія въ этомъ отношеніи семейныхъ раны. Отромое количество неноминированныхъ родства броютъ разныхъ званий постоянно поддерживаетъ этотъ обычай въ сибирскомъ населеніи, привыкшемъ оцѣнивать всякаго прѣбывающаго члѣвника, не касаясь его исторіи, весьма мало интересуется такими броягами. Всикіе намеки даже и на очень высоокое происхождѣніе и отмѣнную когда-то дѣятельность принимаются въ Сибири съ чрезвычайною критикою и при томъ съ необвишеннемъ равнодушіемъ.

Нужно поэтому обладать рѣкими качествами и иметь за собою достаточно блестящее прошлое, чтобы возбуждать въ Сибири всесобщее вниманіе и уваженіе. Даже въ наше время въ встрѣтѣ не мало бывшихъ севастопольскихъ героявъ, отставныхъ генераловъ изъ полковничихъ николаевскихъ шинелей со каштанами, разстраженныхъ архимандритами, склонившихъ съ жизненного пути предводителей и представителей различныхъ обществъ и учрежденій и массу другахъ всенозможнаго рода болѣе или менѣе значительныхъ кабинетныхъ и государственныхъ дѣятелей, изѣбившихъ въ свое время и власть и положеніе, но теперь, такъ сказать, политически совершенно умершихъ и утратившихъ всякое общественное значеніе. Если они и находятъ еще иногда слушателей, то бесѣды ихъ заключаются въ себѣ только гордымъ воспоминаніемъ минувшаго или бесцѣнными ожесточенными проклятиями своей судьбы въ несбыточному ихъ способности и плодотворные труды человечеству. Почти все они отживаютъ зѣбѣ вѣкъ своей всѣми забытыми и оставленными, и сибирскія вѣлы замѣтаютъ сѣкыя якъ прежней дѣятельности...

Личность Феодора Кузьмича, помимо своего происхождѣнія, заслуживаетъ уже серьезнаго вниманія, какъ продуктъ религиозныхъ движений началь XIX столѣтія. Онъ не имѣтъ ничего общаго съ типомъ старинныхъ юродствующихъ об-

личителей, или пессимистическими религиозными мистиками, въ разѣ, напримѣръ, Феодосія Лепицкаго въ ему подобныхъ, но проявляющая никакихъ богословскихъ теорій и не выказывающая никакихъ признаковъ принадлежности къ сектантству или миссионскимъ ложкамъ въ побѣбѣ, какъ видно, обнаруживающая вполнѣ современное отношеніе къ религиознымъ учченіямъ. Хромовъ, изъ дома котораго умеръ Феодор Кузьмичъ, причисливъ его къ лику святыхъ, исказилъ его личность склонностью записывать до изумрудаемости, и съ помощью всевозможныхъ странниковъ распространялъ интересныя, только въ изученіи съ психологической стороны натуры самого Христова повѣствованія о немъ дающія за предѣлами Сибири.

Феодор Кузьмичъ былъ дающій не тѣмъ сионистою и хамжею, какими изображаетъ его въ своихъ запискахъ услужливый Хромовъ.

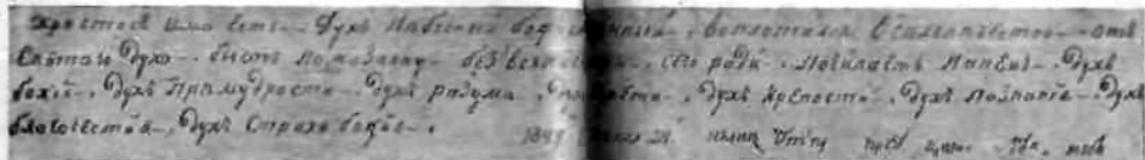
Получивший несомнѣнно высокое для тогданшаго времена образование, движимый гуманитарными идеями, чѣлѣніи и побужденіемъ, члѣвникъ этотъ, какъ видно, не мало потрудился въ выку своемъ на полпути дорогому его сердцу стечѣнію и до самой своей смерти не измѣнилъ своимъ уображеніемъ.

Изучая жизнь этого старца, невольно приходитъ на мысль: неужели этотъ разинт, съ такимъ богатствомъ знаній и тактичности, члѣвникъ не могъ въ то время занять соответствующее своимъ способностямъ место и не занять себѣничѣиъ особенными? Неужели онъ во цѣѣть совершилъ какое-нибудь преступление и принужденъ былъ, удалившись отъ мира, бродить по городамъ и селамъ великой империи, отсыпывая по монастырямъ временный прѣкотъ въ какую-нибудь пещу?

Но, повторяемъ, если отбросить все прошлое этого члѣвника, т.-е. всю его жизнь до прибытія въ предѣлы Сибири, то и тогда онъ заслуживаетъ зѣченіи памяти потомства, какъ одинъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ муравьевыхъ тружениковъ, неутомимо разбрасывавшихъ сѣмена гуманитарныхъ идей, въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ нашей великой родины. Нечего и говорить, какое огромное воспитательное значеніе въ средѣ неразвитой массы народа имѣютъ такие безкорыстные труженики, подавлены примеръ безупречной жизни и наглядно указывая на способы ея упорядочивания.

Переходъ изъ деревни въ деревню Феодор Кузьмичъ дѣлать все, что только можетъ дѣлать хорошо воспитанный

и образованный человекъ, поставленный въ необходимость жить въ массѣ неразвитого крестьянскаго населенія. Онъ училъ крестьянскихъ детей грамотѣ, знакомилъ съ священными писаніями, съ географію и исторію и во всемъ этомъ не было ничего тенденциознаго, превозличеніаго; всѣ сказкѣ и поученія, сообщаемыя имъ, всегда отличались правдивостью, глубоко врѣзывались въ умы учениковъ его и сохранились до сихъ поръ. Върослыхъ онъ указывалъ религиозными бесѣдами, занимательными рассказами изъ событий отечественной истории, изъ особенности о военныхъ походахъ и сраженіяхъ, при чёмъ, незамѣтно для себѣ самаго, вдавался иногда въ такие мелкія подробности, напримѣръ, въ эпизодъ войны 1812 года, что возбуждалъ общее недоумѣніе даже среди лицъ, сравнительно развитыхъ, какъ-то: мѣстного духовенства и некоторыхъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ ссыльныхъ.

Фотография изъ собрания Кулька.

Такое пониманіе человѣческой природы и въ особенности духовной стороны ея въ связи съ необыкновеннымъ даромъ слова позволяли ему испытывать душевные недуги, подыскивать и указывать стабильнымъ сторонамъ человѣка, угадывая никогда тайные намѣренія, что въ связи съ его образомъ жизни, умѣніемъ обращаться съ болѣдыми, облегчать ихъ страданія и проч., въмѣсилъ это въ глазахъ простого народа и возбуждало о немъ воспѣвѣніе, какъ о великомъ угоднике Божиемъ, всевозможные толки засекло за предѣлами его местопребыванія. Кроме того, онъ обиравливалъ не малое значеніе крестьянской жизни, отдавалъ предпочтеніе землемѣдѣльцамъ, здѣсь пѣнцамъ сельско-хозяйственнымъ указаниямъ относительно выбора и обработки земли, устройства огородовъ и всякаго рода пособій. Говорилъ о значеніи землемѣдѣльческаго класса въ государственномъ строѣ, знакомилъ кресть-

янъ съ ихъ правами и обязанностями, училъ уважать власть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, низводилъ величие государственныхъ authority до степени обманчиваго человѣка.

«И пари, и полководцы, въ армії — тамъ же люди, какъ и вы, — говорила онъ, — только Богу угодно было однажды надѣлить властью великую, а другимъ предназначить жить подъ ею постоянно покорительствомъ».

Отношения его къ окружавшимъ великолѣпно гармонировали съ подобными взорвѣніемъ; онъ никогда не отказывалъ предпочтенію знанію, и оцѣнивалъ человѣка по его личнымъ качествамъ.

Частная жизнь Феодора Кульмича отличалась особою строгостью, правдивостью и воздержаніемъ. Обстановка всѣхъ его изъмѣнъ келій указывала на крайнюю неприхотливость самого хозяина. Жесткая постель, даѣтъ или три скамейки и небольшой столикъ — составляли всю его

мебель. Въ правомъ углу висѣло нѣсколько образовъ: Петерской Божией Матери, изъменъ образовъ Александра Невскаго и др.; кроме того, онъ вѣшалъ въ этомъ углу нѣкоторыя картины религиознаго содержанія, приносимыя ему разными странниками, но выбиралъ изъ нихъ только болѣе приличныя и осмыслимые по содержанію, напр., виды монастырей, портреты митрополитовъ и свангельскій притча. Никакихъ изображеній «страшнаго суда», «семи смертныхъ грѣховъ» и имъ подобныхъ у него не было, и это до нѣкоторой степени указываетъ на его умственное развитіе. На стѣнѣ стояло небольшое распітие, лежало Евангеліе, а также Живоначальную Троицу, Псалтиры, изъменъ Киево-Печерскаго молитвенника и небольшая книжка подъ заглавіемъ «Семь словъ на Крестѣ Спасителя». Никакихъ дубочувственныхъ изданій и жизнеописаній святыхъ отпюи онъ не имѣлъ.

у себя, и отзывался о большинстве из них, даже о сожженных, недостойных сердечного внимания.

По имеющимся данным можно заключить, что Феодор Кузьмич имел обширную переписку с разными лицами, через различные страны и постоянно получать всякого рода сведения о положении дель в России, но тщательно скрывая от посторонних чернила и бумагу.

Всегда Феодор Кузьмич очень рано в все свободное время посвящался, бирюзой, молитвам. Никто, однако, не знал, когда она молился, потому что двери его кельи были постоянно заперты; только послѣ смерти коллеги его оказались покрытыми толстыми мозаиками, что заставляло предполагать продолжительное и усердное стояніе на них.

Пишу она принимала самую скучную; ею обѣй со стокъ из сущихъ сухарей, намоченныхъ изъ обжигаемой водѣ, для чего изъ нѣлья ею постоянно находился маленький тужокъ (разъ большой кружила изъ берестовой коры, — весьма распространенная по Сибири посуда) и деревянная ложечка. Почтители Феодора Кузьмича почти единодушно приносили ей пищу, а въ особенности по праздникамъ, заливавши пирогами, лепешками и т. п. Старецъ скромно принималъ все это, но, отѣзгавъ немножко, оставалъ, какъ онъ выражался, для «гостей» и раздавалъ затѣмъ заходившимъ къ нему бродягамъ и странникамъ. Страго соблюдала посты, онъ никогда, однако, не рисовалъ этии. Однажды, одна изъ его почтительницъ принесла ему жирный пирогъ съ мясомъ (кусокъ сибирской рыбы) и выразила сомнѣніе въ томъ, будетъ ли онъ его кушать.

«Отчего же не буду—воздоржалъ ей на это старецъ—я вовсе не такой постыдъ, за какого ты принимаешь меня! Вообще же съ не бремягаль никакую пищу и производилъ объявлению изъѣстное евангельское выражение, что всякую предлагаемую пищу сѣбяуетъ принимать съ благодарностью; хотя и просилъ постолинъ, чтобы ему не приносили никакихъ яствъ, такъ какъ онъ уже давно отвыкъ отъ жирной и съдѣйки пищи. Феодор Кузьмичъ не отказывался даже отъ мяса, но, что его очень немножко, очевидно, только для виду, а [изъ особенности любилъ жареные олады съ сахаромъ. «Отъ такихъ оладъ и samtъ бы сыръ не отказался!»—говорилъ онъ, когда ему стряпали ихъ.

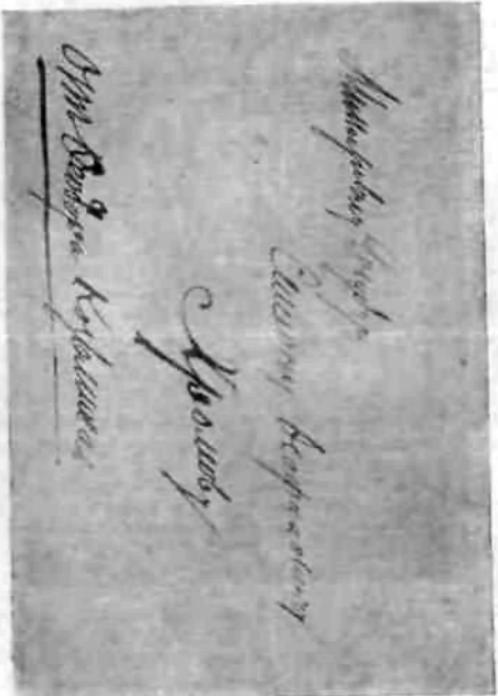
Наѣзная своякъ любимецъ, онъ не отказывался ни отъ какого угощенія, скотинъ пили чай, выпивши только два ст-

ака, но до зина никогда не дотрогивался и строго порицалъ пьянство.

У себя въ кельи Феодор Кузьмичъ правилъ всѣхъ приходившихъ къ нему за событіями и рѣдко отказывалъ кому-нибудь въ приемѣ. Денегъ онъ ни съ кого никогда не бралъ и не имѣлъ ихъ у себя. Всякаго рода событія давалъ, разумѣется, безвозмездно и разговаривалъ съ неизвестными всегда стоя или прокаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, держа обнаженные руки на бедрахъ, или придерживая одною изъ нихъ грудь. Съ некоторыми, въ особенности съ бродягами и странниками, бесѣдовалъ иногда подолгу, а иныхъ оставлялъ ночевать у себя. Персоналу службу Феодор Кузьмичъ посыпалъ очень аккуратно, всегда становился на правой сторонѣ поближе къ двери. У себя въ сель, несмотря на свою религиозность, онъ никогда не ходилъ къ иконостасу и причастию, чѣмъ и возбудилъ бѣзъ къ себѣ негодованіе мѣстнаго духовенства. На неоднократныя предложения священника приступить, онъ отвѣчалъ обыкновенно: «Господь устоитъ мени признать эту пищу!» Вноса славѣ же оказалось, что Феодора Кузьмича былъ постоянный духовникъ—протоиерей Красногорской кладбищенской церкви отецъ Петръ, членъкъ очень хорошей жизни, получивший хорошее образование, горючъ любымъ своему наставнику. Священникъ этотъ забѣжалъ къ старцу разъ два—три въ году, иногда болѣтель оставался у него, бесѣдовалъ съ немъ съ крестиками и утонаривалъ ихъ относительно къ старцу съ особеннымъ уваженіемъ, такъ какъ это былъ, по его словамъ, «великий угодникъ Божій». Его личные отношенія къ Феодору Кузьмичу ограничивались единственнымъ принятиемъ него исповѣди.

Рассказываютъ, что мѣстный священникъ, не видя его у себя на духу, первое время относился къ нему очень не-дружелюбно, предостерегая крестьянъ и ссыпту имъ держаться подальше отъ старца-раскольника. Однажды, выведенный изъ терпѣнія хладнокровиемъ и упорствомъ, съ которыми Феодор Кузьмичъ отказывался принять отъ него причастіе, священникъ назвалъ его при всемъ народаѣ «безбожникомъ». Въ тотъ же день священникъ этотъ почувствовалъ себѣ очень плохо и къ вечеру слѣдъ въ постель. Призванный изъ Ачинска врачъ обвинилъ его безнадежнѣнъ. Тогда, по событію односельчанъ, семейство священника обратилось къ Феодору Кузьмичу и со слезами стало просить его

помочь икъ горю. Старецъ, осмотрѣвъ болѣнаго, сѣдалъ ему строгое внушеніе, какъ нужно относиться къ людямъ, которые никому не дѣлаютъ никакаго зла, и какъ осторожно слѣду-

По большинству праздниковъ, послѣ обѣда, Феодоръ Кузьмичъ находилъ обыкновенно къ двумъ старушкамъ, Маріи и Марѣ, и пиль у нихъ чай. Старушки эти жили ранѣе около Печерскаго монастыря, Новгородской губерніи, между Изборскомъ и Поконевъ, занимаясь огородничествомъ. Сосланыя въ Сибирь своими господами (имъ именно—изѣльѣство) за какую-то прозвѣтность, пришли со старцемъ въ одной партии. Въ день Александра Невскаго въ этомъ домѣ приготовлялись для него прогулки и другія деревенскія яства. Старецъ проводилъ у нихъ все послѣдованіе время и вообще, по сообщеніямъ живущихъ его, весь этотъ день былъ необыкновенно веселъ, вспоминаль о Петербургѣ и въ этихъ воспоминаніяхъ проглядывало нечто для него родное и задушевное.—Какіе торжества были въ этотъ день въ Петербургѣ, рассказывала она, стѣрзали изъ пушекъ разыгравшися ковы, вечеромъ по всему городу было освѣщеніе и общая радость наполнила сердца человѣческія...

Вообще знамѣ петербургской придворной жизни и этикета, а также событий начала и конца прошлаго столѣтія она обнаруживала необычайное; знать всѣхъ государственныхъ деятелей и высказывала иногда довольно извѣстныя характеристики ихъ. Съ большими благоговѣніемъ отзывалася она о митрополитѣ Фазаретѣ, архимандритѣ Фотіи и др. Рассказывала объ Аракчеевѣ, его военныхъ поселеніяхъ, о его дѣятельности, вспоминала о Суворовѣ, Кутузовѣ и пр. Про Кутузова говорила, что онъ былъ великий полководецъ и Александръ записывалъ ему. Всѣ подобные воспоминанія и сужденія о людяхъ имѣли характеръ, если можно такъ выразиться, како-то объективный, въ силу чего неразличимъ народъ присваивалъ ему какую-то возышенную способность смотрѣть на вещи съ како-то необыкновенной, непонятной для нихъ точки зрѣнія. Замѣчательно, что Феодоръ Кузьмичъ никогда не упоминалъ обѣ императоры Павѣлъ I и не касался характеристиками Александра Павловича. Только события, тѣсно связанные съ именемъ этого императора, неизбѣжно должны были вызывать въ немъ искренніе сужденія. «Когда французы подходили къ Москвѣ,—рассказывала Феодоръ Кузьмичъ,—императоръ Александръ принялъ къ воинамъ Сергея Радонежскаго и долго со слезами молился этому уголнику. Въ это время она услышала какъ будто бы внутренний голосъ сказать ему: «Иди, Ал-

исандъ, дай полную волю Кутузову, да поможетъ Богъ изгнать изъ Москвы французовъ!.. Какъ Фараджъ погрѣхъ въ Черномъ морѣ, такъ и французы на Береговой рекѣ. «Когда Александръ,—рассказывалъ въ другой разъ старецъ,—ѣхалъ изъ Парижа, купцы устилали дорогу сукномъ, а купчиши рѣшили богатыми шалими, и ему это очень понравилось». Подобныхъ рассказовъ сохранилось не мало въ изданіи памяти.

Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ въ деревнѣ Зернѣахъ жилъ другой богословъ сподвижникъ, старецъ Даниилъ († 1843 г., въ Енисейскѣ), изъ сосланныхъ солдатъ, помазавшійся также иссѣбшимъ уніженіемъ. Феодоръ Кузьмичъ нѣрѣдко заходилъ въ бытность Даниила въ Зернѣахъ, въ эту деревню, но, какъ говорятъ, никогда не встречалась съ нимъ и не имѣлъ съ Данииломъ ничего общаго. Послѣ смерти этого старца, крестыне деревни Зернѣахъ, предполагая изъ Даниила великаго угодника Бож资料, выстроили на томъ мѣстѣ, где жила и молилась старенка, каменную часовину, а черезъ нѣсколько лѣтъ соорудили, вместо нее, церквь. Феодоръ Кузьмичъ заботливо посыпалъ эту часовину и старался не заглушать въ народѣ добрую память о Даниилѣ. Когда ему показали печатное жизнеописаніе Даниила, онъ выразилъ такимъ образомъ:

«Даниилъ былъ человѣкъ святой жизни и рѣдко кто могъ понимать его; книжка же эта составлена (все разумѣ) не хорошо и неумѣло». Вноглѣдѣтъ, когда какой-то священникъ называетъ Феодора Кузьмича ученикомъ Даниила, онъ возразилъ на это: «Даниилъ не писалъ учениковъ, да и не могъ никого учить, потому что онъ былъ малообразованъ и едва грамотенъ!»

Оставивъ въ 1857 году кавенгда селеніе Зернѣахъ, Феодоръ Кузьмичъ пересѣкъ изъ своей избы въ часовину образъ Печерской Богородицы Матери и Евангелия. Въ день отъѣзда приставилъ нѣсколько крестинъ въ часовину и, по окончаніи молебна, поставилъ въ эту часовину раскрашенный разноцветными красками кензель, изображавший букву А, съ короною надъ нею и летящими голубками вмѣсто перечерка.

«Храните этотъ венецъ пуще своего глаза», сказали они при этомъ зернѣахскимъ крестьянамъ — и буква эта до сихъ поръ хранится въ часовинѣ, помѣщаясь за поставленнымъ Феодоромъ Кузьмичемъ образомъ Печерской Богородицы Матери.

Во все время пребыванія Феодора Кузьмича на пасѣкѣ Латышева 1845—1851 года народъ пѣмыми толпами осаждалъ его со всевозможными просьбами. У одного забѣльть короба, у другого пропасти лошади, у треть资料го приключилось еще какое-нибудь несчастіе и старецъ съ больною охотою наѣзжалъ изъ каждого сюмки съ событіями.

Замѣтилъ, что слухи о немъ распространяются все дальше и дальше, правдивая несѣмѣная почтительности людя, иногда даже изъ простого любопытства посмотрѣть на удивительного старца, Феодоръ Кузьмичъ сажалъ, не склонивъ никому, кроме Латышева, скрылся въ тайгу и, побродивши въ ней нѣсколько времени, выбралъ себѣ около деревни Коробейниковой, находившейся въдастахъ въ югъ отъ Краснорѣчинска къ сѣверу, въ самой тайгѣ, удобное мѣстечко и попросилъ Латышева перенести туда свою избы.

Мало-по-малу народъ узналъ, однако, новое мѣстопребываніе своего любимаго старца и снова началъ осаждать его разными просьбами. Не находя, очевидно, никакогодругого исхода и требуя соответствующаго лѣтамъ своимъ покоя, Феодоръ Кузьмичъ стала чаше запирать свою избушку и поускать изъ нее только нѣкоторыхъ, большинству же сталь или вовсе отказывать въ приемѣ или принимать и разговаривать съ посѣтителями на улицѣ; изъ этой первоѣ времени онъ иногда по пѣмымъ дниамъ просиживалъ изъ своей избы и совершилъ уже не показывалъ посѣтителямъ.

Проживши около Коробейникова три года (1851—1853 г.г.), онъ снова перѣѣхалъ на Красную рѣчку, прѣимѣстъ Латышевъ устроилъ ему на сторонѣ отъ дороги, изъ самой горѣ, нальбровью, въ густомъ кустарнике, новую избушку. Эта келійка была посѣдѣніемъ его хижину въ этой мѣстности. Здѣсь онъ продолжалъ вести такую же затворническую жизнь и только рѣдко стала посѣщать соѣзды деревни. Очевидно, расплатившись съ нею, онъ не позволялъ ей уже совершать дальнѣихъ прогулокъ и отнимало возможность работать физически. Окруженный истинными почитателями, старенка, по-видимому, тяготился приобрѣтеніемъ имъ популярности и всячески старалась укрываться отъ новыхъ посѣтителей. Особеннымъ расположениемъ его пользовались только немногие. Изъ християнъ онъ изъ особенности любилъ бывшаго своего хозяина въ Зернѣахъ Ивана Иванова, избака Семена Николаева Сидорова, крестынинадеревни Коробейниковой Ильи Яковлевы Коробейникова, жену его Елену Степанову и

и особенностями маленькой дочь их Феодору, затем Ивана Гаврилова Латышева, сына его Архипа Ивановича, крестьянина Ачинского округа деревни Мазули Ивана Федотова Ермакова, дочь его Мары Ивановны и маленького сына, которого, между прочим, научил из 3 месяца грамоты. Изъ больше или менѣе высокопоставленныхъ лицъ изъ этого времени лучшимъ его другомъ былъ преосвященный Алексий Иркутский, неоднократно заѣзжавший къ нему изъ Иркутска, останавливавшись иногда въ его кельѣ по несколько дней сряду, и затѣмъ протоиерей о. Петръ, какъ сказано выше, духовникъ его. Лучшимъ, однако, другомъ его, или, лучше сказать, единственнымъ человекомъ, котораго она окружала особою отеческою заботливостью, обращаясь съ нимъ, какъ съ родными дѣтьми, была одна молодая девушка, дочь бывшаго красноярскаго крестьяниня Александра Никифоровна, известная подъ именемъ всему Томску подъ именемъ «майорши Федоровой».

Александра Никифоровна родилась въ 1837 году, въ сѣль Красноярчинскомъ, и, рано лишившись родителей, попала подъ покровительство яѣтаго священника о. Поликарпа. Находясь постоянно при церкви, она скоро стала очень религиозной, а привородный умъ, мягкое сердце и необыкновенная отзывчивость съ самыи раннихъ лѣтъ требовали искренно отдаваться служению на пользу ближнаго.

Ее было около 12 лѣтъ, когда она въ первый разъ увидѣла необыкновенного старца Феодора Кузьмича. Толки о его строгой подвижнической жизни, чудодѣйственной силѣ, величественной фигурѣ, общее къ нему уваженіе, какъ-то неизбѣжно заставляли ее смотрѣть на него, какъ на нечто высокое, таинственное и недосыпаемое.

Мало-по-малу чувство это перешло въ склонное, безошибочное почитаніе и лѣтскаго любовытво, коѣздило желаніе познакомиться съ нимъ. Нерѣко видела она Феодора Кузьмича, работавшаго въ огородѣ имѣстъ съ крестильскими девушкиами или окруженнаго толпою крестьянъ, внимательно слушавшихъ его поучительныя бесѣды, и каждыи разъ непреодолима сила влекла ее къ нему поближе, ей хотѣлось послушать этого доброго старика, сдѣлать ему какое-нибудь уважительное или просто поболтать и прислѣдовать къ нему, но братья непускали ее, говоря: «Нечего тебѣ болтать его, онъ съ тобой и говорить не станетъ».

Проходя какъ-то изъ лѣсу съ коринтою брусики на мако съѣзднаго огорода, увидѣла она къ пѣсковатымъ пагахъ отъ себя конюшаго каргофель старца и не утерпѣла, быстро перепрыгнувъ черезъ заѣздъ, она подбѣжалась къ нему, и, какъ она рассказывала, съ какимъ-то затѣженіемъ сердечнымъ трепетомъ протянула свою коринточку съ словами: «Не хочешь ли, девушка, жадонъ?»

Старичокъ тотчасъ поднялъ голову, подошелъ къ сѣйшей девочкѣ и въ добрыхъ глазахъ показались слезы умиленія, они наклонились къ ней, и она обняла руками ея головку и поцѣловала въ лобъ.

«Садись, девчонка... развѣ ты не боишься подходить ко мнѣ, иль тебя за это бранить будутъ...»

— «Пускай бранятъ, девчонка, я васъ полюбила, ягодка принесла, я давно хотѣла убѣжать къ наѣмъ, да все боялась—говорила, ласкаясь къ нему, девчонка».

Старикъ опять поцѣловалъ ее въ лобъ, а приласкалъ ее, и всѣдѣлъ приходить къ живущимъ на заводѣ звѣзда соединеннымъ старушкамъ Аннѣ и Марѣ, у которыхъ она бывала довольно часто.

Съ этихъ поръ Александра Никифоровна безотчетно отдавалась добруму старичку и сѣдалась тѣмъ первою любимицею. Шамыши пронозила она у него, исполненіе его поручения, сопровождало его во время прогулокъ, чинила его пласти, а иносѣдѣнія, когда старецъ несколько лѣтъ жилъ въ Зернодѣлѣ, наѣдала его и тамъ почти ежедневно, но тутъ около его кельи, и несомнѣнными способами оказывала ему свое расположеніе.

Рассказы о монахѣ въ Россіи, о святыхъ мѣстахъ, монастыряхъ, величии подвижникахъ и богатствахъ лавръ совершиенно вскружили голову молодой девушки. Въ болѣе Кузьмичъ рѣшительно всѣ монастыри и лавры и рассказалъ о нихъ стояніи подѣбностинъ и такъ увлекательно, что Александра Никифоровна во что бы то ни стало порѣшила въ своемъ умѣ отправляться странствовать по Россіи. Родные братья ни за что не хотѣли отпускать ее изъ родной семьи и, чтобы измѣнить ея намѣреніе, стали подыскивать ей подобную партию. Настроенная на религиозный ладъ, она настѣрѣ отказалась отъ мысли о замужествѣ.

Феодоръ Кузьмичъ окандалъ ей въ этомъ отношеніи не малую подвергну: «Ногоди, говорилъ онъ ей, успѣніе сине

выйти замуж, тебе не годится оти женщих, ты исправимо
выдешь замуж за какого-нибудь офицера».

Дьячиха, привыкшая безпрекословно подчиняться своему покровителю, еще более утвердилась в своих намерениях и, воодушевляемая рассказами старца, однажды категорически заявила о своем неприменимом желании отправиться по сияющим местам на богомоление; тогда ей было уже более 20 лет от роду.

Феодор Кузьмич составил ей подробный план путешествия, она отмельтила монастыри, в которых она должна побывать во время своего странствования, указав на лиць гостепримные приимкалии страников, назывши все возможными съездами и в 1849 году благословила свою любимицу на дальнее странствование... Какъ бы мнѣ увидеть въ Россіи пары, спрашивала Александра Никифоровна старца Феодора Кузьмича, собираясь на дорогу и распрашивала его о разныхъ высокопоставленныхъ лицахъ.

«А разве тебѣ хочется видѣть пары?»

— «Какъ же, батюшка, не хочется, все говорятъ, пары, пары... какой онъ изъ себя — я не знаешь».

«Погоди, — вздумчиво заметилъ ей на это старецъ, — можетъ быть и не одного пары изъ своемъ вѣку увидать придется, Богъ ласка и разговаривать еще со мною будешь и увидишь тогда, какіе пары бывають».

Много пришлось Александрѣ Никифоровнѣ испытать разныхъ передрягъ и дорожныхъ приключений, прежде чмъ она добралась, наконецъ, до Почаинского монастыря, где, по указанію Феодора Кузьмича, должна была встрѣтить какую-то добрую и гостепримную графиню».

Разбросавъ кое-кого изъ местныхъ жителей, бойкай хвастуха очень скоро отыскала эту графиню и, заинтересовать ее своимъ грандиознымъ странствованіемъ въ такія молодыя лѣта, расположила къ себѣ добрую женщину. Графиня эта, какъ оказалось впослѣдствіи, была жена известнаго въ свое время богомольца графа Дмитрия Ерофеевича Остенъ-Сакена.

Проживши нѣсколько дней въ Почаинскомъ монастырѣ, Александра Никифоровна выѣхѣть съ графинею Остенъ-Сакенъ отправилась въ Кременчугъ, гдѣ Остенъ-Сакенъ жилъ въ это время со своимъ семействомъ и лѣчился отъ полуничной имъ въ Венгрии рани. Графъ и его семейство съ большими разрушеньемъ принесли молодую странину и съ до-

бочетыньемъ распрашивали ее о сибирской жизни и вскорѣ она пріобрѣла себѣ изъ этого дома общую любовь, и гости-примынныя хозяева уговорили ее погостить у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сибирскую гостью угощали, чмъ могли, въ обществѣ, собирающемся у графа, забавлялись ея быстроты повѣствованіями. Въ это время, тѣ-естъ осенью 1849 года, въ Кременчугъ прѣбылъ императоръ Николай Павловичъ и остановился въ домѣ графа Остенъ-Сакена. Цѣлые сутки Александра Никифоровна проягала подъ одною кровлю съ своимъ царемъ при самомъ лобродушномъ ею къ ней отношеніи. Государь, очевидно, заинтересовался молодою богомолькою и возможностью познакомиться, благодаря ей еще ютской наивности, съ жизньюю обстановкою христіанскаго угла своего государства и задавалъ ею всѣхъ рода вопросами: «И сколько у нихъ потя за свадьбы беретъ, и какъ себѣ девушки ведутъ? — рассказывала она, — и чмъ народъ занимается, и что есть, и многое кое о чмъ разспрашивала, и все въ ему спроста-то поражавшася, а она (тѣ-естъ государь и графъ) слушаютъ, да смыются. «Вотъ, — говорятъ государи Остенъ-Сакену, — какая у тебя смѣлая гостья-то пріѣхала». — «А чего же мнѣ, говорю, бояться, со мною Богъ, со святыми молитвами великии старецъ Феодор Кузьмичъ, а вы вѣтъ такие добрые, ишь какъ меня угощаете». Графъ только улыбнулся, а Николай Павловичъ какъ бы насунулся.

Уланка, Николай Павловичъ приказалъ Сакену дать Александру Никифоровнѣ записку-пропуска, сказавъ ей: «если ты будешь въ Петербургѣ, заходи во дворецъ, покажи ту записку и никѣ не задержжатъ», — рассказалъ бы мнѣ о своей странствованіи, — присовокупилъ: если тебѣ въ чмъ будетъ нужда, обратись ко мнѣ, я тебѣ не забуду! (Записку она отъ Сакена получила, но въ ней наизуботи не имѣла).

Проживши около трехъ мѣсяцевъ въ домѣ графа Остенъ-Сакена и посѣтивши нѣкоторые затѣмъ съединя монастыри, Александра Никифоровна, въ 1852 году, веротилась на родину. Со слезами на глазахъ разсказывала она свое свиданіе съ ожидавшимъ ее съ петербургскимъ старцемъ. Долго обнимала мнѣ Феодор Кузьмичъ, прежде чмъ приступилъ ко мнѣ съ разспросами о моихъ странствованіяхъ, и все-то я рассказала ему, гдѣ была, что видѣла и съ чмъ разговаривала: слушала онъ менѣ со вниманіемъ, обо всемъ разспрашивалъ подробнѣ, а потому склонно задумался: смотрѣ-

рѣзь, смотрѣла я на него, разсказывать дальше Александра Никифоровича, да и говорю ему спорта: «Батюшка Феодоръ Кузьмичъ! Какъ вы на императора Александра Павловича похожи! Какъ и только это сказала, она весь въ лицѣ измѣнился, подняла съ мѣста, брови изумрились, да строго такъ изъ зева: «А ты почему знаешь? Кто это тебя научилъ такъ сказать мнѣ?» Я и испугалась, «Никто, говорю, батюшка, — это и такъ, спроста, сказала, я видѣла во всемъ ростъ портретъ Императора Александра Павловича у графа Остен-Сакена, мнѣ и пришло на мысль, что вы на него похожи, и такъ же руку держите, какъ онъ!» Ничего не сказала ей на это старецъ, повернулся только и вышелъ изъ другую комнату и, какъ она умѣла, обтеръ рукавомъ своей рубашки поглазиши изъ глазъ его слезы.

Дальше история Александра Никифоровича принимаетъ уже совершенно сказочный характеръ, напоминая собою сверхъмистерственный приключенья героями тысячи и одной ночи. Тѣмъ не менѣе достовѣрность дадѣйшихъ событий вполнѣ подтверждается неопровергаемыми фактами и заставляетъ только удивляться. Около 5 лѣтъ прожилъ Александъ Никифоровичъ възѧ старца, проложилъ по-прежнему окружить его юношью и безкорыстною заботливостью. Въ свою очередь и старецъ отдавалъ ей предпочтеніе передъ всѣми другими юношами, слѣдя за ней, какъ за родиной docheroю, и руководилъ всѣмы ея поступками. Это было нечто въ роляхъ идеальной любви убѣдленного сдѣланный старца къ молодой и прѣтущей незапятнанной людскими грязями юношой.

— «Погоди, успѣши еще выйти замужъ, — говорила она ей неоднократно, когда она сообщала ему о безпрестанно повторяющихся предложеніяхъ со стороны молодежи той деревни, гдѣ она жила. За твою добрую Богъ не оставитъ тебя и пары позаботится натрадить тебя за твое обо мнѣ помоченіе». То же самое говорила она къ монии братьямъ: «Не трогайте ее, она не останется на нашей шее и не будетъ нуждаться въ вашемъ хлѣбѣ, самъ царь наградитъ ее сною казною».

Въ концѣ 1857 года Феодоръ Кузьмичъ снова вызывалъ изъ неї желаніе отправиться изъ Ботомолье въ Россію, сно-ва указывая ей на мѣста, гдѣ она можетъ ожидать для себя особаго гостепріимства въ помощіи, и въ особенности упиралъ на то, чтобы она побывала въ Киево-Чигирской лаврѣ.

«Есть тамъ, говорилъ онъ ей, такъ называемыя пещеры, и живѣтъ въ этихъ пещерахъ великий подвижникъ Пароенъ (умеръ въ 1804 году) и еще одинъ старецъ Аланасій; живутъ они: одинъ изъ дахманъ, а другой въ близкихъ пещерахъ, отныне ихъ ты несврѣмѣнно, попроси ихъ помозиться за тебя, рассказалъ онъ о житіи своемъ. Въ особенности не забудь побывать у Пароенъ. Если она спроситъ тебя, почему ты пришла къ нему, скажи, что просить его благословенія, ходила по святымъ мѣстамъ и пришла изъ Красной рѣки; что бы не спрашивали тебя, говори ему чистую правду, потому что великий этотъ подвижникъ и угощаетъ Божій. А что, Сашенька, ты меня не боянешьъ?»

«Что же ми вась бояться-то, Феодор Кузьмичъ, мъль вы
лакомы ко миѣ всегда были, да и другиѣ-то никого не
обижаете!»

«Это только темпъ ясь тобой такой заскочый, а когда я былъ великъ разбойникъ, то ты, напрѣкое, испугалась бы мене!»

Въ толь разъ много говорилъ о Петербургѣ, парѣ и войнахъ, которые таѣ губить беззинній народъ!

И въ этомъ путешествии всѣ, на кого указывала ей Есодоръ Кузьмичъ, принимали съ особеннымъ гостепріимствомъ, указывали зазыбѣшій путь и ограждали отъ различныхъ случайностей. Въ Петербургѣ черезъ генерала (фамилию его она забыла) ей приходилось проѣзжать изъ Балашъ на одномъ пароходѣ съ покойною императрицей Маріею Александровной, которая, узнавъ сть своихъ фрейлинъ о томъ, что на пароходѣ находится молодая сибирячка, пригласила ее къ себѣ и долго разговаривала о Сибири.

Наконец, посля долгих странствованій добралась она и до Киева. Отстоявши утреню и вечерню въ лѣзѣ, отправилась она на склон и отыскала старца Пароеня. Схимникъ встрѣтилъ ее очень туромо, но узнавъ, откуда она, обласкалъ и благословилъ ее.

— «Здѣшъ тебѣ мое благословеніе, замѣтилъ онъ: «— когда у насъ на Красной Рѣчкѣ есть великий подвижникъ и угодникъ Божій! Они будуть стоять отъ земли до неба!»

После этих слов, о. Парфений долго разговаривал с ней об ее страстовании, изменившись и живя в Сибири, а затем спросил, долго ли она будет оставаться на Каме? Получив отвѣт, что желание не покидаст ее, чтобы поскорее добраться до родины, он сказал ей:

«Нечего тебе делать въ Сибири, оставайся здѣсь, погибъ у меня, а когда причастишися Св. Троицы, я скажу тебѣ, куда отпринести».

Исполнение его приказаний, Александра Никиторовна привела к нему за сопутствием.

«Если кто-нибудь будет звать тебя изъ Почаевъ, то вѣжай туда, сказаъ о. Пархомій,—и приходи ко мнѣ, и благословя тебя».

— «Но жаль и ужо быва тамъ»—замѣтила Александра Николаевна.

«Все равно, подождай!»
Грустно и страшно сдалась Александр Никифорович, однако, она не решилась ослушаться. На другой день долго и горячо молилась она за обядом, слезы текли и лились из глаз ее. Народ уже выходил из церкви, когда она встала съ коленъ и оставила свою молитву. Смотреть на нѣсколькохъ шагахъ отъ нее стоять каждой-то возможной офицеръ и пристально на нее смотрѣть. Александр Никифоровичъ стало неловко.

Взять офицеръ обращается къ ней и спрашиваетъ:

— «О чём вы так горько плахали?»

«Не знаю, куда идти, отвѣтала я ему: — хочется воротиться домой, а старець Наросинъ советуетъ отправиться въ Печоры!»

— «Пойдемте выпить чай. Печенье, я тоже туда буду, а теперь пойдемте ко мне чай пить».

«А мы семейные? спрашивала она въ замѣшательствѣ

— «Да, у меня большое семейство, говорить офицер, замытье с замышлением,—не бойтесь, у меня останавливаются разные страницы, меня здесь все знают»— я морща вспоминаю.

Волгъ къ дому майора, она тутчасъ увидѣла все его величество, это была щѣзя толпа размыкъ стражниковъ и стражницъ. Вся квартира представляла избѣтъ изъ рода странно-принимающаго ложа. Здѣсь находили пріютъ и зароее угощеніе многие богохульцы, и Александру Никиторовну почувствовала себя сразу, какъ у себя дома. Майоръ Федоровичъ про-вѣдъ не изъ своихъ комнатъ и позаботился покормить ее какъ можно получше. Две чѣрѣи да майоръ собрали ѣхати на Пчеленъ. Александру Никиторовну очень беспокоила мысль, что она не имѣетъ паспорта, потому что старому срокъ давно уже истекъ, родные ея, требуя домой, не высыпали

нарочно пошаго, а потому она и объяснила все это благоговением своему.

— «Я ваш паспорт, отыщет ее майоръ. — Со мной можете быть совершенно спокойны, здесь никто не обидит. Подождите»

По прибытии из Почаевы, по совету майора, Александра Никифоровна остановилась у двух старушек, сму знакомыхъ. На другой день, постъ обѣданія, приходилъ какой-то монахъ и просилъ Александру Никифоровну помазовать къ преосвященному Исидору (тогдашнему викарию Грузии, привезшему въ Почаеву и жившему тамъ по искосыльму недѣль). «Зачѣмъ я къ нему пошла, вѣдь преосвященный меня не имѣть, не обмыть ли это како? — а потому и отказалась отъ приглашенія.

Черезъ ибсоколько минутъ монахъ вернулся и повторилъ просьбу преосвященнаго, тогда, скрыв сердце и недовѣрія, отправилась Александра Никифоровна къ нему.

Преосвященный тотчасъ же принялъ ее очень радушно, усадилъ за столъ, вѣдѣль подать кофе и занять ее разными вопросами.

— «Какъ это вы не боитесь, сказать онъ ей между прочимъ, въ такихъ лѣтахъ (ей было тогда 32 года) пускаться на такое дальнее странствованіе, мой советъ: выходите за лучшую замужъ, а въ наше отечество женника хорошаго».

Нечего и говорить, какъ поразило такое предложеніе со стороны почтеннаго архиепископа набожную странницу. Преосвященный познаній и вѣдѣль прыгнулъ дождливаго гостя въ кабинетъ майора Федорова:

«Вотъ, сказала преосвященный, вы очень понравились майору Федору Ивановичу и онъ непремѣнно хочетъ прописать руки вашей. Мой отеческий советъ — не откаживайтесь». Преосвященный Исидоръ отъ себя вы требовалъ изъ Красной рѣчки ея метрику и Александра Никифоровна вышла замужъ за майора Федорова Ивановича Федорова.

Проживши въ Киевѣ съ мужемъ, уже вышедшимъ изъ отставки пять лѣтъ, она окончилась и воротилась на родину, но уже не застала въ живыхъ старца Федора Кузьмича; она изъ ея отсутствія перѣехала изъ житія въ городъ Томскъ, къ купцу Хромову, сначала въ домъ, а потомъ во шлюзъ выстроенную для него келью. Тѣло старца похоронено при Алексѣевской женской монастырѣ, куда она почти ежедневно приходила постъ первомайской службы, на его могилу.

Въ послѣдніе годы пребыванія Федора Кузьмича на Красной рѣчи пріѣхала погодить къ храму-то скромны знакомые изъ Краснодарска очень богатая женщина, жена генерала Картухова, очень богомольная и набожная. Узнавъ старца и побесѣдовавъ съ нимъ, она совершенно очаровалась его рѣчами и, во все пребываніе свое въ Краснодарчинѣ, не упомянула ни одного случая побесѣдоватъ въ чѣмъ-нибудь порадовать старца. Уѣзжая, она предложила ему перѣѣхать въ Краснодаръ, обѣщая окружить лучшими удобствами, чѣмъ они пользуются, и склонить всѣмъ необходимыемъ. Однако, Федоръ Кузьмич наотрѣзъ отказался отъ какихъ бы то ни было вспомоществованій и принялъ отъ нихъ только черный халатъ изъ грубой материи, такъ какъ стог халата давно носился до негодности, и носилъ этотъ халатъ до самой своей смерти.

Сильное впечатлѣніе произвѣлъ старецъ на краснодарского священника Рашкова, который сразу, послѣ первого разговора съ нимъ, призналъ его за великаго Божіаго угодника, обладавшаго необыкновенными познаніями, и изъ германца Израїля, прибывшаго изъ Асона за сборомъ поданный, который вышелъ отъ Федора Кузьмича съ рѣдкими, разсказывая потомъ, что, несмотря на его здѣсь и многоглубокія странствованія, такого великаго человека ему приходится видѣть въ первый разъ въ жизни. Въ тѣтъ годъ, когда Александра Никифоровна отправилась второй разъ въ Россію на Богомоліе (1852 г.) старецъ Федоръ Кузьмич жилъ въ Краснодарчинѣ. Къ нему, однажды, прѣѣхалъ томскій купецъ Семенъ Феофантьевичъ Хромовъ, наслушавшись отъ о. Параскевы Афонской, который послѣ былъ гусляцкимъ игуменомъ. Подходи къ кельи онъ произнесъ громко обыкновенную молитву, какъ принята между монашествующими лицами; дверь была не заперта; Федоръ Кузьмичъ спросилъ Хромова, откудаѣтъ. Тотъ отвѣтилъ ему, чтоѣтъ по лѣзмъ золотопромышленности:

— «Охота тебѣ заниматься этимъ промысломъ и безъ него Богъ пытаетъ тебя», — и затѣмъ старецъ лѣзъ ему наставления, какъ слѣдуетъ жить всякому християнину, не заботясь о искушении хѣбѣ, а бѣзѣ думать о будущей жизни: «И вока вѣздѣшъ пріѣсками, то не обирайъ бы рабочихъ».

Хромову очень подобался старецъ Федоръ Кузьмичъ, а потому онъ, всякий разъ, когда бывалъ къ той мѣстности,

то считалъ свою свиданіемъ обязанностью повидать такого благочестиваго старца и послушать его поучений, неотвязчивая мысль заставля въ его головѣ уговорить старца переселиться къ нему на постоянное жительство. Съ этой мыслью онъ не разставлялся, помѣщая своей женѣ и портышки выстроить на своей земли, чѣмъ изъ 4-хъ верстахъ отъ города Томска, отдаленную землю, тѣлѣ бы о. Феодору было покойно и уютно. Радостный для него день насталъ; старецъ Феодор Кузьмичъ согласился врѣзаться къ нему 31-го октября 1855 года.

Въ 1859 году старецъ Феодор Кузьмичъ заболѣлъ довольно серьезно, тогда Хромовъ обратился къ нему съ вопросомъ—не откроется ли онъ ему, кто онъ?

Нѣтъ, это не можетъ быть открыто никогда, объ этомъ именіи просили прояснивший Ипполітъ и Аѳанасій и я имъ то же сказали, что говорю тебѣ, панюкъ».

Иногда, по словамъ того же Хромова, онъ пускался въ отвратительности больше, напримѣръ, однажды онъ ему сказала:

«Когда въ Россіи, особенно въ высшемъ кругу, распространялась масонская ложа, то императоръ Александръ созналъ собраніе во дворцѣ изъ высшихъ гражданскихъ и духовныхъ лицъ, то почти всѣ они поклонились участвовать въ этой ложѣ. Входить архимандритъ Фотій и сказалъ только: «Адѣ заградятся уста нечестивыхъ». Отъ этихъ словъ все собравши не могли и слона вымолвить, такъ и разошлись, а секта рушилась. Да, Фотій былъ мужъ благоговѣній!» Хромова придаётъ значеніе, между прочими, напримѣръ, такими словами: «Да, любезный, царская служба не безъ нумизматъ. «Романовъхъ земь крѣпко укоренился и глубоко корень его, милости Божиѣ, — повторялъ онъ, — глубоко корень его сидитъ!»

Феодор Кузьмичъ часто въ праздники ходилъ въ семинарскую домовую церковь и всегда стоялъ у почты на одному месте, а когда стала замѣчать, что на него обращается большое вниманіе, то и вовсе перестала ходить въ церковь.

Покойный архимандритъ томскаго мужскаго монастыря Викторъ, во времена сороколѣтнаго управлѣнія этимъ монастыремъ, хорошо зналъ старца Феодора Кузьмича и не раздѣлялъ мнѣнія большинства томскаго духовенства, что онъ будто бы не ходилъ на исповѣдь, напротивъ, ему было известно, что духовникомъ его былъ священникъ Воскресенской церкви Николай Созуновъ. На хромовскую замыслу

прѣбажаль также бывший иркутскій юродивъ Германъ, который также передъ своей кончиной говорилъ, что у него на духу бывалъ старецъ Феодоръ Кузьмичъ, о которомъ отдавалась, какъ о великомъ подвижнику и будто бы знала, кто онъ.

20-го января 1864 года Хромовъ привелъ къ старцу Феодору Кузьмичу пронѣдать его, такъ какъ видно было, что онъ страдаетъ. Въ то время старецъ жилъ въ келье, нарочно для него выстроенной около дома Хромова. Видя, что жизнь Феодора Кузьмича угасаетъ, Хромовъ просилъ благословить его. «Господь тебѣ благословить меня благословіемъ». Жена Хромова сказала старцу: «Обмыи хотя имя своего ангела», и изъ это она сказала: «Это Богъ знаетъ».

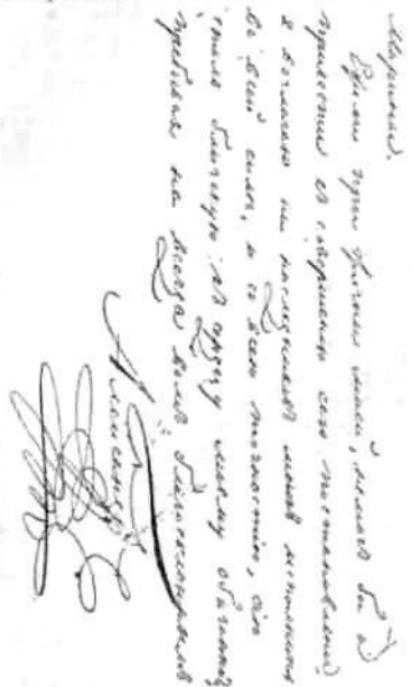
«Наташка, изъ случай вашей кончины, не надѣть ли на насъ эту черненій златыши?» — спросилъ Хромовъ. Феодоръ Кузьмичъ сказалъ: «Я не монахъ — а, обратившись къ Хромову, добавилъ: «Панюкъ, меня не величай». Изъ этихъ словъ Хромовъ понялъ, что старецъ желалъ не пышного одѣянія, а скромныхъ покоровъ. Въ продолженіе дня Хромовъ несколько разъ взошелъ пропѣхивать угласающаго старца, и видно было, что Феодоръ Кузьмичъ уже боролся со смертью: то лежать на однѣ бокѣ, то пристанѣть, то опять возвращаться на другую боку, обсыпая себя крестными знаменемъ. Много проходило разнаго люда въ келью старца, чтобы попросить у него для себя благословленія и видѣть конецъ его жизни. Послѣ 5 часовъ вечера, когда всѣ посторонние люди ушли, старецъ, обращавшись къ Хромову и показывая ему изленій мишкачекъ, висящий на стѣнѣ, сказалъ:

— «Вы несъ мой талисманъ».

Потомъ онъ попросилъ себѣ поднять, посидѣть немножко, опять положилъ его на лѣвый бокъ, немножко полежать, воргутъ самъ покоротился на спину, три раза вздохнулъ гдѣдо, а четвертъ тихо и предалъ Богу душу въ 5^{ти} часовъ пополудни того же дня 20 января 1864 года.

Феодоръ Кузьмичъ покороненъ на кладбище Томскаго Богоявленско-Алексѣевскаго мужскаго монастыря. Могила его обнесена деревянной рѣшеткою, выкрашенной блѣло краскою, но углами посажены четырѣ деревянныхъ креста, а внутри ограды крестъ, тоже деревянный, выкрашенный блѣло краскою, и на немъ надпись: «Здесь погребено тѣло великия благословленаго старца Феодора Кузьмича, скончавшагося 20-го января 1864 года».

По приказанию бывшего начальника Томской губернии Мерцалова, налиты черной краской: «Великого Благословленного» приказано было закрасить белую краской, но от времени белая краска смылась и теперь закрашенное явственно можно прочесть, как было написано прежде.

Старец Феодор Кузьмич умер и никому из знающих его не открыла, кто он.

После смерти старца найдены в его шапочке, про который она сказала: «и несть нын ях тайна» — снимок, изъятый изо рта, ключ к его переписке с другим лицом.

Кромъ приведенного выше биографического очерка, принадлежавшаго М. О. Мельникому, жившему в Томскѣ и умершему въ 1861 году, есть еще краткая записка о томъ же епископѣ Петре. Послѣдній, подтверждая сказанное о съчтенныхъ племяннике Кузьмича прибавляетъ некоторые характерные черты его личности. По его словамъ, когда его вели съ прочими арестантами по этапамъ, то арестанты, конвойные солдаты и этапные офицеры оказывали ему особое уваженіе, отрывали отъ непріятностей, отъ негодныхъ злодѣй, изъ почтаго отводили ему особую комнату, и старецъ во всю дорогу ни въ чёмъ не нуждался. По распоряженію экспедиціи о ссыльныхъ старцу сначала посыпалась изъ деревни Томской губ., изъ гравцовъ съ Енисейской, на московскій трактъ. Тогда ему было подъ 60 лѣтъ. Его охотно принимали къ себѣ на жительство лица, у которыхъ она соглашалась поселяться. Жилье она очень строго, имѣла одинъ рожаный хлѣбъ и сухарями съ водой. При переходахъ изъ деревни въ деревню она занималась обученіемъ дѣтей грамотѣ. Когда во время болѣзни къ Феодору Кузьмичу пріѣхалъ пресл. Пареній, то она потомъ рассказывала слѣдующее: «Онь мій говорилъ, что ему является небесный свѣтъ, что она видѣла Святую Троицу, что ему открыто, когда она умретъ, и многое тому подобное говорила старецъ, а приобщиться Св. Троицѣ не согласился». Она не разъ говорила Хромову, что она, по милости Божией, ежедневно удостаивается трапезы Господней, т.е. принимаетъ Святое Причастіе чрезъ ангела Господня. Обѣ отношения Хромова къ старцу въ запискѣ еп. Петра мы находимъ слѣдующія характерныя мѣста: «однажды, говорить Хромову, старецъ мій говорилъ, что, по благодати Божией, ему открыты помыслы и сердца человѣческія, что я много-кратно испытывала на себѣ; иногда случалось приходить къ нему съ разбѣганными помыслами; она сейчасъ же обличала меня, только не прямъ, а какъ-то загадочно. Однажды я велѣла жестъ отнести старцу холстъ потонше на рубаху. А она подумала: на что ему тонкая холстъ? я вела потолще. Когда стала отдавать холстъ старцу, она обличала ее, говоря: общакъ былъ холстъ тонкій и нужно бы это исполнить. Впрочемъ, для менѣ, бредити, и этотъ очень хороши. Намъ известно было, говорить Хромову, что старецъ никогда не умывался, а только, было, въ годъ разъ два обмывалъ себѣ ноги. Однажды старецъ подошелъ къ бочечкѣ съ

воды среди звора и проскользь жену мою полить ей воду на голову. Это показалось намъ необычайнымъ и удивительнымъ. Послѣ мы узнали, что въ это самое время было большой похоронъ кнѧзя Аракчеевъ зворъ къ С.-Петербургъ.

Однажды жена моя, продолжаетъ Хромова, приѣхала на замокъ, где жила старецъ, захотѣла пройти къ нему, узнать, не нужно ли ему чего. Войдя въ келию, увидѣла, что старецъ сидѣтъ на лежанкѣ, въ одной простой рубашкѣ; ей стало что-то грустно и она подумала про себѣ: Боже мой, какая человѣкъ, а самъ рѣшился пойти на такой трудный подвигъ, взять изъ себѣ такой тяжелый крестъ, смирилъ себѣ до такого уничтожительного состоянія! Старецъ вругъ говорилъ ей: «Э, полно, любезная! На это была воля Божія».

Хромова передаетъ, по словамъ ей Петра, еще слѣдующий замѣчательный случай. «Однажды я былъ у старца въ 11 часу днѣа и оставилъ его здоровымъ. Вскрѣпѣ послѣ меня, пошла къ нему синайская игумена и не могла отворить двери, буда заперта. Я сѣдѣть соѣль пошатъ изъ келии старца, дверь была не заперта, а старца нашелъ лежащимъ на скамье совершенно мертвымъ: не говорилъ, не дышалъ, не видно было никакихъ признаковъ жизни, и это произошло въ часовъ 7 или 8. Потомъ она открыла глаза, перекрестилась. Жена моя спросила его: «Вы батюшка, здоровы ли?» Она отвѣтала: «По милости Божіей, здоровы». Мы не знали, что я подумалъ о такомъ случаѣ со старцемъ. Вѣроятно, она была зухомъ воскращенъ въ горній міръ».

Мы, да и не одни мы, говорить Хромова, часто ощущали въ келии старца необыкновенное благоуханіе, которое нельзя сравнивать ни съ какими обыкновенными ароматами, духовками, которыя, какъ знаю, у старца никогда не бывали. Многие иногда видѣли въ его кельѣ ночью свѣтъ, тогда какъ намъ известно было, старецъ никогда не зажигалъ у себя свѣтъ, ни лампады, всегда оставался въ темнотѣ.

Въ первый день Пасхи, пишетъ Хромова, и пришелъ къ старцу похристосоваться. Похристосовавшись, старецъ далъ мнѣ красненькое личко, которое, принеся домой, я положилъ передъ сѣмъ иконами, на чайную блузечку. По окончаніи сїи Пасхи, я вздумала посмотрѣть личко и увидѣла, что изъ него истекаетъ масло. Я подивилась этому и подожгла яйцо съ другими ишаками, лежавшими тутъ же на блузѣ. Черезъ нѣсколько времени посмотрѣла и это яйцо,

масла на немъ не было. Послѣ того я опять положила его на отѣльное блюдо и черезъ некоторое время опять увидѣла на немъ масло. Дальше спиксъ Петръ пишетъ слѣдующее о болѣзни старца: во времена болѣзни часто бывали ему видѣнія: то Спаситель являлся, то Пресвятая Богородица, то лики святыхъ.

Съ 10 часовъ утра особенно тяжело стало старцу, онъ томился, метаясь: «Вѣда, какъ старецъ мучится, говорить Хромова, и подумалъ про себѣ: не отъ того ли окаль это мучится, что отказался пріобщиться съ Танѣй. Старецъ, провидя мои мысли, варугъ твердымъ голосомъ спрашивалъ меня: «Панокъ, и ты думашъ удалиться отъ менѣ? Я, позналъ свой грѣхъ, сказала: «Батюшка, прости, иѣть, не думай». Такъ старецъ томился, постоянно перемѣняясь положеніе, въ три четверти лѣситаго часа вечера 29-го января 1804 года три раза вздохнулъ тяжело, а въ четвертый разъ, вздохнувъ, тихо и безъ стомоги предъ свою правленную душу въ руки Божіи. Правая рука лежала на груди съ сложенiemъ перстонъ для крестнаго знаменія.

По утру 31-го числа мы узнали, что въ это самое время, когда луна старца разлучилась съ тѣломъ, кучерь въ горничной нашего сосѣда, лѣкаря Левашова, избѣжалъ изъ города, съ горы видѣлъ пожаръ около нашего дома и три раза видѣлъ огромное пламя. По приѣздѣ домой они соратники: не загорѣлось ли у насъ или у сосѣдей нашихъ? Имъ отвѣтили: иѣть. При этомъ одна женщина замѣтила: «такъ чудо ли это, каково-то у Хромовыхъ старецъ, не поморѣлъ!»

Погребенъ старецъ на сѣверо-восточной сторонѣ, въ зѣтѣ саженяхъ отъ алтаря монастырской церкви. Вотъ еще чудо, о которомъ нельзя умолчать: Мы сочли нужнымъ приготовить купанія и напитки для поминального обѣда на 30 человѣкъ,—такъ и приготовили, а обѣдало около 50-ти человѣкъ и всего для всѣхъ было достаточно, даже остатковъ купанія и напитковъ было довольно. Свою записку ей Петръ закончилъ слѣдующими характеристическими замѣчаніями: старика Домника Карповъ, Христа ради юродиваго, бывшаго въ лощи Хромова въ августѣ 1871 года говорила ему: «мало ли что народъ говорить, нельзя всему вѣрить. Вотъ говорили про старца, который жилъ у васъ, что онъ раскошливъ и другой вѣры. Но я знаю, что онъ святой! Когда онъ жилъ въ кельѣ нашего сада, и была очень больна; про-

шедши въ вашъ садъ, осталась на ночь въ саду для того, чтобы пойти къ старцу и получить отъ него исцѣленіе. Стала стучать въ дверь, старець отворилъ, и какъ только я вступила на порогъ, онъ исцѣлилъ меня совершенно отъ болѣзни. Святой былъ старичокъ». Надобно замѣтить, говоритъ еп. Петръ, что Домна Карповна и сама была святая и имѣла даръ прозрѣнія; скончалась она 15-го октября 1872 года, погребена въ женскомъ Томскомъ монастырѣ. Хромовъ въ своихъ запискахъ записалъ много случаевъ, когда онъ и другіе ощущали въ кельѣ старца, при жизни и по смерти его, необыкновенное благоуханіе, видѣли свѣтъ

Земля Хромова.

въ кельѣ и слышали пѣніе. Было много случаевъ, когда, по молитвамъ старца, Хромовъ и другіе знакомые его исцѣлялись отъ тяжелыхъ и опасныхъ болѣзней, въ которыхъ врачи не могли помочь больнымъ.

Среди лицъ, занимавшихся вопросомъ об удивительномъ старцѣ Кузьмичѣ, мы находимъ и князя Голицына, записавшаго народную легенду о сибирскомъ отшельникѣ и объясняющаго появление ея тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдній имѣлъ большое сходство съ императоромъ Александромъ I. Между прочимъ, онъ пишетъ: въ 1860-хъ годахъ одинъ приятель мой, котораго я навѣстилъ, показалъ мнѣ небольшую фотографическую карточку, говоря: «По-

смотрите, не найдете ли сходство съ кѣмъ-нибудь, вамъ извѣстныемъ?» Смотрю и вижу: великаго роста и благолѣпнаго вида старець, съ обнаженою отъ волосъ головою, въ бѣлой крестьянской рубахѣ, опоясанный пояскомъ, съ обнаженными ногами, стоящий среди крестьянской хижины. Лицо—прекрасное, кроткое, величественное; никакого сходства ни съ кѣмъ припомнить не могу. Наконецъ, приятель мой спрашивалъ меня: «Не находите ли сходство... съ покойнымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ? Я крайне удивился — началъ пристальнѣе всматриваться и точно стала понемногу находить нѣкоторое сходство и въ чертахъ лица и въ ростѣ; но я недоумѣвалъ, что значили эти борода, одежда, хижина? Тогда приятель рассказалъ слѣдующее.

«Карточку эту дала мнѣ, предложивъ тѣ же вопросы, что и я въамъ, одинъ приятель мой, долго жившій въ Сибири и недавно прѣѣхавшій оттуда. Онъ рассказалъ мнѣ при этомъ, что по общему въ Сибири, въ то время, народному ложѣ, послѣ смерти императора Александра Павловича въ одномъ глухомъ мѣстѣ Западной Сибири, водворился неизвѣстный отшельникъ и затворникъ или—какъ народъ нашъ называетъ—«блаженный». Въ лѣсу, вдали отъ человѣческаго жилища, въ совершенномъ затворничествѣ, въ малой хижинѣ, жилъ онъ въ безвѣстности. Вскорѣ въ народѣ стала болѣе и болѣе распространяться молва о «блаженномъ» затворникѣ и привлекать къ нему народъ. Затворникъ, однако, не впускалъ къ себѣ никого, исключая весмы рѣдкихъ случаевъ и то немногихъ,—тяжко страдавшихъ тѣлесными или душевными недугами; при этомъ затворникъ впускалъ по одиночкѣ прибывающихъ къ нему, иного—въ небольшія сѣни, а иного—и въ свою убогую келью. И тогда всякаго сразу поражала какая-то необыкновенная величавость во всей наружности затворника, въ благолѣпныхъ чертахъ лица, и въ кроткихъ глазахъ, и въ обаятельный звукѣ голоса, и въ чудныхъ рѣчахъ и во всѣхъ пріемахъ и движеніяхъ... Все это производило на посѣтителей такое впечатлѣніе, что всѣ невольно преклоняли передъ затворникомъ колѣни и кланялись ему въ землю.

По говору народному, затворникъ имѣлъ какой-то особыній даръ утолять страданія, не только тѣлесныя, но и душевныя, или словесныя наставленіемъ и указаніемъ способы исцѣленія или же прозорливымъ предсказаніемъ.

Въ числѣ стремившихся посѣтить его случилось быть одному по слѣдующему случаю, какъ гласилъ народнѣй мозгъ. Въ той же мѣстности жили двое бывшихъ придворныхъ служителей: одинъ изъ нихъ опасно заболѣлъ и, не имѣя возможности самому отпрянуть къ затворнику, упросилъ своего товарища посѣтить его и испросить у него помощи или указать средства къ исцѣленію болѣзни. Товарищъ его, при помощи одного человѣка, имѣвшаго доступъ къ затворнику, былъ принятъ послѣднимъ изъ его зѣлья, провождатѣй же осталась въ сѣнѣ.

Посѣтитель, какъ только вошелъ въ келью, тотчасъ бросилъ въ ноги затворнику и, стоя передъ нимъ на колѣнѣхъ, съ поникшою головой, съ извѣстными стражами, рассказалъ ему, чѣмъ было дѣло. Кончинаъ онъ чувствуетъ, что затворникъ обѣими руками своихъ поднимаетъ его, и въ то же время онъ слышитъ, и не изрѣть ушамиъ своимъ—чудный, кроткий, знакомый ему голосъ...

Встаетъ, поднимаетъ голову, выглянувъ за затворника—и съ крикомъ, какъ сюю, покинулъ безъ чувствъ на землю... Затворникъ отворилъ дверь въ сѣнѣ и кротко сказалъ провождатому: «позвольте и напечите его бережно, онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы онъ никогда не говорилъ, чѣмъ онъ видѣлъ и слышалъ; больной же товарищъ его измѣорѣбѣ» (что, действительно и случалось). Очнувшись же и оправившись не мочь уйтъ отъ своихъ провождатого и товарища, что изъ лѣнѣ затворника онъ узналъ... императора Александра Павловича, во престарѣлымъ и съ сѣдой бородой!..

Несмотря на запрещеніе затворника, тайна эта, испытанныя только провождатому и товарищу, огласилась,—и въ простомъ народѣ въ Западной Сибири распространилась мозга, что затворникъ былъ—императоръ Александръ Павловичъ!.. «Вотъ—заключилъ пріѣзжій изъ Сибири—что, по крайней мѣрѣ, гласитъ народная мозга и не безъ убѣдительнаго.

Лица, имѣдавшія вопросъ на мѣстѣ, пособѣстствіемъ могли слышать разсказы не только объ этомъ служитѣ, но и загадочныхъ посѣщеніяхъ Феодора Кузьмича какими-то высокопоставленными лицами, прѣизвѣшими на залекъ для свиданія со старцемъ, о какой-то таинственной перепискѣ его то съ Киевомъ, то съ Петербургомъ, о благословеніи митрополитомъ Филаретомъ императора Александра Павловича на столь суровый подвигъ.

Въ 1885 году изъ Петербурга ходила общимиста сенсаціонная рукопись о необыкновенномъ отшельнику Феодору, какъ матронѣ и великомъ изъ кирѣ, съ легендами обѣ его мудрости, прозорливости, смиреніи и даже чудесахъ.

Заключеніе.

Такъ выросла легенда почти что изъ нашихъ глазахъ, легенда, связавшая имена двухъ людей: русскаго императора, побѣдившаго Наполеона, освободившаго свою страну отъ нашествія французовъ и всю Европу отъ Наполеонскаго ига, и какого-то «Ивана, не поминшаго родства», бродяка, превратившаго потомъ въ отшельника, затворника, угодника и подвижника, бродяги, подвергнутаго соударю извѣтстви по извѣстной статьѣ «Устана о смѣльцахъ и посвѣтицахъ».

Трудно и беспомощно было бы искать первоисточникъ сказки, пущеной въ народъ, но некоторые факторы, породившіе ее, можно прослѣдить и на нихъ поэтому сѣдѣть остановиться. Но, прежде чѣмъ сдѣлать это, необходимо указать, что посѣть обстоятельства изслѣдованія этого вопроса изъ сочиненія Великаго Князя Николая Михайловича осталась очень мало добавить къ тому, что уже сдѣлано въ этомъ направлѣніи.

Можно сказать, что легенда о таинствѣ Феодора Кузьмича съ Александромъ I складывалась вокругъ первого при помошничьи двухъ ролей факторовъ: внутреннихъ и наружныхъ. Внутреннѣе заключались въ личности самого старца, вынѣтие—въ окружавшихъ его лицахъ, особенно въ Хромой и его семье. Начиная съ извѣстнаго появленія Феодора Кузьмича изъ арены сибирской жизни, все было изъ немъ таинственно: приѣхалъ верхомъ на хорошей лошади, сбылся изъ показанийъ, отказался называть себѣ, быти называемъ глаштами и признанъ за бродягу, а потому «подзоренъ». Это ли не тайна? И, хотя въ Сибири никого не удивлялъ, но изъ же времени изъ новеллы старца было, повидимому, нечто, что отличало его отъ другихъ подобныхъ ему стариковъ, ссылаемыхъ ежегодно сотнями и пересылаемыхъ по станамъ. Но здесь даже конвой на пути оказывалъ ему сопутствіе и покровительство, и облегчалъ его участъ. Дальше при обильномъ жительствѣ на мѣстѣ ссыки окружавшимъ сильно импонировала стойкость, съ которой онъ держался неизменяя открыть имъ; по прибытии на мѣсто старецъ началъ

ности жизни амбасадора, а ничто такъ не привлекаетъ къ себѣ темные массы, какъ вопросы религиозные, проводимые на дѣль въ жизнь, и нѣтъ за старцемъ укрѣпляется репутация чути не снятаго, слава его въ этомъ смыслѣ быстро растетъ, модно полхвастывать и разносить рассказы досужихъ богословій старушекъ и уже въ лицѣ 12-тилѣтней Александры Никифоровны вырастаетъ его первая горячая поклонница. А мы знаемъ, какъ сильно можетъ способствовать росту жизни одна такая воскѣдователница! У насъ на виду примеръ такого рода, разросшись въ пѣную секту подъ бокомъ и покровительствомъ центральной власти, а ужъ въ далѣкой Сибири это и тѣмъ болѣе неудивительно! Надо еще удивляться скромности аристократа Хромона, который не сумѣлъ или не захотѣлъ сказать при помощи «своего» старца того, что такъ легко и просто удалось влюблѣстю изъ Кронштадтѣ. Понадимому, это было просто «не во времени».

Остается уже рукой подать до ореола поднита и такъ оно и случилось. Когда Александра Никифоровна отправилась изъ богословія, то старецъ снабдилъ ее указаниями на определенія мѣста для поклонения и посовѣтовалъ разыскать определенныхъ лицъ. Она такъ и сѣла... И вдругъ отъ другого старца, которого она готова признать за святого, живущаго въ дальнѣхъ пещерахъ Лазаря, она слышитъ похвалы ея Феодору Кузьмичу, что онъ такой же подвижникъ, такой же, даже еще больший угодникъ и великий чудотворецъ,—какъ же тутъ не закружиться головой? есть отъ чего! Но этотъ приемъ слишкомъ хорошо знакомъ вообще, чтобы на немъ стоило останавливаться, а на восторженную луну она подѣбовалась сокрушительно и Александра Никифоровна отныне принимаетъ вскакую букву «своего» старца за пророчество, а онъ, вѣдь, ей прелсканье даже за-мущество и вотъ она замкнѣмы!

Мы не думаемъ, чтобы Феодоръ Кузьмичъ пытался сознательно говорить исполнитныя фразы, чтобы морочить головы, но иногда онъ говорилъ иносказательно; но вѣдь такъ дѣлаютъ и другие «благодатные», какъ ихъ называютъ русскій народъ, и тѣмъ не менѣе ко всѣмъ имъ словамъ прислушиваются, довѣрять имъ на зету, стараются уловить тайный смыслъ ихъ, понять значеніе, разгадать и объяснить. Такъ было съ Иваномъ Яковлевичемъ въ Москвѣ, такъ было и съ Феодоромъ Кузьмичемъ въ Томскѣ.

Всѣ такие прорицатели обыкновенно отличаются странностями, ну хоть бы въ kostюмѣ, какъ Феодоръ Кузьмичъ; на немъ была всегда длинная блыка рубаха, подложенная поясомъ. У него было своеобразное мастерство держать руки: одну склонивши на груди, другую за поясомъ.

Подобныя мечоты въ ряду другихъ чудачествъ тоже имѣютъ большое значеніе для стекающихся на поклонение вѣрующиши, во всемъ этомъ они склонны видѣть какое-то высшее значеніе, такъ же какъ и во словахъ старца. Ни у кого изъ нихъ никогда бы не хватило духу видѣть въ этомъ своеобразномъ способѣ одѣваться и держаться признака болѣзнишаго состоянія, по всей видимости душевной болѣзни, что, какъ увидимъ ниже, подтверждается другими данными, такъ какъ подобная поза нерѣдко у больныхъ принадлежитъ и усваивается благодаря извѣстнымъ бредовымъ идеямъ, обыкновенно тщательно скрываемымъ, которая подчас и опытный глазъ специалиста не скроетъ увидеть. Такія свойства, какъ иезидность, исклюючительность тоже приписываются въ этикѣ старца за высшую мудрость, за то, что не со всякимъ можно говорить, не всякаго можно удостоить и снодобить, а между тѣмъ дѣло обстоять гораздо проще—это тоже не больше, какъ симптомъ болѣзни. И, действительно, что мы видимъ у Феодора Кузьмича,—лишь только онъ обожиняется где-нибудь, побирываясь, какъ, спотираясь, уходить на другое мѣсто, въ другіи лица, хотя за того усиленно отказываются переняніе мѣсто жительства, несмотря на настойчивый приглашеніе его якъ себѣ со стороны разныхъ благотворителей. Это тоже въ значительной степени указываетъ на существование душевной болѣзни у старца, такъ какъ при тѣхъ другихъ сферахъ душевнаго разстройства стремленіе менять часто мѣсто жительства представляется собою симптомъ болѣзни, какъ результатъ бредовыхъ идей, главнымъ образомъ престийданія, т.е., когда данный субъектъ приходитъ въ новое мѣсто, онъ въкоторое время чувствуетъ себя хорошо, полагая, что спасся отъ враговъ, но чрезъ пѣвторое время «враги» спешатъ находить его и опять нало вѣкать нового укромнаго уголка.

Среди домашествъ толстоты Феодора Кузьмича съ Александромъ I приводились обширныя познанія Кузьмича въ Петербургѣ, о приличныхъ сферахъ, о военныхъ дѣлахъ и вообще сравнительно будто бы высокой учености образо-

жения его. Но ведь все эти утверждения плуты описать-таки или из семейства Хромовых, или от лица близких этой семьи. А мы видели уже достаточно, насколько можно этимъ лицами доверять; да, наконецъ, старецъ во время своихъ долгихъ странствованій и переходовъ изъ монастыря въ монастырь могъ много наслышаться рассказовъ изъ вскихъ сферъ и областей, будучи же, повидимому, способнымъ отъ природы, хорошо усвоившимъ сподвижническое и умѣло передавать его.

Ибо можно думать, что едва ли вѣрою предположение, высказываемое въ сочиненіи Великаго Князя Николая Михайловича, что старецъ самъ принадлежалъ къ какою-нибудь известной фамилии. Во-первыхъ, его исчезновеніе изъ семьи было спровоцировано отмѣнено и было известно въ аристократическихъ кругахъ, а во-вторыхъ, изъторгъ выражений, словечки Феодора Кузьмича съ большою явленностью указываютъ въ немъ скорѣе пристрастное происхожденіе и въ частности можетъ быть малороссійское, какъ, напр., слово «папка», которое онъ любилъ употреблять въ видѣ слова обращенія, какъ великокорсес любятъ, напр., говорить: «голубчикъ, батенька, братечка» и т. п.

Что касается доказательствъ душевнаго разстройства, которое можно было наблюдать у Феодора Кузьмича, то они не настолько, скажемъ само по себѣ, рѣки, чтобы бросались въ глаза, но всѣ имѣютъ давать инозѣ опредѣленную картину: это видимъ, склонность къ перемѣнѣ места жительства, преувеличенное мнѣніе о себѣ, скрытность, аллегорическая рѣчь намеками на что-то неопредѣленное, упорство въ ниселаніи называть свое имѣніе даже передъ смертью, со ссылкою на то, что оно известно Богу и т. п., — все это совоставленіе имѣетъ давать основаніе предполагать въ немъ душевное разстройство не въ слишкомъ рѣзкой степени.

Такимъ образомъ, мы можемъ проще выразить на этого старца и считать, что въ поднига-то никакого не было, и что это были просто «Иванъ, не поминай разгна», изъ-книжъ Сибири, смѣлѣ въ категоріи мы находимъ въ большомъ количествѣ и которыми место не тамъ, а въ благоустроенныхъ психиатрическихъ заведеніяхъ.

Изъ жизни же старыхъ домовъ умалищенныхъ можно не мало отыскать случаевъ, когда къ какимъ-либо болезнямъ, помышавшимъ тамъ годами, стекались горожане посматривать

прорицаній и «бѣзъя» и мудрыхъ словъ, можно было видѣть лѣтъ 15—20 какихъ-нибудь наезды, какъ трудно, какихъ ускакій стояло отучить публику отъ привычныхъ постещеній по праздникамъ «блаженнѣнскаго». Въ данномъ же случаѣ для Хромова не было никакого разрѣста отучить публику отъ такихъ поѣздокъ, наоборотъ, чѣмъ больше будетъ таинственности, чѣмъ больше несуразности, тѣмъ лучше, меньше будутъ понимать, больше будутъ притягивать богочестивыя и жертвополагатели, больше будетъ зододъ, а ему перепадетъ что-нибудь.

О Хромовѣ рассказываютъ слѣдующее: Семенъ Феодоровичъ Хромовъ, столь удачно для себя воспользовавшися Феодоромъ Кузьмичемъ, былъ когда-то такъ называемымъ сенекой, бродячимъ торговцемъ въ Визинскомъ уѣзѣ, Владимирской губерніи. Онъ доходилъ до Восточной Сибири, вѣль золотые прииски, на нихъ же разорился и, для поправки своего состоянія, пустилъ слухъ о таинственномъ старце, которому отъѣхъ былое помѣщеніе. Съ его стороны это было въ рой изобрѣтеніе мироточивыхъ иконъ или чудотворныхъ крестовъ, чѣмъ у насъ до недавнихъ временъ занимались и дворяне, даже одиѣ изъ потомковъ Петровскаго фельдмаршала князя Голицына.

Хромовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ письмами отъ Феодора Кузьмича къ императору Александру Николаевичу, которые были, по его словамъ, наставительного содержанія. Послѣднее обстоятельство известно отъ знакомаго Хромова, покойнаго В. А. Кокорева, который черезъ одного дворцоваго служителя доставлялъ эти письма прино въ кабинетъ Государя. Хромовъ разсказывалъ Кокореву, что когда Феодоръ Кузьмичъ жилъ у него въ домѣ, то однажды онъ, Хромовъ, читалъ вслухъ со своимъ знакомымъ какую-то книгу, гдѣ передавалась бесѣда Александра съ Наполеономъ; другъ изъ боярушки, гдѣ находилась старца, поспѣшилъ сказать: «Никогда я этого не говорилъ слуху».

Такими рассказами полно все пребываніе Феодора Кузьмича у Хромова. Помимо этого рассказы эти зѣвали свое дѣло и на конецъ въ день смерти старца какой-то кучеръ и горничная вышли изъ дома Хромова дымъ и огонь — это уже настоящій чудеса, что собственно только и нужно было Хромову.

Да и не трудно было достичь такого поединенія сообщаю съ редакціей, въ которой это происходило: грубо и

важество, суетыре, фетишизм, неспособность почитать и обласкать самых обидченных и естественных величин несомненно вели за собой, как сладостие, вкусы ненесущевшавшие чудеса, исканье скрытого смысла тамъ, где было лишь познаен безмыслами и пр. Отсюда уже один шагъ до признакій тождественности съ императоромъ Александромъ I. Это восхльдное обстоятельство было сдѣлано съ крайнею осторожностью; открыто сдѣлать этого нельзя было; и не повѣрять, за и не позволять. Поэтому Хромовъ началъ издалека, написавши сначала только таинственную фразу на надгробномъ памятнике Кузьмича: «здѣсь погребено чѣло великаго бывшевшаго»; достаточнно было по слѣдніихъ двухъ словъ, чтобы зародиться у посетителей сомніе, — а заруть за это не самъ дѣлъ былъ Александръ I? А имъ-то и не анализ! — Есть отъ чего прѣйтъ въ священный трезвеи. Далыше Хромову, вѣроятно, рисовалась перспектива памятника, извозлебенъ, украшений и пр. и пр.

Когда пришло время эту надпись уничтожить, тогда Хромов пошел другую попытку: он собрал каюто-документы и повез их в Петербург, долго там добивался по-кronительства, но ничего не добился однако, письма Феодора Кузьмича «наставительного содержания» к императору Александру II попали-таки на стол из кабинета императора. Мы можем на этот раз поверить Хромову, что он сам вбрел из то, что это были письма для глашатянику, но он, к сожалению, не знал того, что больные, подобные Кузьмичу, постоянно осаждают весь высокомаститейший лицами письмами, проектами и наставлениями всякого рода, что из любой заявление для «умаличенных» таким письма смело сочиняются десятками и адресуются на имя парствующихъ особъ; что въ его времена это по старой терминологии въ наукѣ называлось «графоманией». Для нас, впрочемъ, подождетъ большому сомнѣю вопросъ, остановившись ли бы Хромовъ, даже если бы ему это было известно.

Найдь говорилось же и есть в жёною его о каких-то
тавильщиках веззакомахах, высоконогостаиных зипахах,
булго бы восхищавших Кумычах. Но, спрашивается, где
же сядь восхищений какими-нибудь высоконогостаицкими
зипами Сибири в то время, да еще веззакомами; найдь
не за волчанином шарп, надо положать, они спустились в
подземлье; не в стапки веззакомы они прибыли в искалеч-

Но для Хромова только и нужна таинственность, только сю сю и нальзася покинуться. При съѣде для всѣх его братьев разойтися бы въ краяхъ. Поэтому ему совершенно достаточно такого компромисснаго заявленія, какъ Александра Ними-форовна о сходствѣ Феодора Кузьмича съ Александромъ I, а ужъ когда при дворномъ дамѣ упала въ обморокъ отъ этого сходства, тутъ, конечно, всѣ Хромовскія сомнѣнія расшибились.

Мы пойдем дальше Хромова и скажем, хорошо, возможно, что и было сходство, но тогда понятно, что я говорил быть ужасно лакеем, это отнюдь не говорить за тождество, потому что сплошь и рядом сходство через лица сопровождается сходством голоса и не только у родственников, а и у посторонних, ибо сходство во строении черепа, т. е. лицевого его части, очень часто может в сопровождаться сходством во строении в глубоко лежащих его частей, т. е. голосовых связок, краиной горла, мышца и т. д., что и создает эту иллюзию тождества. Хромому же это не было известно, ему видимо было установить хотя как-нибудь тождество.

Нельзя оспаривать, что въ этомъ сходствѣ, можетъ быть, лежитъ источникъ предположеній, что Кузьмичъ — это Александръ I. Но вѣдь этого мало... Что же сказывали имена Александра I и Феодора Кузьмича, не поминая родства, сибирского ссыльно-поселенца, наказанаго пластью за бралжничество? Что помогло изъ народъ распространяться и удержаться этой легенды? Чѣмъ она питалась? На какой почвѣ росла?

Отдать на это дасть наименование последних 10-ти лет заставлял Александра I, начиная съ конгресса въ Версале, гдѣ императоръ производилъ странное впечатліеніе: жилья особнякомъ, всѣхъ длился, высказывалъ различные мрачныя мысли, такъ что вызвалъ даже особенное отношение къ себѣ Меттерніха; ему же Александръ тутъ назначалъ на желаніе свое отречься отъ власти. Это тоже должно было производить странное впечатліеніе.

Дальше, подозрительность, увеличивающаяся в Алеманн-
ре до конца жизни, когда она даже при очень серьезных и
 опасных заболеваниях, отказываясь принимать лекарства, по-
 видимому, от боязни отравления; его усиленная религиоз-
ность, доходящая до мистицизма; приближение к себе нега-
 тивных элементов, начиная с Аракчеева,— все это явления из-

характеръ человѣка, сидящаго на тронѣ, не могла пройти не замѣченными и какъ ни слабо было прославленіе страны, но обѣфа происходившаго тамъ, «на вѣрхѣ», рано или поздно должна же была проникнуть въ народъ и, разъ распространиться въ народѣ, не могла не вызвать недоумѣнія.

Если прибавить сюда скорость и стремительность отъѣзда изъ юга, тоже происшедшаго при таинственной обстановкѣ, затѣмъ быстрь наступившая болѣзнь и черезъ короткое время смерть,—то можно понять и представить себѣ, какую массу толковъ и кривотолковъ должно все это было вызвать. Да мы и видѣли это въ первомъ слуховѣ.

Дальнѣйшіе события свою стремительностью съ 14-го декабря 1825 года успѣлиъ несколько посгдѣніи остроту предыдущихъ воспоминаній, но за то все послѣдующее картированіе отнюдь не способствовало разсѣянію тумана, окутывавшаго все сильнѣе и сильнѣе несчастную страну, где среди неизѣжественности истомленаго народа всѣ, какие угодно слухи, могли встрѣтить благодарную почту для своего роста и разлитія; а со стороны власти всѣгда изъ этого отношенія была система и политика тушения слуховъ и толковъ штыками и розгами, начинавъ отъ погребенія Александра I, когда московскій генерал-губернаторъ приготовился къ нему, точно походу на неприятеля со артиллерией и пѣхотой, и кончая Побѣдоносцемъ, который скончалъ преѣздованіемъ слуховъ о «бѣзъютѣ старѣй» до того терроризировалъ духовенство Западной Сибири, что когда Великій Князь Николай Михайловичъ отправлялъ туда специальное лицо для изысканій вопроса на мѣстѣ, то этому лицу всѣ поголовно отказывались давать какіе бы то ни было свѣдѣнія, боясь, не будь ли тутъ какого «подвода».

Пресловутому обѣзъ-прокурору надо было все прокрыть, даже саму истину, которой онъ не зналъ, да и приѣдь ли и хотѣлъ знать, лишь бы только все обстояло благополучно... на бумагѣ.

Такимъ образомъ народъ неизѣжественный, тесный могъ понимать событие только по вѣшильмъ признакамъ, по наружному сходству; а для этого условия были вполнѣ подъходящія. Тѣ же странности, та же таинственность, та же реальность; тамъ ширь, хотѣній давно уже отрешился отъ престола, тамъ путаница съ наслѣдованиемъ ему, разрываніемъ катастрофой, тутъ неожиданно откуда-то появившись благообразный старецъ, въ исторіи подъѣтили схоз-

ство съ покойнымъ императоромъ, старецъ, держащий себѣ по особенному, все вспоминающій Петербургъ, знакомый съ порядками военными и придворными — ту, кому жѣ быть — какъ не самому Александру II прикинула гоза — подходить, стало быть она; придворный лакей узналъ — ту, конечно, она!

Влюблѣніемъ же благодаря гоненіямъ подобная мысль могла только окрѣпнуть и уврочиться.

По счастью мы имеемъ въ протоколѣ вскрытия тѣла Александра I одно такое мѣсто, которое неопровергнуто доказываетъ тождество умерш资料的 императора и вскрытаго въ ноябрѣ 1825 года, а именно изъ п. I при описании *кнервовъ* мы говоримъ: «...и различные рубцы (*coffrages*), особенно на правой ногѣ, оставшіеся по за jakiженію ранъ, которыми государь императоръ одержимъ былъ временно».

Что же это за раны, какими онъ былъ одержимъ?

Припомните, что у Александра I было рожистое воспаленіе на правой ногѣ, перешедшее въ нагноительный процессъ, заживший посеребрствомъ рубца.

Это было въ январѣ 1824 года, когда государь 12-го числа почувствовалъ себя недорогимъ, а 13-го уже было констатировано врачами рожистое воспаленіе. Семь дней было повышеніе температуры, 16-го числа появилась язвирина и почно сонъ. Между тѣмъ на ногѣ появилось на гноеніе и глубокая язва, проникающая до кости. Тарасовъ придумала для леченія ноги особый штиблетъ изъ ароматическихъ травъ, надѣвавшійся и снимавшійся очень удобно. 1-го Февраля Александра скѣль ужъ въ креслахъ, а 18-го во время съезды Михаила Павловича онъ еще не могъ ходить и въ съединеніи съ кабинетомъ его комнатѣ была поставлена походящая церковь. Во время совершиенія образа императоръ былъ одѣтъ въ сортукъ и сидѣлъ въ креслахъ въ дверяхъ кабинета за занавѣсомъ.

Кромѣ того, другимъ яснымъ доказательствомъ отсутствия тождества съ Федоромъ Кульнечемъ можетъ служить то, что самій ходъ болѣзни Александра, какъ мы его знаемъ по западской современниковой, настолько характеренъ для брюшного тифа, что сомнѣваться въ этомъ не приходится. Виртность зараженія брюшно-тифозной инфекціей для Александра была весьма возможна: онъ много времени проводилъ въ разѣздахъ, находясь въ лагеряхъ, проѣзжалъ тамъ пищу, и конечно могъ заразиться тѣй-нибудь

при этомъ, а при малѣйшей простудѣ и ослабленіи организма могли начать свое губительное дѣяніе специфическая бациллы. Намъ представляется, что если даже допустить на короткій мигъ возможность ложной болѣзни постоянного лица, какъ выражаютъ сторонники теоріи тождества Кузьмича съ Александромъ, то вѣдь при этомъ надо допустить возможность и даже необходимость самой тонкой и точной ложи и игры въ настоящаго государя въ течение 16-ти дней со стороны всѣхъ окружающихъ, до императора включительно, при чѣмъ ложа должна была происходить не за страхъ только, но и за сѣрѣсть, ибо императрица Елизавета Алексеевна писала самыи испрещеніи горестныхъ письма къ своей матери, что ужъ наизбрѣ не могло бы входить въ самую широкую и точно обдуманную программу мистификаціи и фальсификациіи.

Мы не будемъ говорить о пріочекъ мелкихъ чертакъ, отличающихъ Кузьмича отъ Александра Павловича, какъ, изпр., о почеркѣ, вѣ имѣющемся ничего общаго ни въ одной букви, если сложить, напримѣръ, надпись изъ конверта Хромову, сѣймансную руково Кузьмича съ почеркомъ Александра I. Ранко можно считать поконченнымъ вопросъ о тарабаринѣ, которую нашли въ запискѣ послѣ Феодора Кузьмича въ томъ пакѣтѣ, на который онъ указывалъ съ словами «въ немъ мои тайны». никакихъ тайнъ въ немъ нѣть, это просто наборъ словъ, безъ всякаго смысла, записанный когда-нибудь въ первую тихолаго состояніи душевной боли Кузьмича, можетъ быть даже съ намѣреніемъ придать этому характеру тайны и смыслъ ея, но отъ намѣренія до умысла сказать это еще далеко и самымъ тщательнымъ исканіемъ показали, что никакого смысла въ этой запискѣ не заключается.

Мы не можемъ обойти молчаниемъ, въ особенности теперь, когда вопросъ напрѣкъ концу, и мы можемъ считать доказаннымъ отсутствіе тождества интересующихъ насъ лицъ, но можемъ обойти молчаниемъ того, что въ послѣ Александра осталася въ карманѣ его платы пакѣтъ, который окружающими былъ принятъ за духовное завѣщеніе, такъ какъ императоръ никогда съ нимъ не разставался.

Но, когда его вскрыли, то оказалось, что тамъ были дѣнеги и золоты изъ нѣсколькоихъ главъ синицкаго писания.

Это обстоятельство, лумается намъ, только подтверждаетъ, что одно и то же болѣвническое душевное состояніе

у разныхъ лицъ, въ различныхъ совершенно обстоятельствахъ и смыслѣ времени и места, можетъ выражаться одинаковымъ образомъ. Вѣдь у Кузьмича тоже нашла пакѣтъ, въ которомъ будто бы было «его тайна». Сказавшаго, полагаемъ, довольно для того, чтобы ублѣгнуть непрорубленному читателю въ томъ, что между императоромъ Александромъ I и старцемъ Феодоромъ Кузьмичемъ никакой связи, которую можно было бы доказать научными путемъ, нѣть, что весь сыръ боръ загорѣлся съ одной стороны изъ-за кинувшихъ пріочекъ послѣдовавшихъ богомолокъ, а съ другой поддерживалось все это своеобразными расчетами разбогатѣвшаго кулака, ловко эксплуатировавшаго народное исполненіе.

— Но надо надѣяться, что сѣрѣть, пролитый на это дѣло, не дастъ возродиться пелѣнамъ слухамъ и сплетнямъ, въ что мракобѣсъ уступитъ истины и сѣрѣть науки освѣтить всѣ темные углы ирачной истории русской земли.

Снято въ 1902 году.

Глава I.	Стр.
Послѣдніе годы царствованія Александра	7
Глава II.	
Отъѣздъ на югъ и Таганрогъ	29
Глава III.	
Надь умершимъ.	63
Глава IV.	
Легенды и слухи.	88
Глава V.	
Характеръ Александра и его болѣнь	96
Глава VI.	
Старецъ Кузьмичъ.	113
Заключеніе.	147

14